

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ФРИМЕН

.....

ПОЮЩИЕ
КОСТИ

.....

ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ

РИЧАРД ФРИМЕН

Ричард О. Фримен (1862—1943) —
известный английский врач и писатель,
создатель обаятельного персонажа —
доктора Торндайка, который проводит
расследования, опираясь не на
дедуктивные способности,
а на научные методы поиска улик.

РИЧАРД
ФРИМЕН

ПОЮЩИЕ
КОСТИ

.....

ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф88

Серия «Золотой век английского детектива»

Перевод с английского *Н.С. Ломановой* («Поющие кости»),
Л.Г. Мордуховича («Тайны Д'Эрбле»)

Компьютерный дизайн *Я.Е. Половцевой*

Фримен, Ричард О.

Ф88 Поющие кости. Тайны Д'Эрбле : [сборник] / Ричард О. Фримен ; [пер. с англ. Н.С. Ломановой, Л.Г. Мордуховича]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 480 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-089472-7

В знаменитом сборнике рассказов «Поющие кости» доктор Торндайк расследует таинственные и запутанные преступления: кражу крупной партии бриллиантов, загадочное убийство управляющего поместьем, дела о шантаже, мошенничестве и другие.

Во время прогулки у озера молодой врач Стивен Грей обнаруживает на берегу тело скульптора Д'Эрбле. Но как там оказался скульптор? При каких обстоятельствах погиб? Полиция теряет-ся в догадках, и тогда Стивен Грей просит своего коллегу доктора Торндайка провести частное расследование.

А вскоре и жизнь самого Стивена оказывается в смертельной опасности...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089472-7

© Перевод. Н.С. Ломанова, 2015
© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2015
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ

Глава 1

ВСТРЕЧА У ЛЕСНОГО ОЗЕРА

До какого-то момента наше прошлое кажется далеким, смутным и туманным. Зато все случившееся после помнится ярко и отчетливо, и почему-то крепнет уверенность, что все это непременно, неминуемо должно было случиться. Странное ощущение... Сейчас, спустя двадцать лет, мне кажется, будто это было только вчера.

Должен признаться, подробности тех событий представляются мне столь невероятными, что рассказывать о них неловко и даже боязно.

Но ведь это было.

Я пишу, и перед моими глазами возникает картинка: ранняя осень, Хайгейт, солнечно, на часах восемь утра, и я, вполне еще молодой человек, двадцати пяти лет от роду, обладатель свеженького врачебного диплома, отправляюсь на прогулку в лес, благо он здесь неподалеку. Завтра мне предстоит начать работу. Но это завтра, а сегодня ничего, кроме приятной праздности. Правда, блокнот для зарисовок в кармане и коробка с пробирками для сбора образцов намекали на истин-

ную цель прогулки, но это для меня все равно был отдых.

Вот и лесная аллея. Тишина, косые лучи солнца золотят опавшие с дубов листья. Их немного, осень только начинается. Я почему-то вспомнил тогда, что это остаток первобытного девственного леса, покрывавшего всю Британию, и где-то там в низине находится посещаемая дүхами большая общая могила умерших от чумы...

Аллея повернула направо; по обе ее стороны шли высокие кусты, а за ними деревья, в основном дубы, но попадались и лиственницы, серовато-зеленая хвоя которых отсвечивала голубизной. И там стояла она, среди папоротников, как прекрасное видение. По-настоящему прекрасное — девушка была необыкновенно хороша собой. Она пристально вглядывалась в чащу, наклонившись вперед, как будто что-то искала, но при моем появлении, испуганно поежившись, выпрямилась.

Не желая смущать ее, я отвернулся и прошел мимо, сделав вид, что никого не заметил. Нас разделяло не больше десяти футов. Девушка была примерно моего возраста; по виду, несомненно, леди. Я шел дальше, гадая: что она делает тут в такую рань? И вообще, девушке небезопасно находиться в лесу одной. Да она и сама это, видимо, сознавала: мое появление явно ее испугало.

Но все-таки что она высматривала? Что можно было тут потерять, чтобы прийти искать рано утром? Впрочем, это не мое дело. Девушка, ко-

нечно, красива, но мне пора сворачивать к месту назначения.

Я двигался к озеру, как и намеревался с самого начала, а у самого из головы не выходила загадочная фигура, высматривающая что-то среди деревьев. Не скрою, если бы она была не так красива, я бы, наверное, уделил ей много меньше внимания. Но мне было двадцать пять, и если мужчина в таком возрасте не замечает привлекательных девушек, значит, с головой у него далеко не все в порядке.

В задумчивости я незаметно вышел к большой поляне, в низине которой лежало небольшое овальное озеро с илистыми берегами, куда впадал хилый ручеек, начинавшийся неведомо где. Подойдя к воде, я немедленно приступил к делу: достал из кармана коробку с пробирками, зачерпнул одной немного воды и на свету через лупу изучил улов. Он оказался неплохим. Прилипшая к корешку ряски зеленая гидра, несколько активных дафний, алый водяной клещ и красивая сидячая коловратка. Озеро было богато такого рода фауной.

Ободренный успехом, я убрал пробирку и достал следующую. Вторая проба оказалась менее богатой, но пробудившийся азарт натуралиста заставлял брать пробы одну за другой. Я медленно двигался вдоль берега, забыв обо всем, даже о загадочной девушке, и так увлекся охотой, что не заметил весьма примечательное и довольно крупное светлое пятно, которое, кажется, все время было на виду. Я увидел его, когда оказался совсем рядом: наклонился счистить со свежей

пробы ряску и уперся взглядом в человеческое лицо, обрамленное водорослями.

Я испугался. Стоял с перехваченным дыханием, не в силах оторвать взгляд. Это было лицо мужчины за пятьдесят, красивое, утонченное. Усы, борода клинышком, густые волосы с проседью. Тело было скрыто под водой. Странно, но лицо утопленника показалось мне знакомым.

О том, что делать дальше, и думать было нечего. Надо идти, искать полицейского и сообщить об увиденном. А там пусть сами решают. Я впихнул пробирки в коробку и, взглянув в последний раз на человека, будто спящего под зеркальной поверхностью воды, двинулся прочь. Неслышно ступая, почти крадучись, словно скрываясь с места преступления.

Возвращаясь тем же путем, я вспомнил, в каком беззаботном настроении совсем недавно пребывал, направляясь к озеру. Да, столкновение с трагедией, пусть даже случайное, мало кого оставит равнодушным. А в том, что у озера произошла трагедия, сомнений не было. Как врач, со смертью я был знаком не понаслышке. Но одно дело, когда это происходит в результате болезни или несчастного случая, и совсем иное — когда натыкаешься на мертвеца, плавающего в маленьком лесном озере. Вряд ли этот человек пришел сюда просто прогуляться. А хоть бы и так, все равно случайно упасть и утонуть в этом озере невозможно. Оно мелкое, с пологим дном. Может, самоубийство? Может быть, человек специ-

ально пришел сюда свести счеты с жизнью таким странным способом? Всякое бывает.

Не успел я дойти до главной аллеи, как снова увидел девушку, о которой, признаться, забыл. Она по-прежнему что-то искала в лесу, и мое появление опять ее испугало. На этот раз я не стал прикидываться и встретился с ней взглядом. В ее глазах были страдание и страх. Бледна и измучена... Теперь я понял, почему лицо того человека под водой показалось мне смутно знакомым. Девушка была на него похожа.

Сильно волнуясь, я остановился и снял шляпу:

— Простите, пожалуйста, я могу вам чем-то помочь? Мне показалось, вы что-то ищете.

— Спасибо, но мне не нужна помощь.

Ответ был вежливый, но в конце фразы ее голос чуть дрогнул.

При обычных обстоятельствах на этом бы наш разговор и закончился. Но не сейчас.

— И все-таки, что вы ищете? — рискнул продолжить я. — Поверьте, это не праздное любопытство. У меня есть причина.

Она задумалась на несколько секунд, а затем, потупившись, проговорила:

— Я ищу отца. — При этих словах у меня екнуло сердце. — Он вчера вечером не пришел домой. Папа всегда ходит через лес этим путем, ему так нравится. Вот я и пришла сюда посмотреть. Может, он в темноте заблудился, и ему стало плохо. Или...

Голос бедной девушки сорвался, и она разрыдалась.

Я принялся бормотать слова утешения, что-то совершенно невразумительное. Мне было не по себе. Утопленник, которого я только что видел в озере, — ее отец. Это несомненно. Но как об этом сказать?

Пока я набирался смелости, она первой задала вопрос:

— Вы упомянули, что у вас есть причина... Так что это? — Девушка замолчала и, глянув на меня, начала вытирать глаза.

Я предпринял последнюю попытку найти средство как-то смягчить известие, но в конце концов выпалил, запинаясь:

— Я начал спрашивать, потому что... Понимаете, я только что видел в озере утопленника, мужчину...

— Где? — вскрикнула она. — Пойдемте туда!

Я молча развернулся и быстро пошел по узкой тропинке, ведущей к озеру. Она едва поспевала следом. Через несколько минут мы были на берегу. Мертвец, естественно, пребывал в том же положении, но теперь я увидел еще и торчащий из ряски ботинок.

Она на секунду остановилась, а затем, издав мучительный стон, вошла в воду. Я полез за ней следом. Обняв мертвого отца за плечи, девушка тщетно пыталась вытащить его на берег. Я подошел вовремя, и вдвоем мы справились с этим довольно быстро. Втащили тело по пологому склону и аккуратно положили на траву.

Не было произнесено ни слова, не было задано ни одного вопроса. Трагедия говорила сама за

себя. Я стоял, сдерживая навернувшиеся на глаза слезы, и смотрел на дочь, переживающую потерю горячо любимого отца. И прямо сейчас передо мной ее солнечное, безоблачное прошлое превращалось в мрачное настоящее — с намеком на безрадостное будущее.

Она сидела на траве, положив голову мертвого отца на колени, и нежно стирала влагу носовым платком, поправляла седые волосы, шептала какие-то ласковые слова, наклоняясь к его уху, уже неспособному слышать. Она забыла о моем присутствии; кажется, для нее в мире перестало существовать все, кроме отца.

Шли минуты. Я стоял со шляпой в руке поодаль и наблюдал эту душераздирающую сцену, не осмеливаясь нарушить тишину, казавшуюся мне в тот момент священной. Но вечно так стоять было нельзя. В любом случае о происшествии следовало известить полицию, а они распорядятся убрать отсюда покойника и начнут устанавливать причину смерти.

Пришлось сделать над собой усилие.

— Простите, мисс, — произнес я так мягко, как только сумел, — ваш отец... Ему... Его необходимо отсюда перевезти. Но прежде надо сообщить в полицию. Я могу пойти один, но если вы... Мне не хочется оставлять вас здесь одну.

Девушка подняла на меня глаза. Я ожидал рыданий, но она, к моему огромному облегчению, отозвалась довольно спокойно:

— А я не могу оставить его здесь одного. Поэтому идите и... похлопочите о чем следует.

Пришлось скрепя сердце согласиться с ее решением. Возможно, на ее месте я бы поступил точно так же.

Пообещав вернуться как можно скорее, я припустил по лесной дорожке, едва не переходя на бег. Перед тем как скрыться за поворотом, оглянулся. Она сидела ссутулившись, скорбно вглядываясь в мертвое лицо отца, глядя мокрые волосы.

Я собирался идти в полицейский участок, причем вначале надо было узнать, где он находится, но мою задачу облегчил полицейский на велосипеде, встретившийся мне сразу, как только я вышел из леса на улицу. Попросив его остановиться, я коротко объяснил ему ситуацию.

Он деловито меня выслушал, затем сказал:

— Мы постараемся убрать оттуда тело как можно скорее. Я поеду в участок, и примерно через четверть часа мы будем на месте с каталкой. Встречайте нас там.

Я проводил его взглядом и повернул обратно в лес. Девушка сидела в той же позе, в какой я ее оставил. Увидев меня, она подняла глаза и, выслушав объяснения, спросила:

— Папу привезут в наш дом?

— Боюсь, что нет, — ответил я. — Тело останется в морге, пока не будет заключения коронера.

— Что ж, пусть будет так, — проговорила она с тихой покорностью и продолжила вглядываться в восковое лицо у себя на коленях.

Убедившись, что моя новая знакомая ведет себя в высшей степени разумно, я с облегчением направился обратно, намереваясь встретить полицейских у входа в лес. По дороге и потом, прохаживаясь в ожидании и поглядывая на улицу, я размышлял о случившемся.

Этот человек возвращался вечером домой по привычному пути. Стало быть, о том, что он заблудился, не могло быть и речи. Чего ради? Зачем ему было вечером, в полумраке углубляться в лес? И опять же — в таком мелком месте утонуть просто так, без постороннего вмешательства, просто невозможно.

Так как же все это объяснить? Ведь человек мертв, его тело я обнаружил в озере. Тут можно было предложить три версии, две из которых вряд ли стоило принимать во внимание. Версию о том, что он был пьян, я отверг сразу. Во-первых, эта девушка явно была из приличной семьи, отец ее никак не мог быть пьяницей. Но даже если он действительно был очень пьян, то как добрался до берега посреди леса, да еще в темноте?

И если ему вдруг стало плохо, то эти обстоятельства также оставались невыясненными.

Наконец, была последняя версия, тоже не вполне убедительная, но хотя бы объясняющая его появление там. Самоубийство. Место это безлюдное, тем более вечером. Если человек по какой-то причине решил свести счеты с жизнью, он вполне мог выбрать озеро. И не важно, что оно мелкое.

Версию вроде бы подтверждал тот факт, что дочь искала отца в лесу, полагая, что он заблудился. И все-таки меня это не убеждало.

Появились два констебля с каталкой. С ними был третий, в штатском. Видимо, детектив. Как только они приблизились, детектив представился: «Инспектор Фоллетт». И тут же начал задавать вопросы.

Я назвал свою фамилию, адрес, род занятий, а затем кратко изложил известные мне факты.

Инспектор быстро записал ответы в блокнот, затем спросил:

— Вот вы, как доктор, можете хотя бы приблизительно указать время смерти?

Я задумался.

— Судя по состоянию тела, он умер примерно девять-десять часов назад. Дочь говорит, что отец отсутствовал примерно столько времени.

Инспектор кивнул:

— Насколько я понял, ни с девушкой, ни с ее отцом вы знакомы не были и дополнительно ничего сообщить не можете.

— К сожалению, не могу, — подтвердил я.

Он вздохнул:

— Странно это все. Человек, возвращаясь поздно вечером с работы, по своей воле вдруг забрел на берег озера. Очень сомнительно. Впрочем, не стоит гадать. В ходе расследования все обстоятельства будут тщательно изучены.

Мы вышли к поляне.

— Бедняжка, — пробормотал инспектор, увидев девушку.

Она сидела в прежней позе, но теперь, положив голову мертвого отца на траву, тихо плакала. Я заметил, что ее юбка, от талии до самого низа, насквозь промокла.

Приблизившись к девушке, инспектор снял шляпу. Затем грустным, но внимательным взглядом быстро осмотрел мертвеца и мягко и почтительно обратился к дочери:

— Произошла страшная трагедия, мисс. Позвольте выразить вам искреннее сочувствие и заверить, что я разделяю вашу скорбь, но тем не менее вынужден задать несколько вопросов. Только самые необходимые.

Девушка потупилась, затем подняла глаза и тихо заговорила:

— Благодарю вас. Я все понимаю и готова ответить на вопросы.

— Прежде всего мне хотелось бы узнать ваше имя и адрес, а также имя погибшего джентльмена, который, я полагаю, приходился вам отцом.

— Меня зовут Мэрион Д'Эрбле. Отец — Джулиус Д'Эрбле. Он скульптор и изготовитель манекенов. Вдовец. Я его единственный ребенок, жила вместе с ним. — Подрагивающим голосом девушка назвала адрес их дома в Хайгейте и мастерской отца на Эбби-роуд в районе Хорнси.

— Вы можете как-нибудь объяснить причину случившегося? — спросил инспектор, записав ее ответы в блокнот.

— Причину я просто не могу себе представить, — ответила она. — Вчера отец не пришел до-

мой, и утром я пошла в его мастерскую проверить — папа иногда оставался там ночевать, когда работал допоздна. Женщина, которая убирает в мастерской и живет в доме рядом, сказала, что вчера отец задержался на работе позже обычного. Ушел где-то в начале одиннадцатого. Домой он всегда ходил через лес. Этот путь самый короткий и приятный. Поэтому я пошла в лес посмотреть... может быть, он... — Она всхлипнула. — Потом этот джентльмен сказал мне, что видел в озере... — Мисс Д'Эрбле всхлипнула снова и замолкла.

Бормоча извинения, инспектор закрыл блокнот и кивнул констеблям, стоящим с каталкой в нескольких шагах. Они молча приблизились к погибшему. Мы с инспектором подошли им помочь и вместе быстро положили тело на каталку.

Инспектор повернулся к мисс Д'Эрбле:

— Тело вашего отца сейчас доставят в морг. Потом, если вы пожелаете, могут перевезти к вам домой, но только после заключения коронера. Так что позвольте нам отбыть.

Не произнеся ни слова, она подошла к каталке, поцеловала мертвого отца в лоб, выпрямилась и замерла. Констебли накрыли тело покрывалом, почтительно поклонились и покатали каталку по узкой дорожке. Инспектор двинулся следом.

Мы с мисс Д'Эрбле долго смотрели им вслед. Я размышлял, что делать дальше. Конечно, ее надо проводить до дома. Она устала, и ей явно не по себе. Тем более в мокрой юбке. Но мы были

практически незнакомы, и я стеснялся навязывать свое общество.

Однако, увидев, что она дрожит, я осмелел. Особенно после того, как напомнил себе о том, что я врач.

— Вам надо поскорее домой, переодеться. Иначе простудитесь. Я вас провожу.

Она подняла голову:

— На вас тоже вся одежда мокрая. Я доставила вам много хлопот...

— И все же позвольте мне вас проводить, — настаивал я. — У меня на душе станет спокойнее.

Она кивнула:

— Спасибо. Вы очень любезны. На самом деле я бы не хотела возвращаться домой в одиночестве.

Мы пошли. Через поляну и дальше по лесной тропинке. Она впереди, я сзади. Затем вышли на главную тропинку, потом на улицу и дальше к ее дому. Шли молча. Я не делал попыток завести разговор. Все, что я мог бы сказать, представлялось мне неуместным и банальным. А она, погруженная в горестные размышления, возможно, вообще забыла о моем присутствии.

— Надеюсь, — произнес я, когда мы приблизились к дому, — у вас есть кто-то, с кем вы сможете разделить горе?

— Есть, — отозвалась она. — Двое. Близкая подруга, моя ровесница, и наша старая служанка, давно ставшая членом семьи. Она нянчила еще маму, а после ее смерти была и остается в нашем доме за хозяйку. Она очень привязана к моему

отцу. Известие о его смерти будет для нее тяжелым ударом. Не знаю даже, как ей сказать... — Ее голос дрогнул.

— Говорят, разделенное горе — это полгоря, — произнес я, пробуя хоть как-то ее утешить.

Через пять минут мы были на трехгранной площади перед приятным с виду домом семьи Д'Эрбле. От него веяло стариной. На воротах красной краской изящная надпись: «Коттедж в плюще». Из окна эркера первого этажа за нами встревоженно наблюдала пожилая женщина. Ее, видимо, смутило состояние нашей одежды. Она исчезла и вновь появилась в открытых дверях.

Мисс Д'Эрбле повернулась и протянула руку:

— До свидания. Надеюсь, позднее я смогу отблагодарить вас за доброту.

Она вошла в калитку, направляясь по неширокой мощеной дорожке к двери, где ее ждала старая нянька.

Глава 2

БЕСЕДА С ДОКТОРОМ ТОРНДАЙКОМ

Стук закрывшейся калитки как будто обозначил конец одного действия и начало другого. До сих пор мое внимание было полностью приковано к мисс Д'Эрбле и ее горю, но теперь, когда она ушла, я немедленно принялся размышлять над сегодняшними событиями.

Как объяснить эту трагедию? Несчастный случай? Нет, не похоже. Человек может упасть в глу-

бокую воду и утонуть: оступиться в темноте, споткнуться о причальный канат или что-нибудь похожее... Но там ничего похожего не было и в помине. В том месте, где находилось тело, глубина озерца не больше двух футов, а ближе к берегу и того меньше. Так что если он и забрел туда в темноте, то мог легко выбраться на землю. Впрочем, как он мог туда забрести? Единственно, если с какой-то целью. Неужели, чтобы покончить с собой?

Размышляя над этим, я обнаружил, что не желаю принимать такую версию, несмотря на опасения и, может быть, подозрения дочери. Пока мы шли к дому, она рассказала кое-что об отце, и я понял, что это был человек всеми любимый, а значит, скорее всего счастливый. А счастливые люди самоубийством не кончают.

Но если отвергнуть версию самоубийства, то что же останется?

Озадаченный непостижимой тайной, я не переставал думать и садясь в трамвай, где прошел в самый конец, чтобы никто не видел мои мокрые брюки. Тайна смерти Джулиуса Д'Эрбле меня волновала не потому, что я был излишне любопытен. Нет. Его судьбу я неожиданно начал воспринимать как нечто личное, касающееся меня самого. Я знал его дочь всего несколько часов, но это были часы, которые мы с ней никогда не забудем. Что странным образом позволяло мне думать о ней как о близком человеке.

О том, чтобы разрешить загадку самому, не могло быть и речи. Но я знал, как поступить. Ме-

дицинский институт при больнице Святой Маргариты, где я учился, славился своими преподавателями. А кафедру судебной медицины у нас возглавлял один из крупнейших специалистов в этой области — доктор Джон Торндайк. Надо ли говорить, что в связи с загадкой о гибели мистера Д'Эрбле я сразу подумал об этом замечательном человеке. Во время учебы он несколько лет был моим куратором. В его доме я ни разу не был, но в последний раз он мне сказал, что, если понадобится совет, я могу обращаться к нему в любое время. И сейчас это время наступило. Я знал, что сегодня у него нет занятий, домашний же адрес можно было найти в институтском реестре.

На часах начало первого, было время переодеться и поесть.

Два часа спустя я двигался по приятной, обсаженной тенистыми деревьями улице, посматривая на номера домов. А вот и вырезанный на камне в основании изящного кирпичного портика галереи XVII века номер дома Торндайка. Кажется, мой учитель на месте: дверь с его фамилией на дощечке была распахнута, за ней виднелась вторая, внутренняя, с висящим рядом отполированным медным дверным молотком, которым я и воспользовался.

На мой стук почти сразу отозвался невысокий, похожий на священника джентльмен в черном льняном фартуке и черных же гетрах на ногах. Он застыл с вежливым вопросом в глазах.

— Могу я увидеть доктора Торндайка? — спросил я и, чуть помедлив, добавил: — По делу.

Невысокий джентльмен осветился лучезарной улыбкой, при этом его лицо покрылось сетью маленьких симпатичных морщинок.

— У доктора ленч в его клубе, но он скоро вернется. Желаете подождать?

— Конечно, — отозвался я. — Надеюсь, мой визит его не беспокоит.

Невысокий джентльмен снова улыбнулся:

— Дела, связанные с профессией, доктор беспокойством не считает. Да и любой человек, если к нему обратились по делу, доставляющему удовольствие, вряд ли сочтет, что его побеспокоили.

Произнося эти слова, он поглядывал на стол, где стоял микроскоп, поднос с препаратами и крепежным материалом. Рядом лежала стопка матерчатых лоскутков.

— Извините, что оторвал вас, кажется, вы заняты, — сказал я.

— Это пустяки, — отозвался он. — Но, пожалуй, пора продолжить работу.

Он усадил меня в мягкое кресло, а сам занял место за столом и принялся возиться с лоскутками, отделяя от них нити. Понаблюдав некоторое время за его точными, выверенными движениями, я хотел было спросить, зачем эти нити нужны, как вдруг он вскинул иглу, которой работал, и прислушался.

— А вот и доктор.

Через секунду я тоже уловил едва слышный звук шагов, доносившийся издалека. Очевидно,

ассистент доктора обладал слухом сторожевой собаки; он прекратил работу и собрал нити на краю стола. Шаги тем временем приближались, наконец дверь распахнулась, и появился доктор. Ассистент немедленно сообщил ему о моем присутствии.

Доктор улыбнулся:

— Полтон, вы недооцениваете мою способность к наблюдению. Я отчетливо вижу этого джентльмена невооруженным глазом. Здравствуйте, Грей. — Он радушно пожал мне руку.

— Сэр, если вы не можете уделить мне время для разговора, — смущенно проговорил я, — то я приду в другой раз... Мне нужно проконсультироваться по весьма загадочному делу.

— Друг мой, — Торндайк похлопал меня по плечу, — для весьма загадочных дел время у меня всегда найдется. Позвольте только повесить шляпу и набить трубку, а затем можете начать приводить меня в содрогание.

Мистер Полтон удалился, уложив лоскутки на поднос, а доктор Торндайк избавился от своей шляпы и, закулив, сел в кресло напротив с блокнотом, приглашая меня рассказывать. Что я и сделал.

Он внимательно слушал, время от времени делал заметки в блокноте и не прерывал рассказ. Когда я закончил, доктор просмотрел свои заметки и поднял глаза.

— Первая версия очевидна — самоубийство. У вас есть основания, кроме уже упомянутых, ее не принимать?

— Разве только вспомнить ваши наставления, — произнес я уныло. — Что к версиям самоубийства в делах, где не все очевидно, следует относиться скептически.

Он одобрительно кивнул:

— Да, это один из главных принципов судебно-медицинской практики. Версию самоубийства следует рассматривать, когда разобраны все другие варианты. Но у нас нет никаких фактов, относящихся к делу. Возможно, что-то прояснится во время разбирательства у коронера. А может, и не прояснится. Но вас-то что здесь беспокоит? Ведь вы всего лишь свидетель, обнаруживший тело, и никогда с этими людьми знакомы не были.

— Это верно, — согласился я, — но мне хочется помочь мисс Д'Эрбле выяснить причину гибели ее отца. Мне показалось, что она надеется на меня... Чувствую себя в какой-то степени обязанным. Так получилось. И потому буду вам премного благодарен, сэр, если вы поможете мне в этом.

— И что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил он.

— Все, что сочтете необходимым, — ответил я, — чтобы установить, как погиб этот человек.

Доктор Торндайк задумался.

— Проводить аутопсию коронер скорее всего поручит судебно-медицинскому эксперту. Я попрошу коронера разрешить мне присутствовать. Думаю, возражений не будет. Затем начнется разбирательство, в котором обязательно будете участвовать и вы — как свидетель. Я найму знакомую

и очень хорошую стенографистку, чтобы она сделала подробный отчет. Даже если аутопсия ничего интересного не выявит, все равно, изучив все представленные свидетельства, можно будет решить, нужно ли по этому делу дальнейшее расследование или нет. Вам такой план подходит?

Я облегченно вздохнул:

— Разумеется. О большем я и не мечтал. И очень вам благодарен, сэр, что вы согласились помочь.

— Не стоит благодарности, — отозвался он с улыбкой. — Вы проявляете благородство по отношению к несчастной осиротевшей девушке, которой, кроме вас, наверняка некому помочь, и я рад поучаствовать в добром деле.

Я снова его поблагодарил и поднялся уходить, но он вскинул руку.

— Посидите еще, Грей, если не торопитесь. Я только что услышал мелодичный звон посуды. Так давайте последуем примеру почтенного мистера Пипса* и «вкусим китайский напиток, называемый чаем», и вы мне расскажете, чем занимались, с тех пор как ушли из-под моей опеки.

Сам я никакого звона посуды не уловил. Видимо, обитателей этого дома отличал особенно острый слух. Так или иначе, но буквально через несколько секунд дверь тихо отворилась, и на пороге возник мистер Полтон с подносом, уставленным изысканной чайной посудой, который он

* Пипс, Сэмюэл (1633—1703) — английский чиновник морского ведомства; автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев. — *Здесь и далее примеч. пер.*

бесшумно и очень ловко поставил на небольшой столик между нашими креслами.

— Спасибо, Полтон, — произнес Торндайк. — Надеюсь, вы уже диагностировали нашего гостя как собрата по профессии.

Лицо ассистента опять пошло морщинками.

— Да, сэр, я сразу подумал, что он из наших.

С этими словами Полтон исчез, не издав при этом ни единого звука.

— Итак, — начал Торндайк, протягивая мне чашку с чаем, — чем вы занимались после того, как покинули больницу?

— Главным образом искал работу, — ответил я. — Пока нашел временную, доволен и этим. Завтра начинаю замещать доктора Корниша на Мекленберг-сквер. Там же буду жить. Доктор Корниш сильно измотался и хочет отдохнуть месяц-другой на восточном побережье. Сколько именно продлится его отпуск, пока не ясно. Это зависит от того, как он будет себя чувствовать. Но для меня сейчас чем дольше, тем лучше. Честно говоря, боязно начинать, ведь общеврачебную практику я еще не вел.

— Что касается пациентов, то с ними вы разберетесь быстро, — утешил меня Торндайк. — А вот насчет выписывания рецептов и бухгалтерского учета постарайтесь подробнее расспросить доктора Корниша, пока он не уехал. Основы медицинской практики вы, слава богу, изучили достаточно хорошо, а опыт придет со временем. Вам повезло, что погружение в профессию вы начинаете, заме-

щая доктора, практика которого налажена. Так значительно легче.

Мы поговорили еще несколько минут, и я решил, что уже достаточно засиделся в гостях. Пожимая мне руку, Торндайк снова вернулся к причине моего визита:

— На разбирательство я не приду, если только коронер не решит, что это необходимо. Но надеюсь на вас: потом вы представите мне подробный отчет обо всем, что видели и слышали. Он мне пригодится, как и стенограмма. До свидания, Грей. И приходите, когда потребуется, не стесняйтесь.

Я шел к себе в приподнятом настроении. Дело Джулиуса Д'Эрбле теперь было в надежных руках. Загадкой его гибели будет заниматься эксперт, о способностях которого ходят легенды. Впрочем, может, тут и нет никакой загадки. Может быть, есть какое-то простое объяснение, и после разбирательства у coronera это выяснится.

В любом случае теперь я мог спокойно подумать о завтрашней работе.

Глава 3

НЕОЖИДАННАЯ СЕНСАЦИЯ

На следующий день вечером, в конце первого рабочего дня, посыльный вручил мне повестку, приглашающую завтра утром прибыть на разбирательство у coronera. К счастью, в это время года

пациентов у доктора Корниша было немного, так что отменять визиты или переносить их на другое время не пришлось.

Утром я, боясь опоздать, торопился настолько, что в результате явился первым. Сторож открыл для меня пустой зал. Впрочем, долго коротать время в одиночестве мне не пришлось. Минут через десять появился инспектор Фоллетт, и не успели мы с ним переброситься несколькими словами, как один за другим начали входить присяжные, следом репортеры, немногочисленные зрители и, наконец, коронер. Он занял место во главе стола, готовясь открыть заседание.

Тут я заметил мисс Д'Эрбле. Она в нерешительности стояла в дверях. А за ее спиной — высокая статная девушка, вся в черном. Я направился к ним.

Увидев меня, мисс Д'Эрбле приветливо улыбнулась. Мы поздоровались за руку, затем она представила мне подругу: «Это мисс Боулер, о которой я вам говорила» — и обратилась к ней: «Арабелла, дорогая, это тот самый джентльмен, который был так любезен со мной вчера». Я почтительно поклонился, проводил девушек на свободные места в первом ряду и сел рядом с мисс Д'Эрбле.

Коронер произнес вступительную речь, после чего повел присяжных в морг — он находился в соседнем с залом помещении — ознакомиться с телом, а я воспользовался случаем получше разглядеть Мэрион Д'Эрбле. О том, что она хороша

собой, я уже писал. И все же тогда, в трагических обстоятельствах, я не мог уделить ей должного внимания... Сегодня, отдохнувшая и пришедшая в себя, она была еще красивее. Дивное, задумчивое лицо, изящная, точеная фигура, темные, пышные, красиво уложенные волосы. О глазах следует сказать отдельно. Огромные, карие, бездонные, сейчас грустные и немного усталые, — от них трудно было оторвать взгляд.

— Боюсь, что разбирательство будет для вас тяжелым испытанием, — проговорил я.

— После вчерашнего я не боюсь никаких испытаний, — отозвалась она. — Вмиг осознать потерю самого любимого человека — вот это по-настоящему ужасно. А все остальное значения не имеет. Разбирательство, затем похороны — разве это может что-то изменить? Я до сих пор с трудом верю в реальность происходящего...

— К вам заходил инспектор?

— Да. Уточнил какие-то малозначащие детали, был очень любезен, но это ничто по сравнению с тем, как вы были добры ко мне вчера, в то ужасное утро.

Я совершенно искренне не понимал, о какой такой доброте с моей стороны идет речь, и собирался сказать об этом, но тут вернулся коронер с присяжными, а к нам быстро подошел инспектор Фоллетт.

— Мисс Д'Эрбле, прошу вас пройти со мной опознать покойного. Это необходимая формальность. И вы тоже, доктор Грей, должны присутствовать там как свидетель.

Мэрион послушно поднялась, и мы последовали за инспектором в морг. Тело, по плечи покрытое простыней, лежало на специальном столе. Я с тревогой наблюдал за Мэрион, опасаясь, что она не выдержит и сорвется, но девушка справилась с испытанием достойно. Постояла, тихо плача, вглядываясь в неподвижное восковое лицо отца. Затем повернулась, утерев глаза, и подошла подписать протокол опознания.

Мы вернулись в зал на свои места, и коронер начал вызывать свидетелей. Как я и ожидал, моя фамилия стояла в его списке первой.

Я встал у стола рядом с ним.

— Назовите свою фамилию, имя, род занятий и адрес, — попросил коронер.

— Меня зовут Стивен Грей, — начал я. — Род занятий — практикующий врач, временный адрес — Мекленберг-сквер, дом шестьдесят один, Лондон.

— Вы сказали, что адрес у вас временный. Что это значит?

— Сейчас я замещаю доктора Корниша, веду прием его пациентов и живу в его квартире. Это продлится полтора-два месяца.

Коронер кивнул:

— Хорошо. Вы опознали покойного в морге?

— Да. Этот тот самый джентльмен, которого я вчера утром, во вторник, шестнадцатого числа, случайно обнаружил в лесном озере.

— Вы можете оценить, как долго он был мертв к тому времени?

— Полагаю, девять или десять часов.

— Теперь изложите, пожалуйста, при каких обстоятельствах вы обнаружили погибшего.

Я рассказал со всеми подробностями о своем трагическом открытии, и меня с живейшим интересом слушали не только коронер и присяжные, но и все присутствующие.

Затем коронер спросил:

— Могли бы вы, как врач, указать причину смерти мистера Д'Эрбле?

— Нет, — ответил я. — На теле погибшего не было следов насилия... Я решил, что он утонул.

После меня коронер вызвал Мэрион Д'Эрбле, выразив ей соболезнования от себя и присяжных:

— Мы искренне сочувствуем вашему горю, но, к сожалению, вынуждены беспокоить.

— Я все понимаю, — произнесла она, — и благодарю вас и жюри присяжных за доброту.

Затем Мэрион произнесла присягу, представилась и назвала свой адрес. Первые вопросы к ней были примерно такими же, как и вчера у инспектора Фоллетта. После них коронер произнес:

— В момент встречи с мистером Греем вы находились в лесной чаще. По какой причине?

— Я очень беспокоилась об отце, — ответила Мэрион. — Он не пришел с работы, а накануне не упоминал, что намерен остаться ночевать в мастерской. Он иногда так делал, если задерживался до ночи. Утром я сразу пошла к нему на работу на Эбби-роуд. Женщина, присматривающая за мастерской, сказала, что вчера он ушел примерно

в десять вечера. Вот тогда я заволновалась еще больше, потому что он ходил домой через лес.

— А что могло случиться с ним в лесу?

— Ну, он мог почувствовать себя плохо, потерять сознание. Отец упоминал однажды, что у него не все в порядке с сердцем, но как-то вскользь. Он не любил говорить о своем здоровье.

— То есть ничего другого вы не предполагали?

— Нет. Я боялась, что у него внезапно отказало сердце. Такое иногда случается с пожилыми мужчинами.

Коронер замолк, обдумывая ответ. Я не понимал, о чем тут можно размышлять. Все было совершенно ясно.

Наконец он заговорил, очень серьезно и веско, подчеркивая каждое слово. Опять же, с моей точки зрения, без всякой необходимости.

— Мисс Д'Эрбле, я прошу вас быть с нами предельно откровенной. Вы совершенно уверены, что иной причины смерти вашего отца, кроме внезапного отказа работы сердца, не видели?

Она удивленно посмотрела на него, видимо не понимая смысл вопроса. Что касается меня, то я заподозрил, что коронер намекает на злоупотребление спиртным.

— А что еще могло с ним случиться? — ответила она вопросом на вопрос. — Я просто не могу представить.

— У вас не было подозрений, что ваш отец мог покончить с собой?

Мэрион вздрогнула:

— Никогда. Папа был веселый человек, уравновешенный, увлеченный своей работой. Он редко бывал в плохом настроении. Я уверена, причин для самоубийства быть не могло.

Коронер кивнул, — казалось, слова дочери погибшего его удовлетворили, — и следом спросил:

— У вашего отца были враги?

— Нет. — Ее глаза наполнились слезами. — У папы была добрая душа, и это все чувствовали. Так что врагов у него не было.

Коронер смотрел на нее с симпатией, но продолжал гнуть свою линию:

— Но он мог обидеть кого-нибудь ненароком, и тот человек, к примеру, затаил к нему враждебность. Разве такое не случается?

— Только не с моим отцом, — твердо проговорила Мэрион. — Он никого не мог обидеть даже невзначай, потому что жил со всеми душа в душу.

Коронер записал ее ответ и застыл, как будто в чем-то сомневаясь. Затем поднял глаза:

— Расскажите о его работе.

— Мой отец был скульптором, — ответила она, — но в последнее время зарабатывал на жизнь разными ремесленными поделками, в основном из керамики. Это, конечно, были авторские работы, но все же далекие от искусства. Кроме того, он принимал заказы на рамы для картин и высококачественные восковые манекены. Чаще всего для витрин магазинов.

— У него были помощники?

— Нет. Он работал один. Время от времени с пресс-формами ему помогала я, но это когда заказ был большой. Обычно же он все делал сам. — Она задумалась. — Впрочем, иногда отец нанимал специалистов.

— Что это были за люди?

— Высококласные профессионалы. Большинство — итальянцы, среди них несколько женщин. В его адресной книге есть список.

— Над чем он работал накануне?..

— Готовил пресс-форму для фарфоровой статуэтки.

— Вам известно о его конфликтах с помощниками?

— Нет. Они все относились к нему с огромным уважением.

— Но все-таки, что это были за люди? Достойные, хорошо воспитанные?

— Пожалуй, да, весьма достойные люди. Трудолюбивые, трезвые, без вредных привычек.

Коронер опять замолк, испытующе глядя на свидетельницу. Затем сменил тему:

— Ваш отец носил при себе что-то ценное?

— Насколько мне известно, нет.

— Никаких ювелирных изделий? Может быть, дорогой портсигар или образцы драгоценных материалов?

— Нет, ничего такого при нем быть не могло. А работал он в основном с гипсом и воском.

— А деньги, какая-нибудь значительная сумма?

— Нет. За работу ему платили чеками, и свои платежи он осуществлял таким же образом. В бумажнике у него обычно лежало не больше двух фунтов.

Коронер опять глубоко задумался. Мне казалось, что он пытается выявить какой-то факт, но пока безуспешно. Наконец, бросив на свидетельницу очередной озадаченный взгляд, он повернулся к присяжным и предложил желающим задать вопрос. Таковых не оказалось, и он с благодарностями отпустил Мэрион.

Следя за ходом разбирательства, я несколько раз оглядывал зал. Мне было любопытно, кто ходит на такие мероприятия. Репортеры — это само собой. Мне показалось, что рядом с ними я разглядел стенографистку доктора Торндайка. Чуть подальше сидели зрители. Их было немного, но странно, что они вообще пришли. В газетах об этом деле говорилось очень сухо, оно не сулило никакой сенсации. Так почему? Единственное объяснение, какое я смог придумать, — все они знали покойного, может быть, соседствовали с ним, и пришли из любопытства.

Особое внимание привлекла женщина лет сорока. Ее лицо закрывала плотная черная вуаль. Видимо, вдова, постоянно носящая траур. Но мне удалось разглядеть, что она блондинка и носит очки. На коленях у нее лежала развернутая газета. Похоже, она слушала и одновременно читала. Неужели пришла сюда от нечего делать, вроде как развлечься? Странно.

Следующим свидетелем коронер вызвал патологоанатома, проводившего аутопсию. «Вдова» бросила на него равнодушный взгляд и вернулась к своей газете. Доктор, интересный мужчина — волосы с проседью, но довольно моложавый, приятный уверенный голос, — начал неторопливо излагать результаты вскрытия:

— Покойный был хорошо сложен, с развитой мускулатурой, возраст около шестидесяти, практически здоров, за исключением недостаточности митрального клапана.

— Причиной смерти послужило это? — спросил коронер.

— Нет. Его сердце было вполне работоспособно, с таким диагнозом он мог жить по крайней мере еще лет двадцать.

— Так от чего он умер?

— От отравления аконитином. Это очень ядовитый алкалоид.

Мэрион Д'Эрбле охнула, а присяжные начали возбужденно переговариваться. Зрители зашевелились, даже дама в вуали оторвалась от газеты.

— И как был введен яд? — спросил коронер.

— Впрыснут в мышцу с помощью шприца.

— Покойный сделал это сам?

— Сам себе он ввести яд никак не мог, — ответил патологоанатом. — Инъекция была сделана в спину, под левую лопатку. И несомненно, если бы покойный решил таким способом покончить с собой, то ввел бы яд в более удобное место, например в переднюю часть бедра. А до своей лопатки

он просто не смог бы дотянуться. — Доктор достал из коробочки шприц и продемонстрировал невозможность сделать самому себе инъекцию в указанное место. Затем передал шприц присяжным для ознакомления.

— И какова, по-вашему, цель всего этого? — спросил коронер.

— У меня нет сомнений, что это было убийство.

— То есть инъекция с лечебными целями исключается?

— Категорически. Тем более с учетом времени и места, где это было совершено. К тому же доза введенного препарата исключает какую-либо терапию. Она была летальная. Нам удалось обнаружить в теле покойного двенадцать гранов аконитина, тогда как смерть наступает всего от одного.

— А какова лечебная доза аконитина?

— Она составляет примерно четыре сотых грана, и даже это не совсем безопасно. Аконитин довольно редко применяют во врачебной практике. Мои выводы подтверждает профессор Вудфорд из больницы Святой Маргариты. Все манипуляции я делал в его присутствии.

— И как все это могло быть исполнено? — спросил коронер. — Я имею в виду инъекцию.

— Могу только предполагать, — ответил доктор. — Убийца с силой воткнул иглу в спину покойного, так что она задела ребро и погнулась. Затем он побежал, видимо, в сторону озера. Мистер Д'Эрбле начал его преследовать. Вскоре яд подействовал, и он упал. Конечно, мистер Д'Эрбле мог

сам оказаться в воде, но, всего вероятнее, его туда бросили. Причем он был еще жив. Мы обнаружили в его легких воду, а вот в желудке ее нет. То есть глотательный рефлекс уже не действовал.

— Значит, у вас нет сомнений, что мистер Д'Эрбле умер от инъекции яда, введенного в его организм с целью убийства? — произнес коронер, подводя черту.

— Никаких, — твердо ответил доктор. — Факты можно толковать только таким образом.

Коронер посмотрел на присяжных:

— Желают ли джентльмены задать свидетелю вопросы?

Старшина присяжных сказал, что жюри полностью удовлетворяют объяснения доктора, после чего коронер поблагодарил свидетеля, и тот удалился.

Последним выступил инспектор Фоллетт. Он коротко рассказал об осмотре места происшествия и о том, что было обнаружено у покойного. Деньги, около двух фунтов, часы, ключи и еще несколько предметов, не представляющих никакой ценности. Так что версия убийства с целью ограбления маловероятна.

Отпустив инспектора, коронер просмотрел свои записки и обратился к присяжным:

— Джентльмены, мне практически нечего добавить к уже сказанному. В своих выводах мы должны опираться только на свидетельства, а они достаточно убедительны. Мистер Д'Эрбле скончался от инъекции смертельной дозы ядовитого

вещества. Инъекция была произведена насильно, с целью убийства. Преступник имел при себе шприц с ядом, что, несомненно, свидетельствует о его намерении лишить мистера Д'Эрбле жизни. Иными словами, в данном случае мы обязаны констатировать совершение преступления. К сожалению, мы не располагаем свидетельствами, позволяющими установить личность предполагаемого преступника и мотив. Прошу вас обсудить свидетельства и вынести вердикт.

Присяжные совещались недолго, затем старшина объявил вердикт:

— Смерть мистера Д'Эрбле наступила в результате преднамеренного убийства, совершенного неизвестным преступником.

Коронер кивнул:

— Я полностью разделяю ваше мнение, джентльмены. А вы, надеюсь, разделяете мою надежду, что преступник будет найден и предстанет перед судом.

На этом разбирательство закончилось, и присутствующие начали выходить из зала. Коронер подошел к мисс Д'Эрбле, чтобы еще раз выразить соболезнования в связи с тяжелой утратой. Я стоял поодаль, рядом с мисс Боулер. Она хмуро молчала, ее щеки были влажными от слез.

— Дело принимает неожиданный поворот, — рискнул произнести я.

Она качнула головой:

— Невыносимо сознавать, что злодей сейчас гуляет на свободе. Постигнет ли его заслуженная

кара? Честное слово, я бы сама его казнила, вот этими руками.

Мы вышли на улицу и двинулись в молчании. Я с тревогой посматривал на бледное лицо Мэрион. Вид у нее теперь был еще хуже, чем вчера, когда она увидела мертвого отца. Нахмуренные брови, плотно сжатые губы, в глазах застыла мука.

Неожиданно она повернулась ко мне:

— Помню, я недавно сказала вам, что для меня важен лишь факт смерти отца, а все остальное значения не имеет. Но я не знала, что жизнь у него отняли таким мерзким, подлым способом. И обездолили меня.

— Да, — согласился я, — это ужасно.

— Если бы он умер естественной смертью, — продолжила она, — я бы попыталась смириться, подавить свое горе. Какой смысл бунтовать против природы? Но теперь оказалось, что жизнь у него отняли, причем на самом пике его творческого подъема. Он делился со мной планами, и они меня потрясали. Но убийца все разрушил. Думать об этом невыносимо. И это будет мучить меня до самой смерти. Я постоянно буду молить Бога о возмездии.

Я смотрел на нее со смесью восхищения и удивления. Кроткая, нежная девушка, какой она мне казалась, вдруг превратилась в героиню рыцарского эпоса, взывающую к мести: ее щеки порозовели, глаза пылали.

— Господь не позволит преступнику уйти от расплаты, — произнесла мисс Боулер с мрачной решимостью. — Я в этом уверена.

Остальной путь к дому Мэрион мы шли молча. У ворот она повернулась ко мне и, протянув руку, принялась благодарить.

— На моем месте так поступил бы каждый, — смущенно запротестовал я. — Но прошу вас, окажите честь, включите меня в круг своих друзей и позвольте быть для вас полезным.

— Я буквально с первой минуты прониклась к вам огромным доверием, — отозвалась она, — и уже считаю вас другом. Надеюсь, вы будете меня навещать, как только все успокоится.

Я поблагодарил ее, кивнул мисс Боулер и удалился, радуясь только что услышанному. Подумать только, она считает меня своим другом! Но теперь я просто обязан инициировать расследование убийства ее отца. Разумеется, неофициальное, которое будет вести доктор Торндайк. Только он сможет найти убийцу.

Слова патологоанатома, конечно, прозвучали для меня как гром среди ясного неба, но за этим открытием — несомненно — стоял доктор Торндайк. Патологоанатом, конечно, был настоящим специалистом и смог бы разобраться в причине смерти без всякой помощи, если бы догадался что-то искать. Ведь чтобы заметить следы инъекции в спину, надо постараться. В глаза они не бросаются. Девяносто девять докторов из ста почти наверняка ничего бы не заметили, особенно если покойный был «утопленником» и на теле нет никаких повреждений. Подобного рода открытия были характерны для Торндайка. Он всег-

да учил, что не следует сразу хвататься за то, что лежит на поверхности, и расследовать любое дело, с виду даже самое банальное, надо очень тщательно, как будто сложнее его ничего нет. И тогда, например, неожиданно выяснится, что на самом деле суицид — ловко замаскированное под него убийство. Если бы не мой недавний визит к Торндайку, вердикт присяжных был бы совсем другим. Например, «смерть по неосторожности» или «самоубийство на почве временного помешательства». Так что я обратился к доктору очень вовремя. Как же теперь подвинуть его начать расследование?

Он может отказаться, скажет, что это не в его компетенции. И расходы, а они непременно будут, — со своими скромными средствами я их скорее всего не потяну. Но все равно нужно зайти к Торндайку, выслушать, что он скажет. И как можно скорее.

Сейчас же мне пора было прибавить шаг, чтобы успеть на прием пациентов доктора Корниша в его кабинете на Макленберг-сквер.

Глава 4

ПАЦИЕНТ БЕНДЕЛОУ

В Лондоне есть районы настолько скучные и серые, что там буквально не на чем остановить взгляд. Кругом какие-то лавки, торгующие то ли старым корабельным имуществом, то ли другим

бесполезным товаром. Под стать обстановке и такие же унылые обитатели.

Вот такое место я обозревал с верхней части омнибуса через несколько дней после разбирательства коронера (экипаж доктора Корниша в данный момент был в ремонте, а лошадь на выпасе). Район этот именовался Хокстон, а улица, куда мне следовало прибыть, — Маркет-стрит, что недалеко от канала Риджентс.

Ехал я по вызову, который посыльный принес в кабинет доктора Корниша, но адресованный «доктору Стивену Грею», что меня немало удивило. Бумагу подписал некто Джеймс Моррис, который не был мне известен. Откуда же он знал меня?

Вызов доставили рано утром, и там содержалась просьба «приехать по возможности пораньше». Что за срочность? И потом, зачем вызывать незнакомого врача, молодого, только начинающего практику, и заставлять его ехать в такую даль? Неужели не нашлось никого поближе?

Такие вопросы я себе задавал и сидя в омнибусе, и шагая по этой самой Маркет-стрит, выискивая дом 23 и канал, который видел на карте. Улица оправдывала свое название — там было полно магазинчиков и лотков с разнообразными товарами. Пришлось обратиться за помощью к продавцу рыбы, он показал, куда идти. Вскоре я увидел и канал, и дом — он был последним на противоположной стороне, а в нескольких ярдах за ним улицу перегораживала низкая стена, над которой

виднелась мачта парусного баркаса, медленно проплывающего мимо.

Я подошел к стене. За ней внизу виднелась пешеходная дорожка, идущая вдоль канала. На баркасе начали опускать мачту, чтобы пройти под мостом, который виднелся где-то в двух сотнях ярдов впереди.

Затем я направился к дому. Первый этаж занимал магазин, довольно свежая вывеска на котором возвещала, что его владелец — «Дж. Моррис, антиквар». Выставленный на витрине товар заставил меня усмехнуться. Какой антиквар? Написали бы лучше старьевщик. На витрине красовалась потрескавшаяся пивная кружка в виде сидящего на табурете тучного джентльмена в треуголке и с трубкой, древний морской секстант, часы с кукушкой, табакерка, пара садовых статуэток, побитая чаша для пунша, картина маслом, настолько темная, что невозможно было разглядеть, что там изображено, и наконец посмертная гипсовая маска, возможно, какой-то знаменитости, мне неизвестной.

Мой осмотр прервало появление над задернутой занавеской лица, принадлежащего женщине среднего возраста. Она рассматривала меня с недоброжелательным интересом. Недолго думая, я открыл дверь магазина. Внутри звякнул колокольчик, и тотчас появилась она.

— Я доктор Грей...

— Дверь сбоку, — буркнула она. — Звоните и стучите. Там есть дверной молоток.

Я поспешно последовал в указанном направлении, дернул колокольчик и два раза ударил в дверь молоточком. Никто не отозвался. Неужели в доме никого нет и вызов прислали по ошибке? Я посту- чал еще несколько раз и был вознагражден. Дверь отворила та же самая женщина, что и в магазине, с очень противной кислой физиономией.

Не произнеся ни слова, она впустила меня, за- перла дверь, повернулась и пошла. Я последовал за ней по длинному коридору, который закончил- ся у двери в просторную прихожую первого этажа. Справа виднелась лестница, а в дальнем конце всю стену закрывала тяжелая штора.

Женщина начала подниматься по лестнице медленным похоронным шагом. На площадке она остановилась у первой двери и нарушила молча- ние. Голос у нее был хриплый:

— Скорее всего вы застанете мистера Бенделоу спящим. И не будите, пусть спит.

— Мистер Бенделоу? — спросил я. — Мне по- казалось, что фамилия пациента Моррис.

Она покачала головой:

— Нет, пациент Бенделоу. А Моррис — фами- лия моего мужа и моя тоже. Это он прислал вам вызов.

— Кстати, а откуда он обо мне узнал? — спро- сил я. — Вызов принесли в кабинет доктора Кор- ниша.

— Не знаю, — ответила она. — Наверное, ска- зал кто-нибудь. Но это не важно. Тем более что вы уже здесь. Впрочем, от вас ничего особенного

не требуется. Только формальное наблюдение. Мистер Бенделоу безнадежен. Мой супруг, мистер Моррис, водил его к известному специалисту, доктору Артемусу Кропперу, и он сказал, что у него рак билоруса.

— Пилоруса, — поправил я.

— Пусть так, — проворчала она, — какая разница. В любом случае у него рак этого самого, и его дни сочтены. Доктор Кроппер написал нам, что делать, мы и делаем. Насчет диеты и всего остального. Я вам покажу его бумаги. Он еще прописал мистеру Бенделоу морфий от болей. Мы даем — это делает мой муж — дважды в день. Пока хватает. Мистер Бенделоу к тому же почти совсем глухой, так что вы от него ничего добьетесь, тем более что он почти все время спит. Доктор Кроппер сказал, что у него нет времени его посещать, и мы пригласили вас. Так что зайдите, посмотрите его.

Она бесшумно открыла дверь, и я последовал за ней в некотором смятении, не понимая, что от меня требуется. Артемус Кроппер — весьма авторитетный врач, я слышал о нем, — поставил диагноз и сделал назначения, оспаривать которые я не собирался. Значит, мое присутствие здесь ничего не значило, что, конечно, задевало мое достоинство. Но пришлось смириться. Ничего не поделаешь, начинающему врачу приходится выезжать на любой вызов.

Весьма примечательную внешность мистера Бенделоу подчеркивала подтверждающая диагноз

Кроппера ужасная худоба. Похоже, что и в свои лучшие годы красавцем он не был, а теперь и во все имел вид отвратительной карикатуры. Все, что роковой болезни на его теле могло показаться лишним, она безжалостно убрала, обнажив скелет, зловеще проступающий сквозь тонкую кожу. Над всем тут доминировал его огромный крючковатый нос, похожий на клюв хищной птицы. Тяжелые нависшие брови, которые, видимо, прежде придавали ему хмурый вид, теперь были редки, а выступающие скулы делали его череп страшным. Вид пациента одновременно вызывал жалость и отталкивал.

Его возраст я оценить не смог. Мистеру Бенделу могло быть и все сто лет. Удивительно, что он все еще был жив; казалось, в этом теле не могло остаться ничего, что заставило бы его функционировать.

Сном его состояние назвать было нельзя. Это была своего рода летаргия, вызванная действием морфия. Естественно, он не видел меня, когда я подошел к постели и громко его окликнул.

— Поговорить с ним вам не удастся, и не надейтесь, — сказала миссис Моррис, глядя на меня с каким-то мрачным торжеством. — Он и на нас совсем не реагирует.

— Да, — проговорил я со вздохом, — пожалуй, лучше его не беспокоить. Но осмотреть придется, так положено. Я не имею права делать заключения на основании чужих слов.

Она пожала плечами:

— Делайте, что считаете нужным. Вам лучше знать. Только не тревожьте его без нужды.

Осмотр длился недолго. Коснувшись пальцами живота пациента, вернее того, что от него осталось, я ощутил твердое образование, что не оставляло сомнений в правильности диагноза. В любом случае жить ему оставалось неделю, может, немногим дольше.

Мне показалось, что пациент осознает происходящее, хотя и не реагирует. Он смотрел на меня без всякого интереса пьяными сонными глазами. На голове у него была черная шелковая ермолка, из-под которой виднелись темные волосы с проседью. Значит, он не был лысый, что представлялось странным. И состояние зубов тоже можно было оценить как вполне удовлетворительное. Чтобы окончательно убедиться, я приподнял его верхнюю губу.

Но тут вмешалась миссис Моррис:

— Зачем это? Ведь вы не дантист, а его зубы на болезнь не влияют. Если вы закончили, то пойдемте, я покажу вам назначения доктора Кроппера. Если у вас будут какие, вы их тоже напишите.

Я последовал за ней вниз по лестнице на первый этаж, где она завела меня в небольшую, хорошо обставленную комнату. Там миссис Моррис достала из ящика бюро открытый конверт и протянула мне. В нем лежали несколько рецептов лекарств, включая морфий, и листок с рекомендациями по питанию.

— Я сейчас вспомнила, что у нас морфий заканчивается, — сказала она. — Так что, пожалуйста, принесите в следующий раз.

— Каждый день навещать пациента не имеет смысла... — сказал я.

— Да, — согласилась она. — Я думаю, двух раз в неделю будет достаточно. Мне лучше всего подходят понедельник и четверг. С утра, примерно в это время. Я пока сильно занята. Мы недавно сюда переехали, и у нас нет служанки. Так что все приходится делать самой.

Нельзя сказать, что я пришел от этого предложения в восторг. В медицинской практике таких строгих установлений визитов по дням избегают, но пришлось согласиться с оговоркой: если в указанное время у меня не будет срочных вызовов. Все, опять же, по причине моего теперешнего не очень твердого положения.

Затем она быстро проводила меня по ковровой дорожке до двери. На радушие тут не было и намека.

Уходя, я глянул на витрину магазина и снова над занавеской увидел лицо. На этот раз мужское. Видимо, хозяина, мистера Морриса. Кажется, он меня разглядывал, правда, и я тоже успел кое-что ухватить. По крайней мере, заметил недельную щетину на щеках, усы и заячью губу.

Впрочем, о нем я тут же забыл, а вот его супруга еще некоторое время занимала мои мысли. Своими грубыми и властными манерами она мне сильно не понравилась. Наверное, решила, что если доктор молод, то можно вести себя по-хамски. А так, мистер Бенделоу — необременительный пациент. От меня требовалось лишь созда-

вать видимость врачебного наблюдения и снабжать их морфием. Получить его в аптеке весьма непросто. И наконец, когда придет время, а оно не за горами, выписать свидетельство о смерти.

Да, для молодого амбициозного врача, каковым я, по сути, являлся, выступать в таком качестве было унижительно. Но тут уж ничего не поделаешь, приходилось приноравливаться к обстоятельствам.

Позже я выбросил все это из головы и начал думать о более приятных вещах.

Глава 5

НАХОДКИ ИНСПЕКТОРА ФОЛЛЕТА

Для работы мысли пешая прогулка куда полезнее езды в экипаже. Наверное, существует какое-то взаимодействие между работой мускулов и мозга, которые стимулируют деятельность друг друга. Ходьба подстегивает мысли, а энергия размышления, в свою очередь, передается в опорно-двигательную систему.

По этой причине я, покинув Маркет-стрит, не обращал внимания на проезжающие мимо омнибусы. Мне необходимо было поразмышлять. И мысли мои были сосредоточены вокруг двух самых интересных для меня личностей — мисс Д'Эрбле и доктора Торндайка.

На мое краткое письмо («не нужна ли какая помощь?») мисс Д'Эрбле ответила приглашением

на чай, сопровождавшимся массой приветливых слов. Так что мне оставалось только предвкушать удовольствие.

А вот встреча с доктором Торндайком меня тревожила. Конечно, разрешить эту сложную загадку кроме него было некому. Но просить доктора тратить на расследование свое драгоценное время было очень неловко. Тем более что заплатить за работу мне нечем.

Но что остается? Убийцу Джулиуса Д'Эрбле полиция не найдет, тут нечего и мечтать. Он возник из темноты, совершил отвратительное преступление и растворился в темноте, не оставив ни следов, ни намеков на свои дьявольские мотивы. Не исключено, что он исчез навсегда и что тайна убийства Д'Эрбле вообще не будет раскрыта. Но если кто-то и способен ее раскрыть, то только Джон Торндайк. Отсюда вывод: либо злодей продолжит гулять на свободе, либо за расследование возьмется этот замечательный человек.

И поскольку первый вариант меня категорически не устраивал, то оставалось только идти к доктору. Но вначале следовало проверить, есть ли у полиции в этом деле какие-то подвижки.

Размышляя таким образом, я случайно посмотрел на табличку дома, мимо которого проходил. Там значилось: «Доктор Соломон Ашер». Неужели тот самый?

На младших курсах со мной учился один молодой человек с таким именем. Потом он перешел в другой институт, но я его хорошо помнил.

Он был старше, по крайней мере лет на пять, а то и семь. Веселый, приятный парень, любитель выпить. Помню, он всегда пребывал в хорошем настроении. Одевался старомодно, из-за этого над ним все подтрунивали: внушительных размеров очки, забавные бакенбарды, длинный сюртук, а на голове — неизменный цилиндр.

Потрясающе, но дверь дома вдруг распахнулась и на пороге появился Соломон Ашер собственной персоной. В идентичном наряде — очки, бакенбарды, сюртук, цилиндр — и зонтик бабушкиных времен.

Он узнал меня не сразу — за эти годы я изменился, во всяком случае, гораздо больше его, — а затем повнимательнее взгляделся и воскликнул, расплывшись в улыбке:

— Да это же Грей! Боже, какой сюрприз. Представляешь, я тебя не узнал, ты стал настоящим мужчиной. Рад тебя видеть! — Мы обменялись рукопожатием. — Заходи ко мне, выпьем.

Он радушно распахнул дверь, но я отрицательно покачал головой:

— Спасибо, но сейчас никак не могу.

— Почему? Давай выпьем, это полезно. Я только что принял чуть-чуть и готов принять еще. Что? Как ты сказал? Нет времени? Жаль. — Он помолчал. — И куда ты идешь?

Оказалось, что нам по пути. Ашер пристроился рядом и оглядел меня.

— Значит, ты наконец вылетел из гнезда. Ношишь взрослую одежду!.. У тебя что, пациенты в этом районе?

— Нет, — ответил я. — Понимаешь, я совсем недавно получил диплом и сейчас временно замещаю одного доктора.

— Так это же прекрасно! — воскликнул Ашер. — Для начала замещать кого-нибудь совсем даже неплохо. Набить руку на чужих пациентах, познать то, чему не учат в институте...

— Ты имеешь в виду бумажную волокиту?

— Нет, не это, — ответил он, — а работу с пациентами. Как сделать так, чтобы они всегда были довольны. Между прочим, это настоящее искусство, которому тебе следует обучиться, мой мальчик. Да, методы лечения и прочее в институте преподают отлично. А вот практическая смекалка, знание человеческой природы — это приходит со временем.

— Но знать методику постановки диагнозов, наверное, тоже полезно, — заметил я.

— Полезно, мой дорогой, полезно. Хотя точный диагноз, как известно, может поставить только патологоанатом. — Ашер громко рассмеялся. — Ты знаешь, какое заболевание наиболее распространено? — Он посмотрел на меня, ожидая ответа, и, не получив, продолжил: — Общее недомогание. И как с ним бороться? А по-разному. Возьмем хотя бы отоларинголога. Как ты думаешь, что его кормит? Диагностика и терапия сложных заболеваний среднего и внутреннего уха? Ничего подобного. Его конек — серные пробки. К нему приходит пациент с жалобами на неожиданно развившуюся острую глухоту, и вначале до-

ктор для вида проделывает разные умные манипуляции. Исследует слух с помощью камертона, потом в ход идет отоскоп и прочее. А после он извлекает из уха серную пробку. И все, пациент вновь обретает слух. Конечно, он доволен и славит доктора. А вот я приспособился извлекать из горла рыбы кости.

— Ну, это не всегда легко сделать, — сказал я.

— Это верно, не всегда, — согласился Ашер. — Особенно когда костей там нет.

— Что значит нет? — удивился я.

Он усмехнулся.

— А то и значит. Вот, послушай. Ко мне явился молодой человек с жалобой, что у него в горле застряла рыбья кость. Конечно, ее там не было. Кости редко когда остаются. Его беспокоила образовавшаяся после укола костью ранка в мягком нёбе. При этом он был убежден, что там у него торчит кость. Он сходил к доктору. Тот осмотрел горло и сказал, что никакой кости там нет. Молодой человек остался недоволен и отправился к другому доктору. С тем же результатом. Побывав у четырех разных докторов (представляешь — четырех!), он наконец попадает ко мне. Я его внимательно выслушиваю и, поняв, что просто-напросто имею дело с дураком, направляюсь к шкафу за рыбьей костью, которую держу для таких случаев в коробочке из-под пилюль. Незаметно зажимаю ее хирургическим пинцетом, и в путь. «Давайте посмотрим, что у вас там, — говорю. — Откройте рот пошире, еще шире, так, хорошо...

А, вот и она, я ее вижу». Я сую ему в глотку пинцет, осторожно шевелю вдоль мягкого нёба. Пациент ойкает. Затем быстро извлекаю пинцет и подношу к его глазам. Он видит рыбью кость и довольно выпучивает глаза. Затем я обрабатываю ранку, и он встает рад-радешенек, восклицая: «Вот это да! Наконец-то я смогу нормально есть». И разумеется, он будет рекомендовать меня всем своим родственникам и знакомым. Вот такая, мой друг, терапия. Как видишь, воображаемую рыбью кость из горла извлечь легко. И пациент доволен... Так что прислушайся к моему совету, держи где-нибудь в кабинете под рукой рыбью кость, стерильную, конечно. Когда-нибудь пригодится. Неплохо также иметь какое-нибудь небольшое засушенное насекомое. Пациенты иногда жалуются, что им что-то попало в ухо. — Он вздохнул. — Ладно, старина, до свидания. Мне пора сворачивать к пациенту, он живет здесь неподалеку. Заходи как-нибудь вечером, выкурим по трубочке. Теперь ты знаешь, где меня найти. Счастливо! До встречи.

Дружески улыбнувшись на прощание, он свернул в переулок, весело помахивая зонтиком.

Я двинулся дальше. Добродушный цинизм приятеля меня забавлял, и кое-какая житейская мудрость в его наставлениях, безусловно, была. К ней следовало прислушаться.

Посетив еще несколько пациентов, я вернулся в свое временное жилище. В прихожей горничная шепотом сообщила, что меня ждет полицейский.

— Он в смотровом кабинете, — добавила она. — Его фамилия Фоллетт.

Проследовав в комнату, я обнаружил там старого знакомого инспектора. Он стоял, закрыв один глаз, перед плакатом для проверки остроты зрения. Мы тепло поздоровались, затем в ответ на мой вопросительный взгляд он молча достал из кармана служебный конверт, из которого извлек несколько предметов и разложил их на письменном столе: монету, серебряный пенал для карандашей и пуговицу.

Меня заинтересовала монета. Я ее взял и, внимательно рассмотрев, положил на место. Это была гинейя времен правления Карла Второго, датированная 1663 годом. В очень хорошем состоянии, чистая и блестящая.

— Вы ее прежде видели? — спросил инспектор.

— Нет.

— А пенал?

Я повертел его в руках.

— Вижу впервые.

— Может быть, вам знакома пуговица?

— Думаю, она от жилета, — заключил я после осмотра. — От твидового жилета. И судя по нитке и кусочку ткани, ее оторвали с усилием. Но она мне незнакома.

Инспектор Фоллетт улыбнулся:

— Я в этом не сомневался, но все равно решил проверить. Эта пуговица не принадлежала жилету несчастного Д'Эрбле, который я тщательно осмотрел. Там все пуговицы на месте. Затем я показал

эти вещи мисс Д'Эрбле, и она заверила меня, что ее отцу они не принадлежали. Пеналами он вообще не пользовался. У художников это не принято. И насчет монеты она тоже ничего не знает.

— А откуда все это у вас? — спросил я.

— Со дна лесного озера, — ответил он. — Я готов вам рассказать, если располагаете временем.

— Прошу вас, расскажите, пожалуйста, — попросил я, усаживая инспектора в кресло.

— Но учтите, доктор, это строго конфиденциально, — предупредил инспектор и, получив мои заверения, начал: — Значит, на следующее утро после разбирательства у коронера я встретился с сотрудником Скотленд-Ярда и из разговора с ним понял, что никаких активных действий они по этому делу предпринимать не будут. Впрочем, это понятно. У них нет времени на дела, в которых полностью отсутствуют улики. — Он посмотрел на меня. — Вы сами можете видеть, что тут совершенно не за что зацепиться. В общем, я решил начать расследование сам, прежде, конечно, получив разрешение суперинтенданта. Я тщательно прочесал примыкающий к озеру участок леса. Нашлась только шляпа мистера Д'Эрбле, в кустах, недалеко от главной аллеи. Оставалось озеро. К счастью, оно мелкое, так что мои поиски оказались удачными. Ради этих вещей стоило потрудиться. Возможно, монета нам кое-что скажет. Уже сейчас можно предположить, что убийца — коллекционер и что Д'Эрбле оказал сопротивление. На берегу между ними завязалась борьба. Как

известно, покойный был внушительного сложения, и неизвестно, чем бы это все кончилось, не подействуй яд.

— Вы считаете, что эти вещи принадлежат убийце? — спросил я. — Почему?

— На это у меня есть основания, — ответил он. — Возьмем пуговицу. Она оторвана от жилета, и оторвана, как говорится, «с мясом». Из кармана при этом выпали два предмета. Можно предположить, что Д'Эрбле, падая, схватился за карман жилета убийцы и, может быть, увлек бы его за собой, если бы пуговица не оторвалась... В кармане убийца носил коллекционную монету — я уверен, она стоит больших денег, — но он почему-то оставил ее в озере. Хотя ее можно было вытащить обычным рыболовным сачком. Но он этого не сделал. Странно. Конечно, есть и другие вопросы.

— Вы правы, инспектор, — произнес я, впечатленный ходом его мысли. — Но все равно пока личность преступника остается для нас тайной.

— Вы правильно заметили — пока, — отозвался он. — Когда с этими вещами поработают сыщики из Скотленд-Ярда, может быть, что-то и прояснится.

— То есть вы собираетесь передать свои находки им?

— Конечно. Пусть с этим разбираются тамошние асы.

«Жаль, — подумал я. — Неплохо бы взглянуть на эти вещи Торндайку. Особенно на монету».

— Разрешите мне сделать с монеты оттиск на сургуче, — попросил я.

Инспектор Фоллетт удивленно вскинул голову:

— Это против правил. Честно говоря, я вообще не имел права показывать находки вам. Но вы ответственный человек и проявляете интерес к делу... А зачем вам нужен оттиск?

— Чтобы побольше узнать о монете, — ответил я. — Вдруг появится что-то интересное. Кто знает. Конечно, я ни на секунду не забуду о строгой конфиденциальности — не стану говорить о монете со всеми подряд и показывать оттиск.

Инспектор задумался.

— Ну если так... Я не возражаю. Только проследите, чтобы на монете не осталось следов сургуча. Иначе в уголовном розыске заметят и станут спрашивать.

Я тут же принялся за дело. Из соседнего кабинета принес все необходимое: вазелин, спиртовку, кусок сургуча, чайную ложку, несколько салфеток с присыпкой и кувшин с водой. Положил салфетку на твердую пластину, отметил круг размером с монету, затем расплавил в чайной ложке сургуч и осторожно вылил на отмеченный круг. Пока сургуч остывал до нужной консистенции, я вымазал монету вазелином, стер излишки салфеткой и прижал ее к застывающему сургучу. Через несколько секунд я осторожно поднял салфетку с сургучом и монетой и опустил на некоторое время в воду, чтобы сургуч окончательно остыл. Вскоре монета выпала, обнажив очень приличный оттиск.

— Хорошо получилось, — заметил инспектор, разглядывая оттиск в лупу, пока я готовил все для обратной стороны монеты. — Похоже, вы мастер делать такие вещи, доктор. Изготовьте, пожалуйста, оттиски и для меня тоже.

Разумеется, я удовольствием согласился, и вскоре инспектор ушел с прекрасными оттисками монеты, так что теперь расставаться с оригиналом ему будет не так жалко. А я не мешкая завернул свои оттиски в льняную ткань, положил в табачную коробку и, сделав аккуратный пакет, адресовал его доктору Торндайку, сопроводив коротким письмом, в котором рассказал о разговоре с инспектором Фоллеттом и попросил о встрече на следующей неделе, чтобы обсудить ситуацию.

На многое я не надеялся, но все равно — сургучные оттиски могли оказаться полезными. Возможно, само наличие монеты в жилетном кармане убийцы что-то значит. В любом случае это был повод завести разговор о начале расследования.

Горничной я такое ответственное дело доверять не стал: сам отнес на почту и отправил пакет с письмом заказной бандеролью. Теперь можно было по мечтать, предвкушая завтрашний визит к Мэрион.

Глава 6

ВИЗИТ К МЭРИОН Д'ЭРБЛЕ

О прогрессе сейчас говорят на каждом углу. Радуются успехам, достигнутым во многих областях знаний. Но мне что-то мешает безудержно

восхищаться достижениями науки и техники. И, кажется, я не один такой.

Да, некоторые приметы теперешней жизни заставили бы наших предков застыть, в изумлении раскрыв рты, но нам все же не стоит кичиться своим превосходством. Если сомневаетесь, зайдите в музей или приглядитесь к какому-нибудь старинному зданию, и вы увидите, что наши «примитивные предки» были наделены чем-то таким, чего лишено нынешнее поколение.

Подобные мысли роились в моей голове во время неспешной прогулки по деревне Хайгейт, известной своей стариной. Я пришел на час раньше обычного и бродил, восхищаясь тонким, безупречным вкусом, с каким тут все устроено. Можно только догадываться, какой была эта деревня столетия назад, когда огромные вязы были саженцами, а по улице, где только что прогремел трамвай, двигались фургоны, запряженные лошадьми.

Когда куранты на церковной колокольне пробили четыре раза, я открыл калитку в воротах «Коттеджа в плюще» и двинулся по вымощенной плитками дорожке, с удивлением прочитав дату, выложенную старинными красными кирпичами: 1709.

Стучать мне не пришлось. Как только я поднялся по ступенькам, дверь открыла Мэрион Д'Эрбле.

— Арабелла видела, как вы вошли во двор, — произнесла она после обмена рукопожатием. —

Из окна эркера все хорошо видно, как будто это смотровая башня.

Она пристроила мою шляпу и трость, затем пригласила в гостиную, где было то самое окно. А кроме того — натопленный камин. Мисс Боулер занималась заваркой чая. Она поприветствовала меня улыбкой и кивком, после чего продолжила свое занятие с видом глубокой сосредоточенности.

Через минуту она водрузила чайник на стол, на резную деревянную подставку.

— Я ценю в людях пунктуальность. В тот момент, когда вы вошли в калитку, Мэрион закончила мазать маслом последний маффин, а на плите закипел чайник. Так что вам совсем не придется ждать.

Мэрион мягко рассмеялась:

— Можно подумать, что мистер Грей пришел, умирая от голода и требуя, чтобы его накормили.

— Не в этом дело, — возразила Арабелла. — Ты пригласила мистера Грея на четыре, и он явился точно в это время. А явись позже — пришлось бы есть черствые маффины.

— Как ты могла об этом подумать! — притворно возмутилась Мэрион и повернулась ко мне: — Мистер Грей, когда будете садиться, обратите внимание, что стол этот с раздвижными ножками. Он живописно смотрится, но не совсем удобен. Под него трудно пристроить колени.

Я поблагодарил за предупреждение и сел с величайшей осторожностью. Затем мисс Боулер раз-

лила чай, подала маффины, и мы приступили к трапезе, сопровождая ее легким разговором на отвлеченные темы. Меня восхитило, что хотя девушки еще не оправились от потрясения, но все равно болтали весело и непринужденно, как будто ничего не случилось. Хотя напряжение, конечно, чувствовалось. Особенно это было заметно в Мэрион. Мне показалось, что она немножко не в себе. Наконец, к своему стыду, только сейчас заметив на ее щеке царапину и небольшую ссадину на скуле, я понял, что случилось какое-то происшествие.

— Вы где-то упали? — спросил я.

— Еще как, — тут же отозвалась Арабелла негодующим тоном. — Расскажи, Мэрион, какие в этом районе живут негодяи.

— О чем вы? — встрепенулся я. — Какие негодяи?

Арабелла насупилась:

— И мне это тоже хотелось бы знать. Расскажи мистеру Грею об этой истории, Мэрион.

— Да, я тогда сильно испугалась... — Мэрион попробовала улыбнуться. — Я езжу в мастерскую на велосипеде прямым путем. Поднимаюсь на холм, а затем спускаюсь вниз. Получается быстро и весело. Ну, разумеется, на спуске я торможу, потому что там внизу перекресток. Так вот, три дня назад я, как обычно, начала тормозить, но ничего не получилось. Тормоз не работал.

— У вашего велосипеда только один тормоз? — спросил я.

— Да, был один. Но теперь поставили второй. А тогда меня охватил ужас! Представьте: разогналась я очень сильно, прыгать опасно, а скорость все нарастает. Я лечу с холма, в ушах свистит ветер, деревья по бокам мелькают как в окне экспресса! А там внизу оживленная улица, трамваи, автобусы, грузовики. Попасть под трамвай — это верная смерть. Так что страху я натерпелась... К счастью, когда я вылетела на перекресток, он был свободен. Свернуть я не успела и помчалась дальше по улице, которая тоже шла под уклон. Чуть не врезалась в асфальтовый каток, чудом его объехала, а там, в конце, как вы знаете, начинается лес. Тот самый, о котором я не могу думать без дрожи... Честно говоря, я уже приготовилась принять смерть. — Мэрион замолкла, чтобы перевести дух, и дрожащей рукой поставила чашку на блюдце. — Как вы помните, в том месте лес огорожен, и моей задачей было ухитриться въехать в ворота. И у меня получилось! А вот из того, что было дальше, помню только треск ломающихся веток, а следом — удар. Видимо, я на несколько секунд потеряла сознание. Открыв глаза, я увидела склонившуюся надо мной даму. Она заметила, как я мчалась по улице, и зашла в лес посмотреть, что со мной. Дама была так любезна, что отвела к себе домой неподалеку, помазала ссадины йодом, подождала, пока я оправлюсь. А потом даже проводила до дома. Катил велосипед.

— Вы действительно могли погибнуть, — сокрушенно проговорил я.

— Да, — согласилась она. — Я была на волосок от смерти. Но что удивительно, ничего себе не поломала. Несколько ссадин, и все. Только испугалась сильно. Кстати, и велосипед не сильно пострадал.

— А что там случилось с тормозом?

— Трос, — ответила она. — Я думала, он порвался, а его кто-то перерезал.

— Неужели?

— Да, в этом нет сомнений. Мастер, который чинил велосипед, показал мне. Трос был перерезан даже в двух местах. Из него удалили целый кусок. И я могу сказать, когда это случилось с точностью до нескольких минут. Потому что ездил на велосипеде утром, и с тормозом было все в порядке. Потом я оставила велосипед за воротами на очень короткое время, пошла в дом переобуться, а затем вернулась, чтобы пуститься в опасное путешествие. За эти минуты с тросом кто-то успел поработать.

— Это настоящая подлость, — пробормотала мисс Боулер.

— И кто же мог такое сделать? — спросил я.

— Просто не могу себе представить, — ответила Мэрион. — На хулиганов-мальчишек не похоже.

— Пожалуй, — согласился я. — Какой-нибудь сумасшедший?

— Злоумышленник сделал это намеренно, — со вздохом проговорила Арабелла.

— Конечно, намеренно, — согласился я снова. — Но с какой целью?

— Не стоит гадать. — Мэрион натянуто улыбнулась. — Все равно ничего не придумаем. Но теперь у меня два тормоза, и я буду проверять их каждый раз, перед тем как сесть на велосипед.

Мы замолчали. Мне почему-то казалось, что неприятное происшествие с велосипедом Мэрион должно быть как-то связано с недавним убийством хозяина этого дома. Хотя трудно было представить, что тут может быть общего. И мне не давал покоя бюст, вернее, просто голова — плечи отсутствовали, — который занимал центральное место на каминной полке. Я то и дело поглядывал на него. Это был великолепно исполненный скульптурный портрет мистера Д'Эрбле. Мне показалось, что это свинец.

Мэрион поймала мой взгляд.

— Вас заинтересовала голова моего дорогого отца? Значит, вы его узнали?

— Да, сразу. Сходство необыкновенное.

— Ничего удивительного. — Она чуть заметно улыбнулась. — Ведь это автопортрет.

— Как же он его делал? — удивился я.

— С помощью двух зеркал и нескольких фотографий. Снимать размеры кронциркулем помогала ему я. Сначала он отлил бюст из воска, а потом в ход пошел типографский свинец, потому что печи для плавки бронзы у нас не было. Бедный папа... Он так гордился своей работой! — Она отвернулась, пытаясь скрыть навернувшиеся слезы, и после недолгого молчания спросила: — Инспектор Фоллетт заходил к вам показать находки?

— Да, — ответил я. — Эти вещи, несомненно, принадлежат убийце. А монета вам знакома?

Мэрион отрицательно покачала головой:

— Нет, прежде я ее никогда не видела. Но монета дорогая, коллекционная.

— А что, если фальшивка? — с вызовом проговорила Арабелла.

Мэрион пожала плечами:

— Может быть. Но это не имеет значения. Мой отец монетами не интересовался. Это я знаю точно. Медали — другое дело, плакетки с гравировкой... И то как мастер, а не коллекционер. — Она на минуту задумалась, нахмурившись. — Со мной инспектор говорил очень сдержанно, я так и не поняла, как идет расследование — и идет ли вообще.

— У меня впечатление, — проговорил я с неохотой, — что расследование стоит на месте. Им просто не за что зацепиться. Убийца не оставил никаких улик.

Мэрион вздохнула:

— Это меня и тревожит. Будет очень жаль, если он избежит заслуженной кары.

— Не избежит, — успокоила Арабелла. — Бог покарает его, я в этом уверена. Иначе быть не может.

— Сейчас нам не остается ничего иного, как ждать появления каких-то свидетельств, которые продвинут расследование, — сказал я, пытаюсь перевести разговор в рациональное русло. — А вы тем временем попытайтесь вспомнить круг обще-

ния вашего отца: не было ли у него с кем-то из этих людей конфликтов? Хотя бы незначительного? Тут важна каждая мелочь.

— Я только тем и занимаюсь, что вспоминаю, — отозвалась Мэрион. — Но пока ничего путного в голову не приходит. Ведь, чтобы человек пошел на убийство, конфликт должен быть очень острым. Преступник должен был сильно ненавидеть моего отца. Но я таких людей не знаю. Мне кажется, их и быть не могло. Просто уму непостижимо...

— Без установления мотива раскрыть любое преступление, особенно убийство, невозможно, — сказал я. — У мотива должна быть какая-то подоплека, связь с обстоятельствами, сведения о которых рано или поздно всплывут на поверхность. Нужно только набраться терпения.

Девушки посмотрели на меня почти с благоговением, чего я, конечно, не заслуживал.

— Своими словами вы возродили во мне надежду, — проговорила Мэрион слегка изменившимся голосом. — Я почувствовала вашу правоту, и мне стало легче. Действительно, это все должно иметь какое-то объяснение, которое рано или поздно станет известно. И мне хочется еще раз поблагодарить вас за огромное участие в моих делах.

— Вы оказали мне честь, назвав своим другом, — сказал я. — И можете впредь всегда рассчитывать на мою помощь.

— Но вы мне уже и так помогли, куда больше, — смущенно проговорила она.

— Раз мы друзья, — запротестовал я, — то все важное для вас важно для меня. И я не успокоюсь, пока не будет найден убийца вашего отца.

Мэрион быстро глянула на меня и отвела глаза. Они снова наполнились слезами. Когда она заговорила, ее голос дрожал:

— Вы должны знать, насколько для меня важно в такой тяжелый период встретить человека, мудрого и сильного, на чью руку можно опереться.

Я был в замешательстве, понимая, насколько она преувеличивает мою силу и мудрость. Теперь вся надежда на Торндайка.

Мы долго молчали, затем я решил сменить тему:

— А кто продолжит дело вашего отца?

— Вы кстати об этом спросили, — обрадовалась Мэрион, — потому что мне интересно ваше мнение. Арабелла меня поддерживает. Суть в том, что папа выполнял как бы два вида работ. Одна — это авторские вещи, фигурки из керамики, ювелирные изделия. Тут его заменить никто не сможет. Другую часть, по объему большую и связанную с изготовлением восковых манекенов для витрин, могу выполнять я. Тем более что теперь в мастерской имеется обширное собрание различных элементов — голов и конечностей. Есть также и разнообразные пресс-формы.

— Ты прекрасно справишься, — вмешалась Арабелла и посмотрела на меня. — Она настоящая дочь своего отца. За что бы Джулиус Д'Эрбле ни брался, все у него получалось отменно хорошо.

Мэрион пошла в него. А что касается манекенов, то фигуры ей делать не придется — только восковые головы.

— А разве манекены не полностью сделаны из воска? — спросил я.

— Нет, — ответила Мэрион. — Фигура чаще всего представляет деревянный остов, обтянутый тканью. Из воска там голова, конечности, иногда торс. Папе, кстати, это не нравилось. Он был склонен отливать цельные восковые фигуры.

— А продавать их вам удастся?

— Конечно, если они будут выполнены качественно. Торговый агент, который работал с отцом, уже прислал письмо. Спрашивает, стану ли я продолжать дело. Обещал помочь. Он очень уважал папу. — Она помолчала. — Последние несколько лет я занималась книжной графикой. Работа интересная, но стоит дешево. А вот на восковых фигурах можно неплохо заработать. И кроме того, папа хотел, чтобы я продолжала его дело. Не зря же он старался, учил меня. Да мне и самой не терпится начать, проверить себя в деле.

Естественно, я поддержал ее решение с большим энтузиазмом.

Мэрион повеселела.

— Я рада, что вы одобряете мое стремление. Надеюсь, у меня хватит сил. А теперь позвольте показать вам некоторые его работы. В доме и саду. Пойдемте, пока светло.

Джулиус Д'Эрбле был действительно талантливым художником, в чем я смог убедиться, осмотрев

замечательную коллекцию его работ. Он одинаково хорошо владел всеми видами техники. Солнечные часы, садовые и станковые скульптуры, напольные часы, декорированные бронзовыми барельефами, и многое другое. Жаль, что этот незаурядный мастер так много времени тратил на изготовление макетов и других ремесленных поделок.

Для первого раза я не собирался надолго задерживаться в доме Мэрион, считая это неприличным, но моя попытка откланяться была встречена такими протестами, что я засиделся до тех пор, пока не нужно было срочно бежать, чтобы успеть на прием пациентов доктора Корниша.

Мэрион и Арабелла вышли проводить меня за калитку и стояли, пока я не скрылся из виду. Мы познакомились меньше месяца назад, но казалось, что знаем друг друга многие годы.

На Макленберг-сквер меня ждало письмо от доктора Торндайка с приглашением завтра на ленч. К счастью, в понедельник у меня было мало визитов. Так что я тут же написал ему, что с радостью принимаю приглашение, и отнес письмо на почту.

Глава 7

ТОРНДАЙК БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО

— Итак, мой друг, — произнес Торндайк, вопросительно глядя на меня, когда мы сели за стол, — с чего бы вы хотели начать обсуждение дела Д'Эрбле?

— С самого главного, — ответил я. — С просьбы начать расследование. Полиция, как я понял, без улик ничего предпринимать не намерена. Да и в любом случае если кто и сможет распутать это дело, то только вы. Мне жутко неловко просить вас тратить свое время на...

— Меня не надо просить. — Он усмехнулся. — Зачем, если расследования — мое хобби? И я вам благодарен за то, что вы пришли сюда с этим весьма интересным делом, которым я с удовольствием займусь.

Я собирался вставить слово, но доктор Торндайк продолжил:

— А теперь, покончив с преамбулой, давайте перейдем к сути. Ваш славный инспектор, безусловно, прав. В Скотленд-Ярде никто убийством Д'Эрбле заниматься не станет, пока не найдутся какие-то улики. И в этом они тоже правы. Чего ради тратить время, оплаченное, кстати сказать, налогоплательщиками, на совершенно бесперспективное дело. И вы должны осознавать, что у нас тоже особенных оснований рассчитывать на удачу нет.

— То есть не стоит даже браться? — удрученно проговорил я.

— Ну зачем же так пессимистично. — Он успокоительно махнул рукой. — Давайте посмотрим, что нам известно о человеке, убившем Джулиуса Д'Эрбле. Во-первых, это мужчина, во-вторых, достаточно образованный, находчивый, ловкий и хитрый. Убил так, что не подкопаешься. Труп

обнаружен в озере без следов насилия. Правда, на спине остался след от укола, но вероятность, что его заметят, составляла не больше одной тысячной. А значит, об убийстве никто бы не заговорил... Присяжные просто обязаны были вынести вердикт, что смерть наступила по естественным причинам. Но этого не случилось. Одно очко в нашу пользу. Далее. Нам также известно, что убийца разбирается в ядах. Заурядный отравитель скорее всего выбрал бы мышьяк или стрихнин, а этот использовал яд, для его цели самый подходящий, и ввел его профессионально, с помощью шприца. Очевидно, у него была веская причина избавиться от Д'Эрбле, потому что такую дозу аконитина достать не просто, если только он, упусти бог, не доктор. Эта веская причина, иными словами, мотив, и есть ключ к разгадке. Определить его — наша главная задача.

Я кивнул, радуясь, что попал в точку, потому что почти то же самое вчера говорил Мэрион.

— О яде нам удалось узнать в ходе расследования у коронера, — подвел итог Торндайк. — Перейдем теперь к находкам инспектора Фоллетта.

— А чем они могут нам помочь? — спросил я. — Старинная монета — это забавно, но указывает лишь на то, что убийца либо коллекционер, либо антиквар. Ну и что?

— Выходит, вы не заметили ее главную особенность, — произнес Торндайк, наполняя мой бокал.

— А что за особенность? — удивился я.

— Она указывает на связь убийцы с жертвой. В момент совершения преступления в жилетном кармане убийцы имеется монета. Не обычная, заметьте, имеющая хождение в наши дни, а старинная, коллекционная. А убитый, прошу обратить внимание, тоже не простой человек — художник, мастер, вполне вероятно, способный изготовить копию такой монеты.

— Но Д'Эрбле гравером не был, — возразил я. — Вряд ли он смог бы изготовить сложную матрицу.

— А в этом не было необходимости, — в свою очередь, возразил Торндайк. — В прошлом — да, мастер сам гравировал монеты, но сейчас художник создает модель, сначала восковую, затем гипсовую, причем размер существенно превышает требуемый. Например, шиллинг диаметром больше трех дюймов. А затем монеты изготавливают с помощью копировальной машины. Так что Д'Эрбле вполне мог создать модель диаметром три или четыре дюйма.

Я кивнул:

— Конечно, это он сделать мог. Вчера дочь Д'Эрбле показала мне его работы. Среди них были плакетки около двух дюймов в длину с очень интересной чеканкой. Но что это нам дает?

— Возможно, ничего, — ответил Торндайк. — Но все равно, это нужно взять на заметку. Вообразим, например, что убийца — антиквар-мо-

шенник, торгующий фальшивками. У него есть увеличенные фотографии редких медалей и монет, хранящихся в музеях и частных коллекциях. Предположим, что он дает одну из фотографий Д'Эрбле и заказывает несколько гипсовых копий, с которых потом можно будет с помощью копировальной машины изготовить соответствующие матрицы, а с них уже монеты из нужного металла. Эти монеты он продаст за большие деньги кому-то из коллекционеров.

— Сомневаюсь, что Д'Эрбле взялся бы за такой заказ, — сказал я.

— А почему нет? — спросил Торндайк. — Вы полагаете, что заказчик стал бы посвящать его в свои коварные планы? А если нет, то почему бы и не изготовить увеличенную копию. Что в этом подозрительного? — Он улыбнулся. — Однако я не утверждаю, что так было на самом деле. Просто привел пример, как мошенник может использовать честного мастера. А потом этот мастер становится для него нежелательным свидетелем, которого лучше устранить.

Мне этот пример показался убедительным. Может быть, здесь и кроется ключ к разгадке? Но Торндайк быстро привел меня в чувство:

— Это все лишь предположения. Я могу привести вам еще несколько. Как вам версия, что Д'Эрбле убили по ошибке? Убийца, притаившись в лесу, ждал другого человека — и перепутал. И почему мы решили, что монета принадлежит убийце? Это еще надо доказать. — Он посмотрел

на меня. — Я это к тому говорю, что все факты надо скрупулезно изучать, а не хвататься за первый попавшийся, который показался вам наиболее вероятным. Надо копать и копать. Как известно, деньги рожают деньги. Так и знание рождает новое знание.

— Но я пока не вижу, что тут изучать, — уныло проговорил я.

— Как это не видите? — удивился Торндайк. — Мы прямо после ленча и начнем изучение, если у вас есть время. — Он достал из ящика стола бумажный пакет и кожаный футляр для ювелирных изделий. — Вот здесь, — доктор показал на пакет, — лежат ваши оттиски на сургуче. С ними надо обращаться аккуратно, сургуч хрупкий. А в этом футляре находятся две точные копии загадочной монеты из «твердого гипса», похожего на слоновую кость. Их сделал мой помощник Полтон.

Он открыл футляр, выложенный внутри лиловым бархатом, с двумя монетами, как будто сделанными из слоновой кости.

— Мистер Полтон настоящий художник, — проговорил я, с восторгом рассматривая изделия. — И что вы собираетесь с ними делать?

— После ленча я намерен отправиться в Британский музей и показать их хранителю монет и медалей. Но перед этим задам ему несколько вопросов и посмотрю, что он ответит. У вас есть возможность пойти со мной?

— Конечно. Но что именно интересует вас в этой монете?

— Понимаете, в моем каталоге британских монет есть гинейя Карла Второго, где на аверсе под бюстом короля изображен маленький слон, как подтверждение, что золото, из которого сделана монета, привезено из Гвинеи.

— Да, там есть маленький слон, — подтвердил я.

— У этого слона на спине седло, а на некоторых монетах седло отсутствует. Вот я и хочу убедиться, что существуют два типа гиней. Потому что в каталоге указан только второй вариант. В общем, поскольку мы с вами уже покончили с едой, пойдете в музей.

Торндайк задержался у флегматичного бронзового китайца, восседающего у входа в отдел монет и медалей, и посмотрел на меня.

— Учтите, о деле ни слова. И вообще никаких комментариев.

Я кивнул.

Мы вошли, зарегистрировались в журнале посетителей. Затем служащий пригласил нас в кабинет хранителя. Им оказался мужчина среднего возраста с умным лицом. Он, видимо, был знаком с Торндайком, потому что встал и протянул руку.

— Давно не виделись, сэр. Что привело вас сюда на этот раз?

— Опять любознательность, мой друг, — ответил доктор. — Меня интересует гинейя Карла Второго 1663 года. Можно на нее взглянуть?

— Отчего нет, — сказал хранитель, направляясь к большому шкафу с выдвижными ящиками. — Тем более что это не редкость.

Он быстро пробежал глазами по этикеткам и, выдвинув один, вернулся к столу с ящиком в руке, достал из круглого углубления монету и протянул Торндайку, аккуратно держа за края.

Доктор ее внимательно рассмотрел, затем показал мне аверс, где под бюстом короля красовался маленький слон, но без седла на спине.

— В том году были выпущены только такие гинеи? — спросил он.

— Да, — ответил хранитель. — Со слоном и без — в зависимости от источника золота.

— И никаких других вариантов?

— Нет.

— Понимаете, я слышал, что существуют гинеи того же года, где изображен слон с седлом на спине. Вам такие встречались?

Хранитель отрицательно покачал головой, забирая у Торндайка монету и помещая на место. Затем он понес ящик к шкафу и на полдороги остановился.

— Погодите. Вы правы, такая монета существовала. Именно монета, в единственном экземпляре, потому что это была не серия, а пробный образец. История действительно любопытная, стоит послушать. Вам, наверное, известно, что матрицу для данной гинеи изготовил известный гравер Джон Роттье. Причем это была первая монета, отчеканенная машинным методом тиснения

вместо ручного, с помощью молотка. Поскольку все это делалось впервые, то Роттье при изготовлении пресс-формы что-то не так рассчитал... В результате во время тиснения она лопнула чуть ли не пополам, но, видимо, в самом конце процесса, потому что монета получилась без изъянов. Роттье пришлось изготовить другую пресс-форму, где он по какой-то причине изобразил слона без седла. Так что вы правильно слышали — гинейя, на аверсе которой изображен слон с седлом, была изготовлена. И если она где-то существует, то это совершенно уникальный экземпляр.

— Вам известна судьба той пробной монеты?

— До определенного периода. Вначале ею владела семья Слингсби, хозяина монетного двора, где она была отчеканена. Затем монета переходила от одного коллекционера к другому и наконец осела у американца Ван Зеллена, миллионера, коллекция которого содержала большое количество очень ценных экспонатов. Он был истинный фанатик, семьи не имел и почти все вечера проводил, любуясь своими сокровищами. И вот, примерно полтора года назад, утром его нашли мертвым в небольшом кабинете, смежном с помещением, где располагался музей. На столе пустая бутылка из-под шампанского, рядом недопитый бокал, от которого пахло горьким миндалем. В кармане пустой флакончик с этикеткой «Синильная кислота». Вначале решили, что это самоубийство, но позднее после осмотра коллекции выяснилось, что отсутствует много ценных вещей.

Среди них драгоценные камни, ювелирные изделия и та самая уникальная пробная гиней, о которой мы говорим. Вы должны помнить это дело.

— Да, — ответил Торндайк. — Теперь, когда вы об этом рассказали, вспомнил. Убийцу, кажется, так и не нашли.

— Нет, — отозвался хранитель. — И пропавшие вещи тоже.

— Будем надеяться, что найдут, — заверил его Торндайк. — Американцы умеют работать.

Распрощавшись с хранителем, мы вышли на улицу.

— Я решил наши копии ему не показывать, — сказал Торндайк. — Не имело смысла.

— Полицию вы тоже посвящать в это не будете? — спросил я.

— Пожалуй, нет, — ответил он. — У них есть монета, и скорее всего они в курсе, что похищено у американского коллекционера. Так что им и карты в руки. Жаль только, что в полиции не умеют должным образом держать язык за зубами. Выдают прессе информации больше, чем следовало бы. А то, что известно газетчикам, известно и преступнику.

— Ну и пусть будет известно, — сказал я. — Что в этом такого?

Торндайк посмотрел на меня:

— Мой дорогой Грей, вы меня удивляете. Подумайте хорошенько. Преступник надеялся, что убийство вообще не будет выявлено. Этого не получилось. Но у нас по-прежнему нет ни единой

ниточки, ведущей к нему. Он это знает и уверен, что так будет всегда. Поэтому пока не оглядывается по сторонам. Так зачем нам его пугать, чтобы он куда-то исчез, спрятался? А он это непременно сделает, если заподозрит неладное. И что тогда? Нет, мой друг, наша цель — поддерживать в нем ощущение полной безопасности, и потому расследование должно проводиться в строжайшей тайне. Никто не должен знать, какие карты на руках у нас и есть ли они вообще.

— А как быть с мисс Д'Эрбле? — спросил я. — Можно ей сказать, что вы начали расследование?

Он засомневался:

— Лучше бы этого не делать, но, наверное, придется. Так ей будет спокойнее. И предупредите о необходимости хранить тайну. Поймите, все очень серьезно. Противник прячется от нас, и мы должны прятаться от него.

— Но пока нам вроде бы нечего скрывать, — сказал я. — История с похищенной монетой любопытна, но, мне кажется, мало что дает.

— Разве? — удивился Торндайк. — А я вот уже поздравил себя с возможностью сузить поиск преступника. Давайте вспомним, как развивались события. Когда вы обнаружили труп Д'Эрбле, не было известно ничего. Потом, во время разбирательства у коронера выяснилась причина смерти и установлен сам факт преступления. Однако личность преступника оставалась покрытой мраком. Затем находки Фоллетта этот мрак немного рассеяли. Появился намек на мотив. А теперь мы зна-

ем, что это профессиональный преступник и очень опасный. Он убил и ограбил богатого американского коллекционера, а значит, достаточно умен и изворотлив, чтобы втереться к кому-то в доверие. Мы знаем, что полтора года назад он был в Америке, а это уже кое-что. Таким образом, наш преступник больше не бесформенная тень, а вполне конкретная личность.

— Но то, что у него в момент убийства Д'Эрбле была при себе монета, — возразил я, — еще не означает, что именно он похитил ее у американца.

— Вы правы, — согласился Торндайк, — если рассматривать этот факт сам по себе. Но в совокупности событий это почти неоспоримо. Разве вы не обратили внимание на то, как похожи эти два убийства? И то и другое преднамеренное, и в том и другом фигурирует яд. Причем наиболее подходящий для преследуемой цели. Для Д'Эрбле убийца выбрал аконитин, чтобы скрыть причину смерти, а Ван Зеллена отравил синильной кислотой, самым быстродействующим из всех ядов, чтобы смерть наступила мгновенно и тот не успел поднять тревогу. Я думаю, у нас есть все основания полагать, что их обоих убил один и тот же преступник. А это уже большое достижение, если учесть, что совсем недавно мы о нем совершенно ничего не знали. Так что рано или поздно мы сможем назвать его имя. А затем, если будем правильно себя вести, в том смысле, что постараемся его не спугнуть, можно надеяться и на задержа-

ние. — Он посмотрел на меня с улыбкой. — Но до этого еще далеко. И мне кажется, нам пришла пора заняться своими прямыми обязанностями.

Глава 8

КОНЧИНА САЙМОНА БЕНДЕЛОУ

Вчера вечером вернулся доктор Корниш, так что придется опять заняться поисками работы. И мой единственный личный пациент вчера умер, предстояло лишь выполнить необходимые формальности. Впрочем, все наблюдение за мистером Саймоном Бенделоу было формальностью. Ему я ничем помочь не мог, как не мог вообще никто. Он был безнадежен. Так что я просто приезжал, смотрел на высохшую мумию, в которую превратился этот человек, произносил какие-то слова и уезжал. И вот теперь Господь прибрал его к себе.

Дверь мне открыла миссис Моррис, как всегда, с угрюмым выражением лица. Я поздоровался и для порядка спросил, как себя чувствует пациент.

— Он уже ничего не чувствует, — ответила она. — Он умер.

Я пожал плечами:

— Ну что ж, рано или поздно с бедным мистером Бенделоу это должно было случиться. Когда он умер?

— Вчера днем. Около пяти.

— Если бы вы сообщили мне заранее, я бы заготовил свидетельство о смерти... Но можно при-

слать его по почте. Позвольте мне подняться наверх, посмотреть покойного. Так положено.

— Делайте что хотите, — ответила она. — Но обычного свидетельства о смерти тут недостаточно. Его будут кремировать.

— А что, для этого нужны еще какие-то документы? — спросил я, сетуя на свою неопытность.

— Да, — ответила она. — Пойдемте в гостиную, я скажу, что нужно будет сделать.

Миссис Моррис повела меня по коридору.

— Почему вы решили его кремировать? — спросил я, когда мы вошли.

— Он завещал. — Хозяйка достала из ящика бюро большой конверт, извлекла завещание, развернула, а затем сложила так, чтобы была видна только та его часть, которую она намеревалась мне показать. — Вот, читайте.

Я быстро пробежал глазами по тексту.

«Желаю, чтобы мое тело было кремировано, и назначаю Сару Элизабет Моррис, жену вышеупомянутого Джеймса Морриса, наследницей моего имущества, оставшегося после уплаты долгов и налогов, и единственной исполнительницей моего завещания».

Дальше следовала подпись самого Саймона Бенделоу, сделанная нетвердой рукой, и подписи свидетельниц, незамужних дам мисс Дьюзнеп и мисс Боннингтон, проживающих по одному и тому же адресу, который был скрыт за сгибом.

— Посмотрели, и хватит, — сказала миссис Моррис, забирая у меня завещание и возвращая

его в конверт. — Теперь о свидетельстве. Есть специальная форма для кремации за подписями двух докторов. Я решила, что это будет доктор Кроппер, — он знал пациента, — и вы. Доктор Кроппер уже прислал мне ответ, он придет сегодня вечером в восемь. Вы можете прийти в это время?

— Да, — ответил я.

Она кивнула:

— Очень хорошо. Тогда вам не нужно к нему подниматься. Придете и вместе посмотрите. Только не опаздывайте! Запомните, точно в восемь.

Мы снова двинулись по коридору. У входа она задержалась, чтобы дать указания только что прибывшим служащим похоронного бюро. Они втаскивали грубо сработанный гроб.

— Как быстро его успели сделать, — сказал я. — Или это готовый?

— Готовый, — подтвердила она. — Я заказала гроб месяц назад. А чего оставлять на последний момент?

Ловко она со всем этим управляется, подумал я. Заранее заказала гроб и доктору Кропперу, наверное, написала, когда несчастный Бенделоу еще выпускал последний дух...

В связи с вечерним визитом я поужинал пораньше и не спеша направился в Хокстон, куда прибыл за десять минут до назначенного срока. Поскольку перспектива провести оставшееся время в обществе миссис Моррис меня категорически не устраивала, я решил немного пройтись.

Мое внимание привлекла корабельная мачта, возвышавшаяся над стеной в конце улицы. Неужели парусник? Как же он оказался посреди Лондона?

Захваченный любопытством, я поспешил заглянуть через стену на канал. Там на самом деле стоял большой одномачтовый голландский парусник, шлюп, какой можно увидеть на картинах Виллема ван де Вельде Старшего, написанных во времена Карла Второго.

Я наклонился над низкой стеной и с интересом наблюдал за судном. Оно медленно двигалось к причалу, неся с собой, как мне казалось, дыхание моря и звуки прибоя на песчаном берегу. Я с таким увлечением рассматривал каждую деталь, вплоть до муслиновых занавесок на окнах кают на палубе, что совсем забыл о покойном Саймоне Бенделоу.

Впрочем, об этом мне напомнил бой часов на церковной колокольне. С неохотой оторвавшись от интересного зрелища, я быстро пошел по улице и вскоре с силой дернул шнур дверного колокольчика.

Доктор Кроппер еще не прибыл, но в гостиной миссис Моррис представила мне по очереди двух дам, мисс Дьюзнеп и мисс Боннингтон, в свое время засвидетельствовавших завещание покойного мистера Бенделоу. Я оглядел их. Ничего особенного, обычные старые девы.

— Бедный мистер Бенделоу, — пробормотала мисс Дьюзнеп, покачивая головой и искусствен-

ной вишней на капоре. — Какой красивый он сейчас лежит там, в гробу!..

Она посмотрела на меня, как бы спрашивая, согласен ли я с этим. Я кивнул, хотя полюбоваться этой красотой еще не успел.

— Такой умиротворенный, — добавила она, еще раз встряхнув головой.

— Да, он сейчас так спокоен, — присоединилась к ней мисс Боннингтон.

Обе смотрели на меня, ища подтверждения, и я был вынужден пробормотать: действительно, так и должно быть — обитатели гробов в большинстве своем большой активности не проявляют.

— Тогда мне и в голову не приходило, — возобновила речь мисс Дьюзнеп, — что с ним случится что-то плохое. Когда я в первый раз его увидела, сидящего в постели в милой, залитой солнцем комнате, он был такой веселый и...

— А почему вам ничего такого в голову не приходило, позвольте спросить? — прервала ее миссис Моррис. — Вы думали, что он будет жить вечно?

— Нет, мэм, — с достоинством ответила дама. — Я так не думала. С чего бы это. Мне хорошо известно, что все мы смертны и родились лишь для того, чтобы однажды нас прибрал Бог. Что мы подобны...

— ...взлетающим вверх искрам, — подала голос мисс Боннингтон.

— Или зернам во время сбора урожая, — продолжила мисс Дьюзнеп с легким нажимом. — Но быть брошенным в печь огненную...

— Я поняла так, что вам не нравится кремация, — снова прервала ее миссис Моррис. — Но он сам так решил — и правильно. Посмотрите, как разрослись кладбища. Скоро людям негде будет жить.

— Да, возможно, я привержена традициям, но мне кажется, жизнь человеческую должны завершать достойные похороны с множеством цветов на церковном кладбище. Я ожидаю этого для себя со сладостным предвкушением.

— Надеюсь, вы не будете разочарованы, — вздохнула миссис Моррис. — Хотя я не совсем понимаю, какой радости именно вы ожидаете от собственных похорон.

Мисс Дьюзнеп насупленно промолчала, но хозяйку дома это, похоже, мало тревожило. Доктор Кроппер запаздывал, что ее явно раздражало. Во время разговора она все время прислушивалась, не звякнет ли дверной колокольчик, и наконец дождалась: он громко зазвенел.

Миссис Моррис посмотрела на меня:

— Это наверняка доктор Кроппер. Может быть, вы пойдете со мной его встретить?

Я молча поднялся, хотя ее предложение было странным. Чего ради я должен его встречать?

На очередной звонок она распахнула дверь. На пороге стоял невысокий человек в очках с саквояжем в руке. Он с необычайным радушием пожал мне руку, затем обратился к хозяйке:

— Здравствуйте, миссис Моррис. Извините, что заставил вас ждать, у меня затянулся прием.

Она кивнула и, скорчив кислую физиономию, объяснила, кто я такой. Доктор снова пожал мне руку, заверяя, что весьма рад познакомиться. Мы двинулись по совершенно темному коридору. Доктор что-то спрашивал у хозяйки, кажется, спрашивался о ее здоровье, она, не оборачиваясь, бурчала что-то в ответ. Позже доктор Кроппер потерял шляпу и, пытаясь ее поднять, ударился головой о стену.

Когда мы добрались до тускло освещенной прихожей, хозяйка повела нас вверх по лестнице в комнату покойного, хорошо мне знакомую.

Здесь тоже горел лишь единственный газовый рожок над камином, но света было достаточно, чтобы разглядеть гроб, установленный на трех стульях, и подле него человека, в котором я узнал мистера Морриса.

Мы подошли, поздоровались. Посмотрели на гроб. Он был закрыт крышкой, но в ней виднелось окошко на уровне головы, задернутое прозрачным целлулоидом. Доктор Кроппер, а затем я посмотрели в это окошко на желтое сморщенное лицо мертвеца с привычной ермолкой на голове. Да, он и раньше выглядел как мертвец, так что смерть на его внешности уже никак не сказалась.

— Желаете снять крышку? — спросил мистер Моррис.

— Разумеется, — сказал доктор Кроппер. — А для чего же мы здесь, в самом деле? Мы желаем также извлечь покойного из гроба.

— Хотите покопаться у него внутри? — поинтересовался я, увидев, что доктор открывает свой саквояж. — Зачем? Нам же ясна причина смерти.

Кроппер отрицательно покачал головой:

— При выдаче свидетельства для кремации необходимо соблюсти все формальности. Подтвердить причину смерти. А глядя в окошко в крышке гроба, это сделать нельзя. А что, если дело, не приведи Господь, дойдет до суда? Нас с вами вызовут, а мы скажем, что выдали свидетельство вообще без осмотра? — Он похлопал меня по руке. — Но работы тут немного. Положим тело на кровать, я сделаю небольшой разрез, чтобы взглянуть на опухоль, и дело с концом. — Он учтиво повернулся к хозяйке: — Надеюсь, вы не возражаете, миссис Моррис?

— Делайте все, что считаете необходимым, — безразлично отозвалась она. — Меня это не касается. — Затем хозяйка вышла и закрыла за собой дверь.

Пока мы разговаривали, мистер Моррис успел поработать отверткой со сноровкой опытного мебельщика. Все шурупы были отвинчены, и он поднял крышку. Втроем мы перенесли легкое как пушинка тело покойного на кровать. Доктор Кроппер принялся доставать инструменты, а я тем временем успел разглядеть мистера Морриса. За все это время я видел хозяина дома всего один раз, в первый день, и то мельком, когда он выглянул из-за занавески в витрине магазина. С тех пор он изменился в лучшую сторону — тогда он был

просто небрит, а сейчас борода существенно отросла и имела благообразный вид. Раздвоенную заячью губу теперь полностью скрывали усы.

— Позвольте уточнить, — произнес доктор Кроппер, беря скальпель, — когда умер мистер Бенделоу?

— Вчера, примерно в пять часов дня, — ответил Моррис.

— Вот как? — воскликнул доктор, беря безжизненную руку покойного и роняя на кровать. — Значит, вчера днем. Вот видите, Грей, как сложно определить время наступления смерти. Если бы мне показали тело и спросили, когда этот человек скончался, я бы ответил, что, скорее всего, три-четыре дня назад. Потому что нет ни малейших следов трупного окоченения и прочего. Вот такие дела.

— Да, — согласился я. — Мне тоже показалось, что с момента наступления смерти прошло больше суток.

— Об этом я и говорю, — заметил Кроппер и занялся покойным.

Я не стал вникать, что он делает, и предоставил доктору самостоятельно подтвердить свой диагноз.

По его просьбе Моррис принес свечу и встал с ней в указанном месте. Я от нечего делать стал смотреть в окно, откуда был частично виден канал. Уже взошедшая луна освещала бледным светом покрашенный белой краской корпус голландского шлюпа, вставшего у небольшого причала.

Картина радовала глаз, особенно по контрасту с грязью и запустением, царящими по соседству. Я решил, когда все закончится, неспешно прогуляться вдоль канала по дорожке.

— Грей, где вы? — услышал я голос доктора Кроппера, он стоял, выпрямившись, со скальпелем и пинцетом в руках. — Если хотите, взгляните. Типичная злокачественная опухоль. Теперь мы можем подписать свидетельство с чистой совестью. Я сейчас зашью разрезы, а потом мы положим его обратно в гроб... Мистер Моррис, полагаю, у вас есть бланки свидетельств?

— Есть, — ответил тот. — Когда закончим здесь, спустимся вниз. Они там.

Провожать нас вниз не было необходимости, поскольку я здесь бывал неоднократно. Так что, положив покойного в гроб, мы оставили мистера Морриса завинчивать шурупы на крышке, а сами спустились в гостиную.

Здесь под наблюдением хозяйки и двух старых дев мы быстро заполнили три формы бланков — А, В и С. Форму А я вручил миссис Моррис, а две другие доктор Кроппер сунул в конверт с адресом медицинского эксперта и обещанием сегодня же отправить его по почте.

Затем он оглядел всех с улыбкой:

— Ну что ж, теперь я должен ехать. Вас куда-нибудь подвезти, Грей?

— Спасибо, не надо, — ответил я. — Мне хочется пройтись пешком вдоль канала. Миссис Моррис, вы не скажете, как попасть к нему отсюда?

— Не знаю, — ответила она. — Вот провожу доктора Кроппера, тогда поднимусь наверх, спрошу мужа. Думаю, он знает.

Мы вместе проводили Кроппера к двери. На этот раз все обошлось без происшествий. Посмотрели, как он садится в свою двухместную карету, и вернулись в прихожую, где уже стояли старые девы, собираясь уходить. Но миссис Моррис их задержала, предложив поужинать и добавив:

— Кроме того, я думаю, вы захотите еще раз увидеть мистера Бенделоу. Когда доктор Грей уйдет, я провожу вас туда.

— Конечно, конечно, — закивала мисс Дьюзнеп. Хозяйка повернулась ко мне:

— Муж говорит, что на дорожку вдоль канала можно выйти по переулку слева от дома. Там дальше есть спуск.

Я поблагодарил ее и, попрощавшись со старыми девами, наконец смог вырваться на свежий воздух.

Глава 9

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Не так уж долго мне пришлось поработать, замещая доктора Корниша, всего несколько недель, но за это время я успел так втянуться в дела, что сейчас снова чувствовать себя свободным было непривычно и даже немножко тоскливо. Нет, пора остепениться. Хватит мотаться по чужим углам и переезжать с места на место.

С такими мыслями и чувствами я шел по переулку, а затем дальше по узкому арочному проходу, где можно было двигаться, только едва не касаясь плечами стен. Проход закончился спуском к идущей вдоль канала дорожке.

Я постоял пару минут, любуясь висевшей в небе почти полной луной. Она освещала сам канал, но дорожка оставалась в глубокой тени. Справа от нее возвышалась стена, за ней — дома. Слева вдали можно было разглядеть теряющийся в вечерней дымке мост, а ближе — парусник, мачта которого отчетливо выделялась на фоне серого неба.

Естественно, я направился к паруснику, неторопливо шагая и с удовольствием набивая трубку. Днем это место никакой красотой не отличалось, но сейчас, при луне, сцена выглядела почти романтической. Я прислушался к тишине. Кроме доносящегося из-за стены приглушенного шума улиц не было слышно ни звука. И вокруг ни души. Единственное, что выдавало присутствие человека, — это мерцающий свет в окнах кают голландского парусника.

Необыкновенно умиротворенная обстановка подвигла меня к ленивым размышлениям о том о сем и ни о чем конкретно. Я шел, с наслаждением попыхивал трубкой, легко ступал по дорожке, чтобы не потревожить благодатную тишину. Где-то там, неподалеку, в загадочном доме лежал на своем узком ложе Саймон Бенделоу, и, возможно, именно сейчас мисс Дюзнеп и ее прия-

тельница на прощание вглядывались через целлулоидное окошко в его изможденное желтое лицо.

Я поднял глаза, пытаюсь определить, где находится этот дом. Но признаюсь, что даже не было понятно, в какую сторону смотреть.

Двигаясь дальше, я начал различать корпус парусника, а напротив, у дорожки — небольшое хозяйственное строение вроде сарая. Перед ним у небольшого причала — погрузочная лебедка. На подходе к ней я заметил в стене дверь, ведущую, наверное, к какому-то дому наверху. А вот и сарай, небольшое деревянное сооружение непонятного назначения.

В этот момент на паруснике возникло небольшое движение. Кто-то вышел на палубу и запел. Там, в каюте — теперь я это заметил — было веселье, небольшая пирушка. А моряк на палубе очень мелодично пел, но песня была мне незнакома.

Я подошел к причалу, встал рядом с лебедкой, начал слушать. Неожиданно лебедка скрипнула, а в следующий момент что-то сильно ударило меня в бок, задев руку, и я полетел в воду.

К счастью, я хорошо плаваю, так что быстро добрался до мелкого места и встал в воде чуть выше колен, не то чтобы встревоженный, скорее озадаченный случившимся. Вначале надо было достать шляпу, которая плавала неподалеку, а потом решить, как выбраться на берег. Рядом была ровная стенка канала и зацепиться не за что. Пришлось возвращаться вброд ярдов на пятьдесят, где я видел спускающиеся к воде ступеньки. Идти

пришлось долго, утопая ногами в мягком иле. Наконец я по ступенькам выбрался на дорожку, постоял в нерешительности, чувствуя, что сильно продрог, а затем двинулся обратно к причалу, где уронил свою любимую трость. На этот раз шагал я не так беззаботно, как вначале прогулки.

Лебедка лежала на земле. Что заставило ее опрокинуться, было не ясно. Я осознал, что чудом избежал смерти. Стрела лебедки прошла в нескольких дюймах, едва не задев голову. Трос вряд ли порвался, скорее всего ослаб. Но почему? Ведь лебедка не была нагружена. Я осмотрел конструкцию и все равно не понял причину поломки. Трос был цел, а лебедка управлялась из сарая. Я заглянул в полуоткрытую дверь, затем вошел. Подождал, пока глаза привыкнут к полумраку, и увидел, что трос там просто не закреплен.

Моя трость валялась у причала, рядом с ней трубка. Возвратив свои сокровища, я двинулся обратно по дорожке, откуда пришел, под доносящееся с парусника веселое пение. Сейчас там уже выступал целый хор. Через несколько минут я был у ступенек, быстро поднялся в арочный проход и по переулку вышел на Маркет-стрит.

К счастью, свет в магазине Морриса горел, и я даже разглядел его силуэт. Дверь была не заперта. Хозяин в дальнем конце работал с каким-то изделием, зажатым в тиски.

Он взглянул на меня, не сказать, чтобы слишком приветливо, но, разглядев состояние моей одежды, отложил напильник.

— Доктор, что с вами?

— Ничего особенного, — ответил я, пытаюсь улыбнуться. — Просто случайно упал в канал.

— Что значит случайно?

— В том смысле, что не намеренно, — ответил я и кратко рассказал о происшествии.

И тут мистер Моррис неожиданно проявил благородство.

— Но вы же замерзли, — произнес он, вставая. — Раздевайтесь, а я пока схожу за одеялом.

Он завел меня в небольшую комнатку в конце магазина, включил газовую плиту и вышел в боковую дверь. Я, не теряя времени, сбросил мокрую одежду и к его возвращению пришел в более или менее сносное состояние.

Он подал мне халат:

— Вот, наденьте это, завернитесь в одеяло и садитесь в кресло ближе к огню.

Я последовал его указаниям.

— А теперь, — продолжил он, — я отнесу вашу одежду супруге для просушки. Только достаньте все из карманов. Ботинки и шляпа высохнут здесь, у камина. Если кто-то зайдет в магазин, позвоните мне. Вот кнопка.

Он вышел, а я положил сушиться шляпу и ботинки, придвинул резное деревянное кресло к камину и сел поудобнее. Комната производила странное впечатление. Вернее, не сама комната, а тот хлам, которым она была забита. Тут не было ни одной вещи, стоившей, по моему мнению, дороже шести пенсов. Казалось, мистер Моррис со-

бирал и приносил сюда все, что владельцы лотков на Маркет-стрит выбрасывали в мусорные баки. Часы без стрелок, сломанные скрипки, графины без пробок, сильно потрепанные книги религиозного содержания... Чем же на самом деле зарабатывал себе на жизнь этот человек? На вывеске магазина можно было прочесть, что он «антиквар», но это никак не вязалось с извлеченным наружу и расставленным по лавке содержимым мусорных баков. И сколько я здесь ни был, ни разу не видел ни одного другого посетителя.

И сам мистер Моррис вовсе не казался бедным старьевщиком. И вполне приличный дом явно стоил немалых денег...

Наконец хозяин вернулся с моей одеждой.

— Почти все высохло, — буркнул он. — Супруга вашу одежду немного почистила, но погладить не успела. Это, знаете ли, целая история.

Он положил одежду на спинку кресла, и я, бормоча слова благодарности, начал быстро одеваться. Равнодушно кивнув, мистер Моррис пожелал мне счастливого пути и снова принялся за работу.

Я решил идти домой пешком. Неудобно было показываться в таком виде в транспорте. Пройдя квартал, я неожиданно увидел на противоположной стороне улицы доктора Ашера. Подошел, тронул его за руку, он развернулся и, узнав меня, расплылся в улыбке:

— Как ты оказался в моем районе в такое время? Продолжаешь замещать Корниша?

— Да, — ответил я. — Но сегодня был мой последний визит, только подписал свидетельство о смерти.

— Вот так и надо заканчивать работу, — похвалил он. — Когда похороны?

— Не знаю. Это меня не касается.

— И это правильно. Доктору там нечего делать. — Ашер вздохнул. — А мне пару дней назад пришлось проводить пациента в последний путь... Родственники настояли. Ничего не поделаешь, попоколичивался у могилы, сделал грустное лицо, послушал пение. Представляешь, пастор даже притащил с собой детский церковный хор.

— Твой пациент, наверное, был уважаемый человек.

Ашер пожал плечами:

— Да обычный бедолага с раком поджелудочной железы.

Когда мы подошли к месту, где наши пути расходились, он посмотрел на меня:

— Послушай, Грей, ты бы все же нашел время заглянуть ко мне вечером. Посидим, выкурим по трубочке, выпьем вина, вспомним былые времена!

В ответ на мое обещание зайти к нему в гости он добавил:

— В прошлый раз я дал тебе несколько советов. Выслушай еще один. Следи за своим видом. Пренебрегать этим — большая ошибка. Относись к себе с уважением, и люди будут тебя уважать. Речь идет не о том, что нужно быть денди. Просто

на тебе все должно выглядеть прилично. Понял? Чистый воротничок, глаженные брюки — не такие уж на это пойдут большие затраты, тем более что они окупятся. Помни, доктор должен выглядеть респектабельно! До свидания, старина. И приходи, не тяни.

Не дав мне вставить ни слова, он направился в свою сторону, помахивая зонтиком и, наверное, представляя превосходную иллюстрацию только что высказанных наставлений. Однако его слова напомнили, что идти мне лучше избегая людных мест с хорошим освещением.

Когда я вошел в дом и закрыл за собой дверь, из гостиной вышел доктор Корниш.

— Грей, где вас так долго носило? Вы как будто заблудились? — Затем, рассмотрев мой вид, он воскликнул: — Но что с вами случилось?

— Ничего страшного, — ответил я. — Просто искупался в канале. Сейчас расскажу.

Он кивнул в сторону двери:

— В гостиной доктор Торндайк. Пришел несколько минут назад, хочет вас видеть.

Мы вошли. Торндайк стоял, медленно набивая трубку. Увидев меня, вскинул брови:

— Вижу, мой друг, что вы побывали в воде. Но одежда сухая. Так что с вами приключилось?

— Подождите, пожалуйста, несколько минут, если у вас есть время, — попросил я. — Мне нужно умыться и переодеться.

Торндайк кивнул:

— Ладно, только недолго.

Я ринулся к себе в комнату, быстро умылся, переоделся и вышел в гостиную, как раз когда хозяин дома расставлял на столе бокалы.

— Доктор Корниш сказал мне, что заставило вас отправиться в Хокстон, — произнес Торндайк. — Так что там за кремация? Вы же знаете, я к таким вещам отношусь крайне скептически.

— Там вроде бы нет ничего подозрительного, — ответил я.

— А купались вы до или после осмотра тела? — спросил он.

— После.

— В таком случае начните с самого начала.

Я подробно рассказал обо всем, что произошло с момента моего прибытия на Маркет-стрит. Торндайк с любопытством слушал и даже пару раз уточнил некоторые детали. Его интересовало все: от устройства гроба до ассортимента товаров в магазине Морриса.

— Да, странное происшествие, — заметил доктор Корниш, когда я закончил. — И непонятно, как мог сам собой отсоединиться трос лебедки. Такого не бывает. Значит, в этом сарае кто-то был.

Я заверил его, что тщательно осмотрел сарай — не было ни души.

— Находясь в воде, вы могли видеть сарай? — спросил Торндайк.

— Нет, это высоко. Я даже дорожку не видел. Но в такой тишине, если бы кто-то оттуда выбежал, было бы слышно. А кроме того, кто мог вздумать так пошутить?

— Действительно, кто? — согласился Торндайк, кивая. — Тут любая версия кажется невероятной. Но факт есть факт. Это случилось. Не менее странным представляется мне ваш знакомый Моррис. Заниматься торговлей антиквариатом в таком районе? Откуда там возьмутся покупатели? Только если товар у него сомнительного происхождения.

— Вот я и подумал, — произнес Корниш, — а не скупщик ли он краденого? Кто знает.

— Вот именно, кто знает, — согласился Торндайк, поднимаясь, чтобы выбить трубку. — Я, пожалуй, пойду. Грей, вы не возражаете прогуляться со мной до конца улицы?

Разумеется, я с радостью согласился, подозревая, что он намерен сказать кое-что, не предназначенное для ушей Корниша. Так оно и оказалось.

— Я заглянул к вам, чтобы поделиться впечатлениями от деятельности полиции, — произнес он, как только мы вышли на улицу. — Мы были к ним несправедливы. Они действуют активнее, чем я предполагал. По секрету мне сообщили, что они передали монету на экспертизу в Британский музей. При этом выяснился любопытный факт. Эта не та монета, что была украдена у Ван Зеллена, а копия, сделанная электролитическим способом из золота. Состоит она из двух частей, аккуратно спаянных и обработанных, чтобы скрыть швы. Все это исключительно важно. Во-первых, это объясняет, почему убийца носил монету в жилетном кармане. Возможно, он получил ее недав-

но и не успел спрятать. И во-вторых, возникает вопрос, не изготовил ли ее Д'Эрбле? Нужно выяснить, работал ли он с гальванопластикой.

— Тут и выяснять нечего, — сказал я. — Мне точно известно, что он этим занимался. Плакетки с гравировкой и барельефами, которые я принимал за литые, на самом деле получены им с помощью гальванопластики. Он работает в этой технике много лет и достиг совершенства. Например, создал бюст дочери из двух частей, потом спаянных вместе.

— В таком случае, — проговорил Торндайк, — мы делаем шаг вперед. Теперь у нас есть правдоподобная версия мотива преступления и новое направление расследования. Предположим, что убийца заказал Д'Эрбле изготовить с помощью гальванопластики копии уникальных вещей, которые потом собирался продать за большие деньги коллекционерам. При этом мастер стал опасен, поскольку знал, кто владеет оригиналами, скорее всего похищенными. А поскольку этот заказчик жестокий, безжалостный убийца, то ему ничего не стоило избавиться от Д'Эрбле.

— Вы думаете, что Д'Эрбле взялся за такую работу?

— А почему нет? Что подозрительного в таком заказе? Мало ли зачем человеку понадобились копии. И откуда Д'Эрбле мог знать, что оригиналы украдены?

— Это верно, — согласился я. — А что за новое направление расследования, которое вы упомянули?

— Если Д'Эрбле сделал несколько копий каких-то вещей, то, возможно, некоторые уже проданы. И если найти покупателей, то, может быть, через них удастся выйти и на продавца. Вы встречаетесь с мисс Д'Эрбле?

— Да. Я теперь вхож в ее дом. И с некоторых пор бываю там каждое воскресенье.

Торндайк улыбнулся:

— Молодец, зря времени не теряете. В таком случае вам будет нетрудно выяснить, делал ли ее отец недавно какие-то гальваноконии и кто заказчик.

Я с готовностью согласился, радуясь, что могу принять активное участие в расследовании. На этом мы расстались. Доктор Торндайк пошел дальше, а я вернулся обратно к дому Корниша.

Глава 10

НАПАДЕНИЕ НА МЭРИОН

Туман в начале осени в Лондоне не редкость. Но сегодня он сгустился настолько, что когда я вышел на Эбби-роуд, где находилась мастерская Д'Эрбле, то не знал, в какую сторону идти. Добраться до цели удалось чуть ли не на ощупь.

У двери, над бронзовой табличкой с причудливой надписью «Мистер Дж. Д'Эрбле» висел не менее причудливый бронзовый молоток, которым я поспешил воспользоваться.

В ответ на мой стук за дверью слышались легкие шаги, отчего мое сердце забилося в два

раза быстрее, и вскоре на пороге возникла Мэрион в очаровательном наряде — простая юбка, блузка с закатанными рукавами, сверху передник — и с милой улыбкой на хорошеньком лице. С трудом подавляя острую жажду прямо тут же обнять ее и поцеловать, я вынужден был ограничиться лишь теплым пожатием руки. После чего мы прошли в мастерскую, где я в приятном изумлении остановился.

— Что? — спросила она.

— У вас едва ли не кунсткамера!..

Мэрион с улыбкой оглядела мастерскую, понимая мое удивление.

Мастерская представляла большой прямоугольный зал с частично застекленной крышей и единственным большим окном наверху. На стенах полки, полки, полки, а где их нет, крючки, с которых рядами свисали муляжи человеческих конечностей и лиц, последних больше. На полках теснились бюсты и невысокие фигурки без рук. Все это выглядело довольно жутковато, поскольку на головах отсутствовали волосы.

— Почему они все лысые? — поинтересовался я.

— На них надевают парики, — пояснила она. — А волосы мешают. Кстати, натурщицам, с которых отец лепил головы, не нравилось видеть себя безволосыми. И ему приходилось делать их с волосами, а потом убирать специальным инструментом. — Мэрион прислушалась. — Кажется, кипит чайник. Я скоро приду.

Пока она готовила чай, я обошел мастерскую, любуясь слепками голов и лиц. Некоторые были с закрытыми глазами. Когда мы сели пить чай, я спросил, почему так.

— Вы, наверное, подумали, что это посмертные маски, — сказала она. — Нет, отец лепил их с живых людей, приглашенных натурщиц. А глаза выполнял позднее.

— Должно быть, неприятно лежать с лицом, обмазанным гипсом, — заметил я. — А как же они в это время дышали?

— Через специальные трубочки. И отец использовал качественный гипс, который быстро твердеет. Так что вся процедура занимала несколько минут.

Мы помолчали. Затем я спросил, появились ли у нее заказы.

Мэрион улыбнулась:

— Целых три. Так что на ближайшее время работой я обеспечена. А что у вас? Закончили замещать доктора Корниша?

— Да. Теперь я опять безработный.

— Постарайтесь найти практику в Лондоне. — Она вздохнула. — Не могу представить, что вы куда-то уедете. Хотя бы ненадолго. Мы с Арабеллой уже привыкли к нашим воскресным встречам.

— А если бы вы знали, с какой радостью предвкушаю их я! Даже не верится, что мы совсем недавно познакомились.

Она потупилась.

— Всего несколько недель? А мне кажется, что я вас знаю многие годы, чуть ли не с детства. Вы как-то сразу внушили доверие.

— Очень рад это слышать.

— И вообще, вы очень милый. И наделены редким даром воспринимать невзгоды других как свои собственные.

— Ну, это касается только вас, — признался я. — С тех пор как вы оказали мне честь быть вашим другом, я с огромной радостью готов взять на себя все ваши беды.

— Как приятно это слышать, — пробормотала она, краснея.

Мы помолчали. Затем она спросила, снова наливая чай, мне и себе:

— Вы давно виделись с доктором Торндайком?

— В последний раз несколько дней назад. Кстати, я вспомнил, он просил меня выяснить, принимал ли ваш отец заказы на гальванотипии.

Она задумалась.

— В последнее время папа занимался гальваникой только для себя. А насчет заказов — не знаю. Для этого есть специальные мастерские. А почему доктора Торндайка интересует гальванотипия?

— Он хочет проверить некоторые факты, — туманно объяснил я. — Это важно для расследования.

Мэрион кивнула:

— Мы сейчас допьем чай и посмотрим в шкафу, где лежат матрицы для гальваники. Гипсовые и гуттаперчевые. Отец их сохранял на всякий случай. Вдруг понадобятся. Может, найдем что-то интересное.

Мэрион достала из кармана связку ключей, и мы направились к большому шкафу в углу. Здесь она выбрала нужный ключ, но не успела вставить в замочную скважину, как дверца открылась.

— Странное дело, — удивленно проговорила она. — Сегодня утром входная дверь была не заперта. Я подумала, что забыла закрыть вчера, хотя такого еще никогда не было. И вот теперь шкаф, оказывается, тоже открыт. Но я точно помню, что вчера вечером его заперла, когда поставила на место ящик с рабочим воском для моделей. Что вы на это скажете?

Что я мог сказать?

— Похоже, кто-то этой ночью побывал в мастерской, орудуя отмычкой. Посмотрите в шкафу, все ли там на месте.

Она быстро оглядела полки.

— Здесь кто-то шарил. Все вещи сдвинуты, а одна матрица сломана... Надо проверить, не пропало ли что. Матрицы здесь лежат в том же порядке, в каком их оставил отец.

Мы подтащили к шкафу небольшой рабочий стол и начали выкладывать на него матрицы, одну за другой. В основном это были плакетки и медальоны. Она внимательно осматривала каждую, а я вносил ее в список. Закончив, мы все возвратили на место. Мэрион прочитала список, поразмыслила несколько секунд и посмотрела на меня.

— Вроде бы ничего не пропало. Но тут могли быть матрицы, о которых я не знала.

Мэрион заперла дверцу, и мы собирались отойти, как я вдруг заметил выглядывающий из-под шкафа предмет. Шкаф стоял на низких ножках примерно в полтора дюйма высотой. Я опустился на колени и достал его. Это был фрагмент небольшой гипсовой матрицы.

— Я ее впервые вижу, — проговорила Мэрион, внимательно рассматривая кусок. — Это какая-то монета.

— Вот оно что, монета, — произнес я. — Очень интересно.

Этот фрагмент был очень похож на слепок, который изготовил Полтон. Можно было легко различить нижнюю часть бюста короля и несколько букв, а также маленького слона с седлом. Сомнений не оставалось. Это матрица, с помощью которой была сделана копия монеты. Надо передать фрагмент доктору Торндайку.

Я аккуратно поместил кусочек матрицы в свой кисет (более надежного места не нашлось), а Мэрион тем временем не сводила с меня испуганных глаз.

— Вы понимаете, что это значит? Вчера ночью здесь побывал он.

Скорее всего так оно и было. Убийца ее отца каким-то образом забрался в мастерскую и рылся в шкафах.

Мы долго стояли в смятении, глядя друг на друга, как вдруг в напряженной тишине в дверь громко постучали.

Мэрион вздрогнула, как от удара.

— Я узнаю, кто это.

Было слышно, как она открыла входную дверь. Затем низкий мужской голос о чем-то ее спросил, а через несколько секунд Мэрион громко вскрикнула.

В прихожей я оказался в тот момент, когда за посетителем захлопнулась дверь.

— Догоните его! — крикнула Мэрион. Она стояла в углу, прижав руки к груди.

Я выскочил на улицу. В такой туман искать здесь кого-то было бесполезно. Я с трудом видел свои ноги. И оставлять ее одну было опасно. Возможно, злоумышленник притаился где-то неподалеку. Кругом тишина, ни шума, ни шороха. Среди дня, в Лондоне. Возможно, туман заглушал звуки. Не знаю.

Вернувшись в прихожую, я не сразу разглядел в полумраке стоящую в углу Мэрион. Прямо на моих глазах она начала медленно соскальзывать на пол.

Я подскочил к ней, опустил на колени и онемел от ужаса, вглядываясь в мертвенно-бледное лицо. И руки... Ее руки были в крови. Потом я увидел, что блузка пропитана кровью. Замешательство длилось несколько мгновений. Напомнить себе о том, что я врач, необходимости не было.

Рану удалось найти не сразу. Целились в грудь, но, видимо, она дернулась, и нож задел левую руку. Предплечье, над локтем. Порез был неглубокий, вена цела. Вздохнув с облегчением, я быстро

разорвал свой носовой платок на полоски, импровизированной повязкой остановил кровь. Затем, пользуясь ножницами из карманного набора инструментов, который был всегда при мне, я разрезал рукав. Не обнаружив других повреждений, я поднял ее и перенес на диван, где, должно быть, спал покойный мистер Д'Эрбле, когда оставался на ночь в мастерской. Я принес воды, обтер ее лицо и шею.

Мэрион открыла глаза, глубоко вздохнула, а затем, увидев на блузке пятна крови, негромко вскрикнула и разразилась слезами.

Я нежно обнял ее за плечи, пытаюсь успокоить, и она приникла ко мне, дрожа всем телом, зарывшись лицом в грудь.

— Мэрион, дорогая, — бормотал я ей на ухо, глядя влажные волосы, — успокойтесь. Не думайте об этом, не надо. Все закончилось почти благополучно, и слава богу.

Она всхлипнула.

— Да разве можно забыть такое! Я очень испугалась... Вам не удалось его догнать?

Я махнул рукой:

— В таком тумане нечего было и пытаться. А вы его хорошо рассмотрели?

Она поежилась:

— Прекрасно, хотя в прихожей было темно и на нем была надвинутая на лоб темная шляпа... Это урод, настоящий демон! Нос крючком, похожий на птичий клюв, нависшие брови, жуткие глаза хищника.

— Вы узнаете его, если снова увидите?

— Конечно. Такое лицо не забудешь... Оно и сейчас возникает передо мной, стоит закрыть глаза.

У нее пресеклось дыхание, и она снова заплакала.

— Успокойтесь, дорогая, — произнес я, беря ее дрожащую руку в свои и прижимая к себе голову. — Попробуйте вспомнить что-нибудь еще. Например, какой у него рост?

— Не очень большой. Не выше меня. И комплекция не атлетическая.

— А волосы?

— Темные. У него клочок выбился из-под шляпы. Есть еще усы, концы закручены вверх и короткая борода.

— А нос, вы сказали, что нос у него крючковатый?

— Да, большой, как клюв хищной птицы. Под густыми бровями глубоко посаженные глаза. Лицо худое с высокими скулами. Злое, свирепое... Гадкое.

— А голос?

Она замялась.

— Не знаю. Вроде бы низкий. Он произнес всего несколько слов и не очень разборчиво. Как будто пришел узнать цены на восковые манекены. А затем вдруг схватил меня за руку и замахнулся ножом. Я закричала, попыталась увернуться... Поэтому у него не получилось ударить в грудь, только порезал мне руку. А когда услышал, что вы бе-

жите на помощь, тут же выскочил за дверь. Наверное, не ожидал, что в мастерской еще кто-то есть. Думал, я одна. Так что, если бы не вы...

— Все, Мэрион, забудем об этом. Я никому не дам вас в обиду.

— Тогда мне нечего бояться. — Она облегченно вздохнула и, чуть улыбнувшись, закрыла глаза.

Я прислушался. Мэрион дышала ровно, как во сне. И щеки слегка порозовели. Теперь нужно доставить ее домой. О том, чтобы идти пешком две мили, да еще в такой туман, не могло быть и речи.

— Вы знаете, мне уже лучше, — услышал я ее голос. — Пожалуй, я встану.

— Нет-нет, полежите. — Я погладил ее руку. — Нам надо придумать, как добраться до вашего дома.

— А что тут думать. Стоянки кебов тут нигде поблизости нет. Так что пойдем пешком. Давайте выйдем на улицу и посмотрим, может, туман рассеялся.

Я решил ей не перечить. Опираясь на мою руку, она дошла до входной двери и остановилась на пороге, наблюдая за висящими в воздухе клочьями тумана. Теперь он рассеялся настолько, что можно было разглядеть очертания домов. Вдалеке появились два желтых пятна, а вскоре донесся скрип колес, и из тумана медленно выплыл кеб.

Я сказал:

— Зайдите в дом и закройте дверь на засов, а я попробую договориться с кебменом. Я постучу четыре раза, когда вернусь.

Ей не хотелось меня отпускать, но я мягко втолкнул ее в мастерскую и закрыл дверь, после чего поспешил к кебу. Договориться удалось быстро. Кебмен высаживал пассажира неподалеку и на обратном пути охотно согласился взять нас. Так что мы расстались, довольные друг другом. Я вернулся к мастерской и громко постучал четыре раза. Дверь открылась сразу, она ждала меня тут же, в прихожей. Открыла и потянула за рукав.

— Как хорошо, что вы вернулись! Теперь мне страшно оставаться одной даже на секунду... Что сказал кебмен?

Я обрадовал ее хорошей новостью, и мы стали готовиться к уходу. Минут через пятнадцать у двери мастерской остановился кеб, и я помог ей взобраться на сиденье.

Кеб двигался еле-еле, по-черепашьи, но я не возражал... Стыдно признаваться, но это ужасное происшествие для меня имело и приятную сторону. Наши отношения с Мэрион существенно продвинулись, стали доверительнее и интимнее. Вот и сейчас я держал ее за руку, а она положила голову мне на плечо. Да я готов был ехать так сколько угодно и благодарил туман, кебмена и... Вспомнив наконец убийцу с ножом, я себя одернул. Можно ли упиваться счастьем, когда Мэрион чудом избежала смерти? Нет, с этим нужно разобраться, и как можно скорее.

— Что скажем Арабелле? — спросил я.

— Наверное, все, — ответила она. — Только без деталей. Не стоит ее расстраивать.

Кеб подъехал к дому. Мы вышли. Арабелла ждала у двери — наверное, услышала стук колес.

— Ну слава богу! А я все ждала, когда же ты приедешь.

Тут она увидела перевязанную руку Мэрион и тревожно вскинула голову.

— У нее порезана рука, — подтвердил я. — Но объяснения потом. Сейчас мне нужны бинты и все остальное, чтобы сделать настоящую повязку.

Арабелла молча, с необыкновенной проворностью достала все необходимое — теплую воду, бинты и прочее, — а затем наблюдала за моими действиями, готовая помочь.

Я улыбнулся:

— Порез, к счастью, не опасный. Скоро заживет.

Как только повязка была наложена, Арабелла повела Мэрион наверх в спальню, а через некоторое время вернулась и многозначительно посмотрела на меня.

— Можете туда подняться. Только ненадолго. Попрощайтесь и уходите. Пусть она отдохнет.

Мэрион встретила меня с улыбкой.

— Оказывается, болеть очень приятно. За тобой все ухаживают...

Я еще раз ее осмотрел и собрался уходить.

— Приду завтра утром, сделаю перевязку, обработаю рану. А пока лежите, не вставайте с постели. И не вспоминайте о том, что случилось. Хорошо?

— Хорошо. Я сделаю все, как вы скажете.

— Тогда я пошел. Спокойной ночи, Мэрион.

— И вам спокойной ночи, Стивен.

Я пожал ее руку и затаил дыхание, почувствовав, как ее пальцы сжали мои. У двери я обернулся, чтобы в последний раз глянуть на милое улыбающееся лицо. Затем спустился вниз, где меня ждала Арабелла.

Она задавала вопросы, я отвечал. Надолго задерживаться я не собирался, потому что хотел зайти к Торндайку, поставить его в известность о случившемся.

— И помните, Арабелла, — сказал я, расставаясь с ней у калитки, — Мэрион пережила сильный стресс. Так что происшествие в мастерской старайтесь не обсуждать. Говорите о чем-нибудь приятном. Так она быстрее оправится.

С этими словами я быстро двинулся сквозь рассеивающийся туман с намерением сесть в первый попавшийся кеб, который доставит меня к дому Торндайка.

Глава 11

МУЖЧИНЫ С ОРУЖИЕМ

Когда я приблизился к дому доктора, двигаясь по старинным лондонским улочкам, туман уже превратился в легкую дымку. Освещенные окна в жилой части намекали, что хозяин скорее всего дома. Час был поздний, но откладывать нельзя. Я поднялся по ступенькам к двери.

Открыл мне сам Торндайк. Я начал с извинений, но он небрежно отмахнулся:

— Чепуха, Грей. Вы меня вовсе не побеспокоили. Напротив, я с нетерпением жду новостей. А они у вас есть, выкладываете.

— Новости невеселые, сэр.

— Не важно, все равно выкладываете. Проходите сюда, к камину, и присаживайтесь.

Он придвинул глубокое мягкое кресло на низких ножках, усадил меня в него и окинул взглядом.

— Итак, что случилось?

— Сегодня какой-то тип пытался убить мисс Д'Эрбле в ее мастерской.

— Вот, значит, как. — Торндайк кивнул. — Да, прескверно. И сильно она пострадала?

Услышав отрицательный ответ, доктор снова кивнул:

— Это большое везение, что вы оказались там вовремя. Нападавшего преследовать пытались?

— Он скрылся в тумане, — ответил я.

— Ах да, туман. Я совсем забыл. — Торндайк на секунду замолк. — А теперь, пожалуйста, расскажите все подробно, с самого начала, не упуская мелочей, какими незначительными они бы вам ни казались.

Я рассказал ему все по порядку с момента моего прибытия в мастерскую и до поездки в кебе.

— Значит, вы этого человека вообще не видели?

— Нет. Только мисс Д'Эрбле.

Я описал злоумышленника с ее слов.

— Довольно яркая личность. — Торндайк закрыл блокнот, в котором делал заметки. — А теперь давайте взглянем на кусочек матрицы.

Я достал кiset. Он внимательно изучил фрагмент матрицы, затем направился к комоду, достал оттуда футляр с копиями гиней, которые сделал Полтон, потом какую-то коробочку. Вернулся к столу, извлек из коробочки кусочек воска и флакончик с порошком мела. Отщипнул частицу воска, скатал ее в шарик, обсыпал порошком и вдавил большим пальцем во фрагмент матрицы. Затем положил оттиск рядом с изделиями Полтона.

— Все ясно, мой друг. Полное совпадение. Факт: гальванотипию гиней делал Джулиус Д'Эрбле. Теперь в этом нет никаких сомнений. Наверное, в тот вечер он передал ее убийце. И вчера ночью этот злодей побывал в его мастерской. Что тревожит меня еще и потому, что мы имеем дело с особенным типом преступника, редко встречающимся у нас, но обычным в Южной Америке и славянских странах. Попадают такие и в Соединенных Штатах, преимущественно рожденные за границей или иностранцы. Это законченный убийца, для которого человеческая жизнь ничего не стоит. И наказание к тому же его не страшит. Действительно, за первое убийство ему уже положена смертная казнь, так что теперь можно убивать направо и налево. Хуже не будет. Этот человек убил Ван Зеллена с целью ограбления. Потом устранил Д'Эрбле — как опасного

свидетеля. За отцом должна была последовать дочь, видимо, по той же причине. Он не задумываясь убьет и вас, и меня, если обнаружит, что мы ему чем-то угрожаем. Так что это надо принять к сведению.

— Не понимаю, чем ему помешала мисс Д'Эрбле? — сказал я.

— Наверное, это как-то связано с матрицами. Мы не знаем, что он искал в мастерской и нашел ли. Несомненно, он хорошо знает этот район, если отыскивал мастерскую в таком тумане. Значит, живет где-то рядом. И самое главное, мы по-прежнему не знаем, кто он.

— Да, — согласился я, — сознавать это неприятно. И он может повторить попытку покушения на мисс Д'Эрбле, это тоже следует иметь в виду.

Торндайк мрачно кивнул:

— Вы совершенно правы, Грей. Отныне мы ответственные за ее жизнь. Ему ни в коем случае нельзя предоставлять другую возможность. Конечно, дело может обернуться иначе, но сейчас мы должны сосредоточиться на обеспечении безопасности девушки.

— А как еще может обернуться дело? — спросил я.

— Я имел в виду, — пояснил Торндайк, — что этот негодяй обязательно на чем-нибудь проколется. Надо только запастись терпением.

— Почему вы так решили?

— Я уже давно наблюдаю за разного рода преступниками, — ответил Торндайк, — и этот тип

мне знаком. Очень часто таких изощренных злодеев подводит их собственная хитрость. Заметая за собой следы, они оставляют свежие. Им все время нейдет. Вот наш подопечный убивает Ван Зеллена, а затем исчезает, не оставив никаких улик. Казалось бы, все в порядке, можно успокоиться. Но он неудовлетворен — и убивает Д'Эрбле. А после является в мастерскую, чтобы убить его дочь. И все потому, что хочет как следует замести следы. И с каждым шагом вредит себе все больше и больше. Так что, если просто сидеть и ждать, можно дожидаться, когда он сам придет к нам в руки.

— А какой след он оставил в этот раз?

— Давайте не будем сейчас этим заниматься, Грей. У нас есть задача более насущная. Но в принципе вам известны те же факты, что и мне. Так что в свободное время подумайте хорошенько, может быть, наткнетесь на что-то интересное.

Я не успел ответить, как в дверях появился Полтон. Он поздоровался со мной, а затем, в ответ на вопросительный взгляд Торндайка, вежливо заметил:

— Сэр, я решил напомнить вам, что сегодня вы еще не ужинали.

— Спасибо, дорогой Полтон! — воскликнул Торндайк. — Это верно, я совсем запамятовал. Подозреваю, что доктор Грей тоже не ужинал. Но прежде, Полтон, пожалуйста, принесите мои пистолеты.

— Пистолеты, сэр? — Полтон удивленно вскинул брови.

Торндайк улыбнулся:

— Не беспокойтесь, устраивать дуэль мы не собираемся. Просто принесите их сюда.

Полтон исчез и вскоре вернулся с большой сумкой, которую поставил на стол, после чего удалился.

Торндайк открыл сумку. Там оказался довольно внушительный арсенал пистолетов и револьверов, которые он выложил на стол. К каждому прилагалась коробка с патронами.

— Ненавижу огнестрельное оружие. — Он поморщился. — Какой-нибудь жалкий трус может нажать на курок и убить настоящего героя. Но если мы хотим уцелеть, то обязаны создать для себя равные условия с противником. А он, как известно, вооружен и очень опасен. Так что выбирайте. Я рекомендую «браунинг». Уважаю его за компактность. У вас есть какой-то опыт?

— Стрелял в тире, — ответил я. — И мне привычнее револьвер.

— Ладно, я слышу, как приближается Полтон, так что продолжим обсуждение после ужина. Когда вы ели сегодня в последний раз?

— Пил чай в мастерской примерно в половине пятого, — честно признался я.

Торндайк сокрушенно покачал головой:

— Бедный Грей, вы, должно быть, так голодны! Мне следовало спросить вас об этом раньше. Ну ничего, сейчас наверстаете упущенное.

Он встал, раздвинул раскладной стол у камина, и следом вошел Полтон с подносом, на котором я с удовольствием лицезрел значительных размеров блюдо под крышкой и кувшин с вином. Полтон быстро накрыл для нас стол, затем снял с блюда крышку и с триумфальным видом удалился.

— У вас наверху, кажется, не только лаборатория, но и кухня, — сказал я, садясь за стол. — А Полтон очень хороший повар.

Торндайк усмехнулся:

— Он действительно ухитряется совмещать лабораторию с кухней. А повар — просто превосходный. Только его методы сильно отличаются от традиционных. Я не исключаю, что эти отбивные он поджарил в купеляционной печи. — Торндайк посмотрел на меня. — Помню, однажды он приготовил бифштекс с помощью паяльной лампы. Полтон человек весьма своеобразный, но основательный. Чем бы он ни занимался, качество можете не проверять — оно всегда отменное. Поэтому я намерен попросить его помочь в нашем теперешнем сложном положении.

В ответ на мой вопросительный взгляд он продолжил:

— Мисс Д'Эрбле будет трудиться в мастерской, потому что иных средств заработка, насколько я понял, у нее нет. И ей, с учетом сегодняшнего происхождения, требуется охрана. Конечно, можно обратиться к инспектору Фоллетту, но я бы предпочел от этого воздержаться. Для нас главное — не спугнуть преступника, поэтому привлекать по-

лицию не стоит. Пока мы к нему подбираемся, пусть он чувствует себя свободно и не таится.

— И что вы предлагаете? — спросил я.

— Самим организовать для мисс Д'Эрбле охрану на период с момента выхода из дома и до возвращения. Сколько времени вы можете уделить этой работе?

— Все, какое только есть, — ответил я. — На некоторое время придется приостановить поиски работы.

— В таком случае вы и Полтон будете на этом посту сменять друг друга.

Все правильно, но я засомневался:

— Полтон, мне кажется, не очень силен физически, и если дело дойдет до схватки...

— Вы его недооцениваете, — возразил Торндайк. — Он сильнее многих. К тому же очень смелый и выносливый. Неясно только, сможет ли он совмещать это со своей работой здесь.

Этот вопрос был ему задан, когда он пришел убрать со стола.

Полтон заявил, что тут нечего и думать. Он прекрасно со всем справится, ведь ему нечего делать, и он просто измучился без работы.

Торндайк соорудил скептическую гримасу, но спорить не стал. Лишь заметил:

— Боюсь, там для вас работы тоже не будет.

— Вы ошибаетесь, сэр, — энергично возразил Полтон. — Я давно хотел научиться делать восковые фигуры, а теперь, к счастью, представилась

возможность. Так что я постараюсь ее не упустить.

— Но вы прекрасно разбираетесь в литье, — удивился Торндайк.

— Мне приходилось работать с металлами, сэр. А воск совсем другое дело. И я надеюсь этому научиться.

Торндайк улыбнулся:

— Что вы научитесь, я не сомневаюсь. Мисс Д'Эрбле будет рада иметь такого опытного ученика. Кстати, Грей, когда она сможет выйти на работу?

— Трудно сказать. Но определенно не завтра. Я сообщу вам, после того как увижусь с ней.

Торндайк кивнул:

— Хорошо... Впрочем, нет, лучше зайдите опять вечером, расскажете новости.

— А я пока постараюсь закончить часы-регистратор, — сказал Полтон и удалился с подносом.

Торндайк показал, как пользоваться автоматическим «браунингом», и когда я наконец отправил пистолет в задний карман и поднялся уходить, он напутствовал меня на прощание следующими словами:

— Ни на секунду не теряйте бдительность, Грей. Помните, вам противостоит злобный враг. Умный и безжалостный. Для прогулок выбирайте людные, хорошо освещенные улицы, следите за происходящим вокруг и отмечайте все подозрительное. В общем, берегите себя ради сохранения жизни мисс Д'Эрбле. И постарайтесь его

не спугнуть, поэтому не дергайтесь. Просто постоянно держите глаза открытыми.

Тепло пожав мне руку, он стоял, глядя мне вслед, пока я не скрылся из виду.

Глава 12

ВОЛНУЮЩЕЕ ОТКРЫТИЕ

На третий день после покушения, примерно в одиннадцать утра мы с Мэрион подъехали на велосипедах к двери мастерской. Рана у нее на левой руке заживала, но работать ею в полную силу она еще не могла.

Внимательно оглядев улицу, я кивнул, и Мэрион отперла дверь. В прихожей она быстроглянула в угол, как будто ожидая там что-то увидеть, и быстро прошла мимо.

— Полтон будет здесь через полчаса, — сказал я, помогая ей снять пальто и закатать рукав на правой, рабочей руке. — Но можно начинать уже сейчас.

Она кивнула и полезла в шкаф за сухим клеем. А я пошел обратно, чтобы внести в прихожую велосипеды и запереть входную дверь.

Вернувшись, я увидел, что Мэрион колдует над бадьей с водой, и спросил, какие будут поручения.

Она улыбнулась:

— Сейчас скажу. Вот замочу клей и научу делать гипсовый слепок. Только переоденьтесь, там есть папина блуза.

Работа у нас спорилась, так что до прихода Полтона был готов гипсовый бюст, с которого в дальнейшем следовало снять восковую копию. Я как раз закончил его шлифовать, когда в дверь постучали.

Мэрион вздрогнула и сжала мою ладонь, но тут же опомнилась:

— Ведь это же мистер Полтон!

Я ему открыл. Мы поздоровались, прошли в мастерскую, где я представил его Мэрион. Она тепло пожала ему руку и поблагодарила за помощь. Полтон смущенно закивал, затем быстро снял пальто, достал из сумки фартук, закатал рукава и с улыбкой оглядел бюст.

— Мы будем делать отливку с клеевой матрицы, мистер Полтон, — пояснила Мэрион и коротко ввела его в курс дела.

Полтон выслушал все с уважительным вниманием и, едва она закончила, принялся за работу с неспешным усердием и достойной зависти сноровкой. Ему не нужно было объяснять, что где лежит. Непостижимым образом он все знал сам: принес откуда-то оберточную бумагу, в которую завернул модель, чтобы ничего не прилипало; нашел ларь с глиной, а потом, когда потребовалось, ларь с гипсом, смесительный бачок и черпак; иногда останавливался проверить состояние клея в бадье.

Понаблюдав за ним некоторое время, Мэрион заметила:

— Мистер Полтон, вы прекрасно знаете наше дело. Зачем же говорили, что собираетесь здесь чему-то учиться?

Полтон с извинениями признался, что действительно в свое время занимался чем-то похожим, но никогда не работал с воском.

— Кстати, — добавил он, — я забыл сказать, что скоро сюда прибудет доктор.

— Доктор Торндайк? — спросила Мэрион.

— Да, мисс. У него здесь неподалеку дела, так что он решил зайти к вам, посмотреть что и как.

И тут же раздался короткий стук в дверь.

— Это он, — сказал Полтон, и мы с ним вышли в прихожую встретить Торндайка.

— Я не собираюсь надолго прерывать вашу работу, — сказал доктор смущенной Мэрион, — и зашел, только чтобы познакомиться с вами и посмотреть на мастерскую. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... Да. Прошу вас описать внешность человека с ножом. Понимаю, это вам неприятно, но для меня очень важно.

Вспомнив злодея, она чуть помрачнела, но твердо произнесла:

— Если это необходимо, пожалуйста.

— Спасибо. — Торндайк чуть поклонился. — Тогда позвольте мне прочесть описание, которое я сделал со слов доктора Грея. Может, у вас будет что добавить.

Он извлек блокнот, зачитал приметы преступника и вопросительно посмотрел на Мэрион.

Она пожала плечами:

— Сомневаюсь, можно ли тут что-то добавить.

— А как насчет носа? — спросил он. — Тут сказано, что он крючковатый. Но какого имен-

но типа? Как у евреев или, может быть, как-то иначе?

— Я думаю, у него нос как у Веллингтонов, с горбинкой и довольно широким основанием. Очень большой... Похож на клюв стервятника.

— Кончик носа опущен?

— Да.

Торндайк на пару секунд задумался, сделал несколько пометок в блокноте и вернул его в карман.

— Вот что значит глаз художника! Вы смотрели на него всего несколько мгновений, в тени — и увидели больше, чем удалось бы обычному человеку, неторопливо осматривавшему это лицо при хорошем свете. Вы, конечно, сможете его узнать, если увидите?

— Да, — ответила она, поежившись. — Я и сейчас его вижу, когда закрываю глаза.

— Такое забыть невозможно. — Он понимающе кивнул. — Что ж, прошу вас, возвращайтесь к своим занятиям, а я, если не возражаете, осмотрю мастерскую.

— Пожалуйста, доктор Торндайк, — проговорила Мэрион. — Делайте все, что сочтете нужным.

Мы снова принялись за работу, а он, постояв в задумчивости посреди мастерской, начал медленно ее обходить, внимательно осматривая все, что висело на стенных крючках и занимало полки, и даже вставал на стул, чтобы осмотреть верхние.

Наконец, покончив с последней полкой, он посмотрел на Мэрион:

— Мисс Д'Эрбле, вы недавно делали здесь перестановки?

— Нет, — ответила она. — Насколько мне известно, на полках ничего не трогали несколько месяцев.

— Но предметы передвигали, причем совсем недавно, — сказал он. — Видимо, ночной посетитель.

— Но что он искал на полках? — удивилась Мэрион. — Там нет матриц...

Торндайк не ответил. Постояв на стуле, он еще раз обвел взглядом мастерскую, затем с озабоченным видом слез со стула и перенес его к высокому шкафу в конце помещения, где снова поднялся и начал шарить руками сверху.

— Я вижу, тут у вас сложены всякие ненужные вещи... Вот их вы действительно не трогали, по крайней мере, несколько месяцев.

Произнося эти слова, он достал из-под завала грязную гипсовую маску, сдул с нее пыль и начал внимательно разглядывать.

— Лицо интересное... Но отнюдь не красотой. — Он слез со стула и протянул маску Мэрион. — Мисс Д'Эрбле, вы узнаете этого человека?

— Надо же, — удивилась она, — я думала, что знаю все маски, которые сделал отец, но эту вижу впервые... И человека не знаю. На англичанина не похож, впрочем, и на еврея тоже.

— Ну, среди последних встречаются всякие. Сходите в еврейский квартал и убедитесь. Впрочем, это значения не имеет.

Я подошел к Мэрион посмотреть на маску. Очевидно, выражение моего лица сильно изменилось, потому что Торндайк спросил:

— Грей, в чем дело?

— В том, — ответил я, — что... Помните, я говорил вам о некоем мистере Моррисе?

— Да-да, — он кивнул, — антиквар.

— Вот именно, — подтвердил я. — И это он.

Торндайк несколько секунд молча смотрел на меня. Затем спросил:

— Что значит «он»? Похож — или полное совпадение?

— Ответственно заявляю, это вылитый Моррис. Такое лицо забыть трудно... Верхняя губа у него раздвоена, и на маске это отчетливо видно.

Торндайк кивнул:

— Да, я это заметил. И вы говорите, что у Морриса губа такая же?

— Точно такая же. Так что мы можем с полным правом признать, что это слепок лица Морриса.

— Что ж... — Торндайк задумался. — Примем к сведению этот весьма важный факт.

— А чем он важен? — спросил я.

— Хотя бы тем, что мисс Д'Эрбле этого человека, Морриса, никогда не видела, но с ним был знаком ее отец. Другими словами, мистер Д'Эрбле имел дела с людьми, о которых не знала его дочь. Обстоятельства убийства указывали, что такие люди должны были обязательно существовать, и вот теперь мы не только знаем это наверняка,

но и можем даже назвать адрес и фамилию одного из них. Хочу обратить ваше внимание, что именно этот Моррис занимается продажей каких-то странных вещей сомнительного происхождения. Это намек на то, что мистер Д'Эрбле водил знакомство не только с уважаемыми людьми.

Я вспомнил, что в витрине магазина Морриса видел гипсовую маску.

Торндайк обратился к Мэрион:

— Мисс Д'Эрбле, ваш отец принимал заказы на гипсовые маски?

— Очень редко, — ответила она. — Теперь спрос на такие вещи невелик. Маски вытеснила фотография.

— Значит, это был случайный заказ, — предположил Торндайк. — Но все равно, теперь мы знаем, что Моррис каким-то образом был связан с вашим отцом, и потому я прошу разрешения взять эту маску, чтобы ее сфотографировать. Обещаю обращаться с ней с большой осторожностью и верну в целости и сохранности.

— Можете взять ее насовсем, — отозвалась Мэрион. — Мне она не нужна.

— Что ж, замечательно. — Торндайк улыбнулся. — И пожалуйста, снабдите меня бумагой или тканью, чтобы я смог ее завернуть. А затем я уйду и больше не буду отвлекать вас от работы.

Мэрион взяла у него маску и начала аккуратно заворачивать сначала в ткань, а затем в бумагу.

Торндайк тем временем еще раз оглядел мастерскую.

— Правильно ли я понял: все эти слепки сделаны не по заказам?

— Лишь очень немногие, — ответила Мэрион. — Для большинства позировали профессиональные натурщики и даже некоторые из знакомых отца.

— Зачем ему это было нужно? Ведь он не мог использовать слепки реально существующих людей для изготовления манекенов.

— При лепке восковых фигур, — ответила Мэрион, — отец изменял лица так, что они переставали быть похожими на реальных людей. Это несложно сделать. Я покажу.

Она сняла с крючка маску и положила на стол.

— Это лицо молодой девушки, натурщицы отца. Как видите, оно круглое, подбородок короткий, верхняя губа чуть выступает. Девушка улыбается. Лицо можно легко изменить в один момент.

Мэрион взяла кусочек глины, скатала в шарик и затем размазала на правой скуле. То же самое она проделала с левой скулой и верхней губой. После этого взяла кусок глины побольше и, удлинив подбородок, чуть подправила брови. В конце же опрыскала маску густой взвесью глины в воде, чтобы везде был одинаковый цвет.

— Вот, смотрите. Это, конечно, очень грубая работа, но для иллюстрации сгодится.

Результат произвел впечатление. На наших глазах она несколькими движениями превратила пухлое девичье лицо в волевое лицо женщины среднего возраста.

— Это удивительно! — восхитился я. — Даже не верится, что такое возможно.

— Да, это интересно, — согласился Торндайк, — но я не уверен, стоит ли этому так удивляться. Ведь лица у всех в принципе одинаковы, потому что состоят из одних и тех же анатомических признаков, и различают их не столь уж значительные тонкости.

— Это верно, — заметила Мэрион, — но именно в тонкостях все и дело. Когда вы лепите бюст, портретного сходства достигнуть очень трудно. Это под силу лишь настоящему художнику.

— В этом я никогда не сомневался. — Торндайк поклонился. — А теперь позвольте мне удалиться, разумеется, с этим драгоценным пакетом.

Я проводил его до двери. Пожимая руку, он пристально посмотрел на меня:

— Надеюсь, Грей, вы не забыли мои наставления?

— Да. Я выбираю для прогулок маршруты только по людным улицам и ношу с собой пистолет. Он и сейчас при мне, в заднем кармане брюк. Но я не вижу причины для тревоги. Скорее всего преступник вообще не подозревает о моем существовании. Да и чем я мог бы ему насолить? Кроме того, что охраняю мисс Д'Эрбле.

— Грей, не будьте таким беспечным, — серьезно проговорил Торндайк. — Уверен, на некоторые мелочи вы просто не обратили внимание. Так что не расслабляйтесь — и все время наблюдайте.

Он зашагал по улице, а я вернулся в мастерскую, как раз когда Полтон замесил в бадье гипс, а Мэрион очистила маску и вернула ее на крючок.

Глава 13

ЧУДОМ УЦЕЛЕЛ

Я надеялся, что мы и дальше будем работать в мастерской втроем, но уже в конце первого рабочего дня Мэрион взбунтовалась. Сказала, что ей стыдно отнимать время у занятых людей. Она нам очень благодарна, но в таком виде принимать помощь не может.

— Но так распорядился доктор, — заявил Полтон, считая тем самым вопрос закрытым.

— Вы имеете в виду доктора Торндайка? — уточнила Мэрион, не осознавая, что для Полтона никаких других докторов в мире не существует.

— Да, мисс. А его предписания следует выполнять.

— Конечно, — согласилась она с улыбкой. — Он очень добрый и заботится о моей безопасности. Но все равно — одновременно вам двоим находиться в мастерской не обязательно. Я предлагаю работать посменно.

Ее предложение мы встретили с большой неохотой. Я не желал уступать любому, даже Полтону, право охранять девушку, ставшую для меня столь дорогой. А Полтону не нравилось оставлять работу незаконченной. Но она настаивала, и в конце концов мы были вынуждены согласиться. Отныне неделю с утра в мастерской — я, Полтон же провожает Мэрион с работы и некоторое время наблюдает за домом. В следующую мы менялись.

Таким образом, на этой неделе — а она только начиналась — все вечера у меня были свободны. Поскольку поиск работы пришлось на время отложить, вечерами я совершал прогулки, изучая некоторые отдаленные районы Лондона.

А однажды я решил выполнить обещание и заглянуть к Ашеру. Честно говоря, я не слишком жаждал его общества, но обещание есть обещание. Так что, поужинав пораньше, я покинул свое жилище на Камден-сквер и по кратчайшему пути направился к его дому, выбирая улицы пошире. В этой части я указания Торндайка выполнял, а вот наблюдать за происходящим вокруг забывал нередко. Мои мысли занимала Мэрион, которая сейчас, должно быть, подходила к дому в сопровождении Полтона, и потому собственная безопасность заботила меня меньше всего. Да и не очень-то я верил в необходимость соблюдать какие-то меры предосторожности.

Ашер только что закончил прием последнего пациента и приветствовал меня с огромным энтузиазмом.

— Рад тебя видеть, старина! — воскликнул он, пожимая мне руку. — Как славно, что ты все же надумал навестить старого чудака... Честно говоря, я уже и не надеялся. Полагаю, ты в этих местах бываешь не часто.

— Нет, — ответил я. — Поездки в Хокстон прекратились.

— И у меня тоже, — заметил он. — С тех пор как бедняга Крайл отправился в лучший мир, мне больше нечего там делать.

— Кто такой Крайл? — спросил я.

— А помнишь, я тебе рассказывал о его похоронах? Как священник притащил к его могиле детский хор?.. Это был мистер Крайл, при крещении получивший имя Джонатан.

— Теперь вспомнил. Но не думал, что этот аристократ жил в Хокстоне.

— Ну, не будем называть его аристократом, это сильное преувеличение. А жил он в Хокстоне, Филд-стрит, пятьдесят два. Таково было его земное пристанище. Номер дома я запомнил, потому что именно столько недель в году. И ты знаешь, я рад, что все с ним закончилось, потому что его взбалмошная экономка (а может быть, и хозяйка дома, точно не знаю), миссис Пеппер, назначала мне визиты в очень неудобное время. Всегда между четырьмя и шестью по вторникам и пятницам.

— Наверное, у них в Хокстоне так принято, — заметил я. — Потому что и мне тоже хозяйка назначала дни и часы визитов. Ссылалась на свою занятость, мол, пока еще не обзавелась служанкой.

Ашер хмыкнул:

— Надо же. Моя миссис Пеппер говорила то же самое.

Беседуя, мы наконец поднялись в небольшую уютную гостиную на втором этаже, где в камине весело гудел огонь, а стоящий на треноге медный чайник выпускал облачка пара.

Ашер усадил меня в большое мягкое кресло, очень сильно продавленное, как будто в нем имел

обыкновение сидеть слон, затем извлек из шкафа графин с вином, высокую бутылку голландского джина, кое-какую закуску, сахарницу, чашки и бокалы.

— Голландский виски? — удивился я, с любопытством разглядывая бутылку.

— Да, мой дорогой, — подтвердил Ашер. — Очень хорошая вещь. Благотворно влияет на работу всех внутренних органов, особенно желудочно-кишечный тракт. Вот почему я к нему неравнодушен.

Не остался равнодушным и я. Первая доза взбодрила настолько, что немедленно захотелось взбодриться еще, а потом еще. Так продолжалось больше часа, пока я наконец не почувствовал, что пора остановиться. Наш разговор к тому времени перетек в монолог Ашера. Хозяин дома витийствовал без остановки, ловко перескакивая с одной темы на другую. Временами он останавливался, чтобы наполнить бокалы и заявить: мы будем с ним кутить всю ночь до утра.

Не знаю, что бы из всего этого вышло, если бы не провидение... Его очередную тираду неожиданно прервал дверной звонок. Ашер замолк на середине фразы, задумчиво осушил бокал и встал.

— Наверное, какой-то срочный вызов. Придется идти. Но ты не беспокойся, я быстро разберусь, и мы продолжим.

Я вызвался его проводить, намереваясь оттуда напрямик отправиться домой. На часах было начало одиннадцатого, а до Камден-сквер путь предстоял неблизкий.

Он был намерен настаивать, но очередной звонок заставил его поспешить вниз по лестнице. Я — следом. Через две минуты мы были на улице. Впереди, не оборачиваясь, шел мужчина, его лица я не разглядел. Мы следовали за ним. Ашер степенно шагал рядом — цилиндр, бакенбарды, саквояж, неизменный зонтик, — и, что меня глубоко поразило, хмеля ни в одном глазу.

Через некоторое время мы свернули на небольшую пустынную улицу и прошли пару кварталов, прежде чем наш сопровождающий остановился у двери одного из домов и вставил в замок ключ.

Ашер протянул руку для пожатия.

— Доброй ночи, старина. Извини, что так получилось... Иди прямо, на перекрестке сверни налево и выйдешь на Кингс-Кросс-роуд. Дальше ты дорогу знаешь. До свидания.

Он вошел в темный коридор, дверь закрылась, а я двинулся дальше по пустынной узкой улочке. Фонари здесь попадались редко, так что отдельные участки тонули в полной темноте. Меня смущало грубое нарушение обещания, данного Торндайку. Это было скверно — но что делать, если так получилось.

Я быстро шагал, морщась от шума собственных шагов и терзаясь угрызениями совести. Наконец остановился в нескольких футах от уличного фонаря, готовый повернуть назад и поискать другой путь, и тут что-то тяжелое со свистом пролетело у моего уха, задев поля шляпы. В то же мгно-

вание этот предмет с глухим стуком врезался в фонарный столб.

Я развернулся и, выхватив пистолет, нацелил его на то место, откуда, по моему предположению, меня атаковали. Быстро подошел. Кругом ни души — и совершенно негде спрятаться. Двери подъездов заперты, ни одной подворотни поблизости — ничего. Только пройдя около тридцати ярдов назад, я обнаружил крытый проход примерно три фута шириной. Заглянул. Там было темно, хоть глаз выколи. Но именно здесь, притаившись, стоял мой преследователь, а я прошел, даже не заметив. Продолжая целиться из пистолета, я постоял несколько секунд в размышлении.

Лезть в проход и что-то искать было бесполезно. Он уже давно переместился в другое укрытие. И у него передо мной было огромное преимущество. Он таился где-то неподалеку, для меня невидимый, а я стоял совершенно открытый всякому взгляду, представляя собой самую настоящую мишень. И потом, даже если бы внезапно кто-то появился, не мог же я стрелять в первого попавшегося незнакомца! Оставалось одно — осторожно идти, куда шел.

Мои действия для стороннего наблюдателя показались бы очень странными, поскольку я двигался задом, не сводя глаз с прохода и целясь туда из пистолета. Достигнув того самого уличного фонаря, я остановился и почти сразу увидел предмет, который должен был меня поразить, — свин-

цовый шарик, похожий на заряд старинного мушкета.

Опустив его в карман, я двинулся дальше, по-прежнему задом, и так — до самого перекрестка. Там я убрал пистолет, не забыв поставить на предохранитель. Теперь, двигаясь по достаточно людной улице, я обдумывал случившееся, не забывая внимательно следить за происходящим. Стало ясно, что Торндайк не просто смутно о чем-то догадывался, а вполне серьезно предвидел, что нечто подобное может случиться.

Я снова и снова прокручивал в голове все известные мне факты и не понимал, почему попал в список жертв. Да, я друг Мэрион, но разве это повод? Впрочем, я не видел и причин покушаться на нее. И это лишь означало, что я не вижу того, что видит Торндайк. Завтра вечером зайду к нему сообщить об инциденте. А заодно постараюсь что-нибудь узнать.

Первую часть программы удалось выполнить вполне успешно, а вот насчет того, чтобы что-то выведать, возникли серьезные трудности. Получить у Торндайка сведения, которые он давать не желает, практически невозможно. То, что доктор считал нужным, он говорил сразу, а на большее не стоило и рассчитывать.

— Извините за беспокойство, сэр, — произнес я, с тревогой глядя на кучу бумаг у него на столе.

Он улыбнулся:

— Все порядке, Грей. Подождите несколько минут, пока я закончу. Тут немного осталось.

Прежде чем вернуться к работе, он внимательно посмотрел на меня:

— Что-то случилось?

— Да, — ответил я. — Вчера поздно вечером на меня напал, видимо, тот, кого мы ищем.

Торндайк отложил ручку и откинулся на спинку кресла.

— Так-так, расскажите, пожалуйста, обо всем по порядку.

Я поведал ему о вчерашнем происшествии со всеми подробностями, а затем продемонстрировал орудие нападения — свинцовый шарик.

Он внимательно его рассмотрел и положил на почтовые весы.

— Весит больше половины унции, так что, если бы он не промазал, эта штуковина наверняка пробила бы вам череп...

— Он стрелял из духового ружья? — спросил я.

Торндайк засомневался:

— Выстрел из духового ружья с таким зарядом наделал бы много шума, а вы говорите, что не слышали ни звука. Вы в этом уверены?

— Совершенно. На улице было очень тихо.

— В таком случае он, должно быть, использовал рогатку. Между прочим, в умелых руках это весьма эффективное оружие. И, что важно, компактное. Почти как пистолет. Вы должны быть осторожны, Грей. В этот раз вам повезло, но так будет не всегда.

— Постараюсь, сэр, — ответил я. — Но почему этот тип ко мне привязался? Вы можете объяснить?

— Пока нет.

— Но вы предвидели, что такое может случиться, сэр, — мягко продолжил я. — Значит, что-то знаете.

Торндайк улыбнулся:

— Вы путаете знание и умозаключение. Это разные вещи. Нам с вами известны одни и те же факты, но выводы при их анализе мы делаем разные. Умение выжать из факта все без остатка приходит с опытом. Грей, давайте поступим так: пока я буду заканчивать работу, вы просмотрите мои записки по этому делу. Может быть, вам в голову придет что-то новое. Учтите также, что этот человек скорее всего следовал за вами к дому Ашера, он же инициировал вызов, а затем снова последовал за вами и для покушения воспользовался первой возможностью, какую вы ему предоставили. И обратите внимание, он предпочел не нападать на вас напрямую, как в случае с мисс Д'Эрбле. Обдумайте эти факты и просмотрите мое досье. Это не займет много времени.

Он достал из ящика стола небольшую папку с надписью «Убийство Д'Эрбле» и передал мне, а сам вернулся к своим бумагам.

Я открыл папку. Там лежали отдельные озаглавленные листы и конверт с надписью «Фотографии». На листах были изложены все аспекты дела Д'Эрбле, разбитые, как по главам: «Разбирательство у коронера», «Дело Ван Зеллена», «Мисс Д'Эрбле», «Д-р Грей», «М-р Моррис». На последнем листе, к моему удивлению, было детально

описано все, что я рассказывал Торндайку о своем общении с этим человеком. В заметках Торндайка для меня не было ничего нового, но, без всякого сомнения, он извлек из них много больше информации, чем я.

Покончив с заметками, я занялся фотографиями. Их было всего три. Первые две не очень меня заинтересовали. На одной были слепки гиней, а на другой — маска Морриса. Но от третьей у меня перехватило дыхание. Фотография была низкого качества, нечеткая, но все равно на ней можно было разглядеть настоящего злодея: худого, бородатого, скуластого, с тяжелыми нахмуренными бровями, впалыми глазницами и огромным горбатым носом, похожим на клюв хищника.

Тот самый убийца, который напал на Мэрион...

Я просидел в оцепенении несколько минут, а когда поднял глаза, то увидел, что меня с интересом рассматривает Торндайк.

— Ну как? — поинтересовался он с улыбкой.

— Кто этот человек? — спросил я, поднимая фотографию.

— И я хотел бы это знать, — ответил он. — Пояснений по поводу изображенной на фотографии личности нет. Вам он кого-нибудь напоминает?

— Во-первых, он в точности похож на злодея, покушавшегося на мисс Д'Эрбле. Таким она его описала. А что думаете вы?

— То же самое, — ответил он. — Насколько я могу судить, он соответствует ее описанию

во всех деталях. Вот почему эту фотографию я включил в материалы по делу. Но сходство должна подтвердить она. Так что я прошу вас показать фотографию ей, но не прямо, а положить в мастерской где-нибудь на видном месте, чтобы она случайно на нее наткнулась. Без подготовки. Но вы произнесли слово «во-первых»... Что это значит?

— Помните, я рассказывал вам о пациенте из дома Морриса? — спросил я.

— Который умер от рака желудка и был кремирован?

— Да. Его фамилия Бенделоу. Так вот, на фотографии вылитый мистер Бенделоу, снятый в тот период, когда он носил усы и бороду, и до того, как болезнь подточила его здоровье... Бенделоу был чисто выбрит и невероятно худ, но все равно сходство почти полное.

Торндайк заговорил не сразу. Он сидел молча, глядя на меня со странным выражением лица. Я подозревал, что в этот момент он о чем-то интенсивно размышляет, но не сомневался, что его мысли были не в таком смятении, как мои.

— Это поразительно, — наконец проговорил он. — Потому что лицо необычное, с другим его трудно спутать... И все же не следует забывать о случайном сходстве. Природа изобретательна и по части человеческих лиц. Так что, Грей, я прошу вас написать и как можно скорее выслать мне все, что вы знаете о покойном мистере Бенделоу, включая все подробности ваших визитов к нему — как к живому, так и к мертвому.

Я пообещал это сделать, но выразил сомнение в том, что Бенделоу может быть как-то связан с делом Д'Эрбле.

— Да, — согласился Торндайк, — мне это тоже представляется маловероятным. Но сейчас мы накапливаем факты и потому должны принимать во внимание любой. Кстати, если Бенделоу так похож на человека с фотографии, то его внешность должна соответствовать описанию мисс Д'Эрбле. Вы это понимаете?

— Конечно, — ответил я. — Но меня сбивала толку борода и полное отсутствие связи между Бенделоу и Д'Эрбле. Поэтому я и не осознал, что Мэрион описывает пациента.

Торндайк кивнул:

— Да, борода и усы сильно меняют лицо, даже настолько приметное. И это, между прочим, подчеркивает разницу между «увидеть» и «услышать». Вы никогда не представите лицо человека, которого вы не видели четко, сколько бы вам его ни описывали. И мне очень любопытна реакция мисс Д'Эрбле на фотографию.

Я пообещал сообщить ему о результате без промедления, а затем, увидев, что он закончил работать с бумагами, рискнул предпринять последнюю попытку вытянуть что-то, относящееся к делу.

— Меня смущает, — произнес я, — что любой факт говорит вам много больше, чем мне.

— Так и должно быть. Иначе для чего весь этот опыт, который я накопил за многие годы?

— В таком случае у вас уже есть определенное представление о личности убийцы и мотиве?

Торндайк помолчал.

— Не буду скрывать. Да, есть у меня некоторое представление об этом, но далеко не полное. Некоторые важные звенья в цепи отсутствуют. Найти их — моя главная задача. Как только это случится, я смогу назвать имя преступника представителям закона. Так что пока, Грей, мне больше нечего добавить. Однако в вашем распоряжении те же факты, и если вы хорошенько подумаете над ними и спросите себя, что они означают, то, может быть, придете к какому-то полезному заключению.

Мы посидели еще пять минут, и я собрался уходить. Торндайк вышел меня проводить, и мы распрощались у калитки.

Глава 14

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

На следующий день, когда я прибыл в мастерскую, Полтон ждал меня в прихожей, одетый, с сумкой в руке.

— Спасибо за пунктуальность, сэр, — произнес он с доброй улыбкой. — Сегодня мне необходимо попасть домой вовремя. Завтра можете и опоздать, я подожду.

— Почему так? — спросил я.

— Вы можете задержаться у доктора — он просил вас прийти завтра утром в половине одиннад-

цатого. У него в гостях должен быть сотрудник уголовного розыска, и он хочет, чтобы в разговоре участвовали и вы, сэр.

Я обещал обязательно прийти.

— И еще, доктор просил вас предупредить, — добавил Полтон, — чтобы вы воздержались от любых комментариев по делу.

— Странно.

— Сэр, полицейский придет сообщить доктору кое-какие сведения и, в свою очередь, захочет что-нибудь выведать для себя. А доктор пока ничего рассказывать не хочет. Понимаете?

Я рассмеялся:

— Вы с доктором последователи Макиавелли.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Полтон. — Но вы правы, сэр. Мы с доктором скрытные, как большинство шотландцев. — Он улыбнулся. — И еще, сэр, доктор рассказал мне о вчерашнем нападении, и я решил, что вам было бы полезно иметь устройство, позволяющее, не оборачиваясь, видеть, что происходит сзади.

— Я и не знал, что такие устройства существуют.

— Существуют, сэр. Мне тоже удалось придумать несколько приспособлений, позволяющих видеть происходящее за спиной, — специальные очки и трости с призмами, вмонтированными в рукоятку. Но для вечернего времени, я думаю, вам лучше всего подойдет это.

Он достал из кармана предмет, похожий на окуляр часовщика, и зажал его в глазнице

на манер монокля, показывая, как это работает. Затем протянул мне и предложил попробовать самому.

Я был поражен эффективностью устройства.

— Как замечательно, Полтон! Я вижу все, что происходит сзади. Огромное вам спасибо. Это очень ценный подарок, особенно в теперешних обстоятельствах.

Полтон снова расплылся в улыбке:

— Думаю, вы найдете этому применение, сэр. Доктор сам иногда пользуется такими вещами, и я тоже, когда это необходимо. Понимаете, если за вами кто-то следит, лучше не оборачиваться. Преследователя вы не увидите — но насторожите.

Мы расстались, обменявшись рукопожатием, и я запер дверь на засов, а затем вошел в мастерскую. Мэрион возилась с гипсовым слепком, так что мне удалось незаметно положить на край скамьи заранее извлеченную из бумажника фотографию.

— Добрый день, Мэрион.

— Добрый день, Стивен. Извините, но пока я не могу отвлекаться, гипс очень быстро твердеет.

— И не надо отвлекаться, — проговорил я, целуя ее в щечку.

— Какой ты ловкий...

Улыбаясь, Мэрион покраснела, но быстро оправилась от смущения и спросила:

— О чем ты секретничал с мистером Полтоном в прихожей? И почему он ждал тебя у двери?

Я рассказал о приглашении Торндайка, считая, что она имеет право знать.

Мэрион обрадовалась:

— Я вижу, доктор Торндайк привлек сотрудника Скотленд-Ярда. Значит, расследование успешно продвигается. Он что-нибудь рассказывает?

— Только то, что я и сам знаю. Но у меня чувство, что дело близится к концу.

— Скорей бы, Стивен. Ведь так не может продолжаться бесконечно.

— О чем ты, Мэрион?

— О том, что тебе надо определиться с работой, а не проводить время у меня в мастерской. Нет, мне очень приятно видеть тебя здесь, но ты не должен жертвовать всем ради меня.

— О каких жертвах ты говоришь? Напротив, я провожу здесь время с пользой — набираюсь знаний, и к тому же я необыкновенно счастлив находиться в обществе, которое бы не променял ни на что на свете.

— Все это приятно слышать, — не унималась она, — но мне станет намного легче, когда все успокоится и ты освободишься.

— Но я не хочу освобождаться. Мне не нужна такая свобода... Пора приступить к работе.

Я направился в дальний конец мастерской, снял с крючка блузу, начал переодеваться и вдруг услышал, как Мэрион негромко вскрикнула.

— Как это сюда попало?

Она стояла с фотографией в руке, повернув ко мне бледное лицо.

— Успокойся, дорогая, сейчас я тебе все объясню.

Я быстро подошел, чтобы рассказать ей о просьбе Торндайка. Она выслушала с напряженным вниманием.

— Ты знаешь этого человека? — спросил я.

— Конечно, — ответила она дрожащим голосом. — Это же он... тот, который напал на меня с ножом.

— Ты в этом уверена?

— Да, уверена, это он. Фотография плохая, но я все равно его узнала. — Она на секунду замолкла. — Значит, доктор Торндайк его знает?

— Нет, — ответил я. — Говорит, что фотография попала к нему случайно. Откуда, я не понял.

Мэрион протянула мне фотографию:

— Убери, пожалуйста, мне страшно на него смотреть.

Я поспешно спрятал фотографию в бумажник и, взяв ее за руку, повел к рабочему столу.

— Ладно, давай забудем о нем и займемся делом.

До самого вечера мы сосредоточенно работали над слепком, обменявшись всего несколькими словами. И нам удалось не только его закончить, но и подготовить все для воска. Хотя время еще оставалось, но делать больше было нечего. Материал окончательно затвердеет только через двенадцать часов.

— Начинать что-то новое сегодня не будем, — сказала Мэрион. — Пойдем ко мне, поужинаем вместе.

Надо ли говорить, с какой радостью я принял приглашение.

Мы все за собой убрали, подготовили рабочее место на завтра и, весело болтая, двинулись домой быстрым шагом — вечер был холодный. До места добрались, когда часы на церковной колокольне пробили восемь.

Я, конечно, помнил, что пускаться в обратный путь мне следует до того, как опустеют улицы, но не смог уйти раньше половины одиннадцатого.

— Завтра можешь задержаться. Ничего страшного, — сказала Мэрион в прихожей. — Мы будем делать восковой слепок бюста, и я уверена, мистер Полтон не уйдет, пока не будет все закончено. Его очень интересует работа с воском. Он уже выведал у меня все секреты производства, только непонятно зачем.

— Он универсален, — проговорил я, застегивая пальто, — ему все интересно.

На этом мы расстались. Она протянула руку, но не возражала против поцелуя. Так что я ушел в отличном настроении, опять забыв о бдительности.

К счастью, ненадолго. Обеспокоенный тишиной вокруг, я вспомнил о подарке Полтона, осторожно достал его и закрепил в глазнице, не снижая темпа движения. И, как оказалось, не зря. Через несколько минут я увидел человека, следующего за мной на расстоянии примерно ста ярдов. В простой куртке и кепке, без трости и зонтика. Решив его проверить, я остановился и на-

гнулся, как будто завязать шнурок на ботинке. После этого он замедлил шаг, видимо, не намереваясь меня обгонять. Это уже было подозрительно.

Впереди показалась католическая церковь, и я вспомнил, что прямо за ней есть узкая улочка, довольно круто поднимающаяся вверх. По обе ее стороны идут высокие заборы. Пожалуй, стоит свернуть туда и притаиться. Если тот человек — обычный прохожий, то он пройдет мимо, а если нет — свернет в переулок, и я смогу его рассмотреть.

Этот маневр был явно слишком демонстративен. Но у меня с ходу возник лучший план.

Сразу за поворотом шел невысокий парапет, ограждающий вход в здание с кирпичными опорами. Я спрятался там, за одной из опор. Очень скоро стали слышны быстрые шаги, а затем показался мой преследователь. Он свернул в переулок и остановился. Освещение здесь было приличное, так что я хорошо его разглядел и сильно удивился. Естественно, ожидалось, что это будет тот же мужчина, чья фотография лежала у меня кармане. Но преследователь выглядел иначе... Да, невысокий, худощавый и с бородой. Однако нос у него был приплюснутый и даже чуть вздернутый, с красными прожилками, которые частично распространялись и на лицо.

И вел себя этот человек довольно странно: постоял несколько секунд, прислушиваясь и вглядываясь в темноту переулка, а затем быстрым шагом двинулся дальше.

Я побыл в своем укрытии еще некоторое время и уже собирался выходить, как услышал: в переулок свернул еще кто-то. Незнакомец быстро прошел мимо ворот, где прятался я, затем резко остановился и быстро двинулся назад, осторожно ступая, чуть ли не на цыпочках. Он был высок, лет сорока, мне показалось, с военной выправкой. Лицо симпатичное. Песочного цвета усы. Без пальто, в костюме из плотного твида.

Дождавшись, когда он исчезнет из виду, я вылез из укрытия и прислушался, решая, в какую сторону теперь идти. Самым разумным было бы вернуться на улицу и постараться побыстрее сесть в любое транспортное средство, какое попадется. Но этот второй человек вызвал во мне любопытство. Кого он преследует? Меня или первого, с бородой?

В конце концов любопытство победило здравый смысл, и я двинулся дальше по переулку, стараясь делать как можно меньше шума. Вторым находился далеко впереди, звук его шагов был едва слышен. Шансы догнать были невелики. Но я все же ускорил ход, совершенно не понимая, что происходит. О существовании первого преследователя Торндайку скорее всего было известно. В отличие от меня... Кто этот человек? Почему он решил со мной расправиться, ведь я ему ничем не угрожал. В его решимости можно было не сомневаться, судя по усилиям, какие этот человек предпринимал. Ему пришлось ждать, притаившись недалеко от мастерской, затем следовать

за нами к дому Мэрион и там прождать больше двух часов, пока я выйду. Ради чего все это? Появление же второго преследователя окончательно сбило меня с толку.

Я в очередной раз остановился, чтобы прислушаться, и с удивлением обнаружил, что ко мне приближается кто-то еще... Конечно, ничего особенно удивительного в этом не было — я находился на улице, пусть небольшой, — но все же звук шагов меня насторожил. Этот третий шел как будто крадучись, почти бесшумно... Складывалась совершенно абсурдная ситуация.

Шаги сзади становились все более отчетливыми.

Я выхватил пистолет и опустил в карман пальто, не забыв снять предохранитель. Темное пятно тем временем рассеялось, превратившись в высокого, крепко сложенного мужчину, широким шагом направляющегося ко мне.

Я остановился, ожидая, когда этот человек пройдет, но он не имел намерения никуда проходить, а приблизился и, внимательно глядя, отрывисто произнес:

— Сэр, позвольте узнать, что происходит?

— А что происходит? — спросил я.

— Как минимум нечто странное, сэр, — ответил он. — Некоторое время назад я увидел, как вы перелезли через парапет и спрятались за опорой ворот. Затем появился человек, который быстро свернул на эту улицу. Я видел, как он остановился, прислушался, затем поспешно двинулся даль-

ше. Вскоре после этого появляется еще один — он тоже сильно торопился. Свернув сюда, он вел себя точно так же, как первый: остановился, прислушался, а затем быстро двинулся дальше. А через некоторое время вы выходите из укрытия — и действуете аналогичным образом. Так я спрашиваю, сэр, что происходит?

— Позвольте, в свою очередь, спросить, сэр, на каком основании вы задаете мне вопросы?

— У меня есть основания, сэр, — ответил он, — я полицейский. Ваше поведение на улице показалось мне странным, и я решил за вами проследить. Вы свернули сюда, перелезли через парапет, спрятались за воротами. А потом появились эти двое, один за другим. Так в чем же тут дело?

— Понимаете, — смущенно проговорил я, — этот первый человек меня явно преследовал, и я спрятался за опору ворот посмотреть, что у него на уме.

— А второй?

— Про него я ничего не знаю.

— А что вы знаете о первом?

— Только то, что он за мной следил.

— По какой причине?

— Понятия не имею. Он мне совершенно незнаком, как, впрочем, и второй тоже.

— Да, — проговорил полицейский, с недоверием меня рассматривая, — чертовски запутанная ситуация. Я думаю, сэр, вам придется пройти со мной в участок для выяснения личности.

— Я с удовольствием это сделаю, но для вас это не составит труда. Меня зовут Грей, доктор Грей. Можете справиться у инспектора Фоллетта. Он знаком со мной.

Полицейский молчал. Мне показалось, что он к чему-то прислушивается. И действительно — через несколько секунд стали слышны шаги. Кто-то быстро шел по улице.

— Кажется, один из них возвращается, — произнес полицейский, вглядываясь в темноту. — Вы сказали, что знакомы с инспектором Фоллеттом? Возможно, сейчас для вас не будет лишним с ним встретиться.

Полицейский не успел договорить, как звук шагов затих. Он усмехнулся:

— Этот человек заметил нас и повернул назад. Мне показалось, что и второй тоже где-то здесь. Пойдемте, сэр, посмотрим, что за игру они затеяли.

Полицейский шел уверенным спортивным шагом, я едва за ним поспевал. Появилось желание снять пальто.

Идущие впереди быстро удалялись.

— Нет, так не пойдет, — пробормотал полицейский и перешел на бег.

Преследователи впереди, как я решил, услышали его и максимально ускорили ход, теперь уже не пытаюсь двигаться бесшумно. И кажется, им удалось оторваться от нас на значительное расстояние, так что догнать их было практически невозможно. Тем более что полицейский, несомненно

хороший ходок, отличным бегуном не был. При полных шести футах роста он был несколько грузноват.

Я бежал за ним трусцой (успев поставить пистолет на предохранитель и убрать в карман — от греха подальше), пока мы не выбежали на улицу. Стоило нам появиться, как из тени выскочил констебль в форме и припустил за нами.

Догнав, он произнес, запыхавшись:

— Прошу прощения, мистер Плонк. Я не узнал вас в темноте.

— Это неудивительно, — ответил полицейский. — Вы видели двоих — они только прошли здесь?

— Видел, — ответил констебль. — Один за другим. Оба бежали, как будто за ними гнался дьявол. Я как раз шел по улице и остановился, они показались мне подозрительными. А потом появились вы.

— И где они сейчас?

— Убежали. Тут много переулков. Теперь уже не догонишь.

— Да, вы правы, — согласился Плонк, — не догонишь. Не стоит и пытаться. Впрочем, теперь это уже и не важно. Доброй вам ночи, констебль.

Плонк двинулся прочь, видимо, не желая посвящать констебля в происходящее. Через несколько минут мы вышли на широкий перекресток. Здесь он остановился у фонаря и внимательно на меня посмотрел. Видимо, результат осмотра его удовлетворил, потому что он произнес:

— Идти в участок сейчас уже поздно. Где вы живете?

Я сказал и в подтверждение вручил ему свою карточку.

— Это совсем недалеко, — проговорил он, рассматривая карточку. — Хорошо, доктор. Я поставлю инспектора Фоллетта в известность об этом случае. Если у вас и дальше будут возникать такого рода неприятности, дайте нам знать. Но в любом случае пришлите описание этих людей.

Я обещал сделать это завтра без промедления, и мы расстались, пожав руки и пожелав друг другу доброго пути. Он направился в одну сторону, а я в противоположную — и то и дело озирался по сторонам.

Глава 15

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТОРНДАЙКА

Следующим утром я так хотел попасть к Торндайку до прихода детектива, что оказался у его дома на целых полчаса раньше.

Дверь открыл сам доктор.

— Хорошо, что вы пришли пораньше, Грей, — сказал он. — Мне бы хотелось для вас кое-что прояснить, в дополнение к тому, что вы узнали от Полтона. Детектив из уголовного розыска — мой старый приятель суперинтендант Миллер. Он придет по моей просьбе сообщить кое-что инте-

ресное. Естественно, я тоже обязан ему что-то рассказать. Однако не все.

— А почему нужно держать его в неведении? — спросил я.

— Потому что я привык передавать полиции уже завершённые дела, — ответил Торндайк. — Если я посвящу его в детали моего незаконченного расследования, он может предпринять какие-то действия и спугнуть преступника раньше, чем я соберу доказательства, достаточные для ареста. Так что до поры до времени лучше помалкивать. Вам сегодня предстоит только слушать и не делать никаких замечаний. Ведите себя так, как будто вам известно лишь очень немного.

Я обещал следовать этим указаниям, хотя не понимал, что у нас есть такого особенного, чтобы скрывать. Затем рассказал о вчерашних приключениях.

Выслушав, он весело рассмеялся:

— Очень похоже на эпизоды из старых комедий.

— Да, — согласился я, улыбаясь, — это было забавно. Но откуда они взялись? Может, у него есть сообщники?

— Не стоит гадать на пустом месте, — отозвался он. — Важно то, что вы оказались на высоте и не позволили застать себя врасплох.

Он опять ушел от ответа, хотя наверняка эти двое незнакомцев не были для него такими же загадочными, как для меня. Я хотел продолжить разговор, но звук медного дверного молотка возвестил о приходе гостя.

Сыщик был именно таким, каким ему положено быть: высокий, подтянутый, волосы с проседью, острый пронизательный взгляд.

— Это тот самый доктор Грей, — представил меня Торндайк, — который обнаружил тело Д'Эрбле.

— Да, я помню, — произнес Миллер, пожимая мне руку.

— Так что доктор Грей в этом деле не посторонний, — продолжил Торндайк. — Тем более что он стал вхож в эту семью... после несчастья.

— Понимаю. — Сыщик еще раз пытливо меня оглядел, видимо, все же не поняв, какого дьявола я здесь забыл. — В том, что я собираюсь вам рассказать, ничего секретного нет, но все же лучше об этом не распространяться.

— Конечно, — заверил Торндайк, — и доктор Грей понимает, что наш разговор строго конфиденциальный.

Миллер сел в кресло — рядом на столике графинчик, сифон и коробка с сигарами, — налил себе из графинчика, закурил сигару, а затем достал из папки стопку бумаг, перевязанных красной лентой.

— Доктор, вы просили меня сообщить детали убийства Ван Зеллена. Так вот, прошу внимания. Обстоятельства преступления вам известны, но позвольте напомнить, что Ван Зеллен был обнаружен мертвым в своем кабинете. Его отравили синильной кислотой и похитили весьма ценные экспонаты из коллекции. До сих пор не выясне-

но, как убийца проник в дом: с помощью отмычки или его впустил сам Ван Зеллен... Однако точно установлено, что взлома не было. И никаких улик убийца не оставил. Сыщики начали перетряхивать архивы в поисках преступника с похожим почерком. И нашли одного. Правда, ни в чем серьезном этот человек уличен не был, лишь отбыл небольшой срок за скупку и хранение краденого. Следует, впрочем, добавить, что у полиции были данные о его косвенной причастности к ряду ограблений, сопровождавшихся убийствами. Везде все было выполнено необыкновенно чисто — и с помощью яда. Имя и фамилия этого человека были известны. Саймон Бенделоу. Его начали подозревать в причастности к убийству Ван Зеллена, но вскоре обнаружился свидетель, который в то утро видел человека, выходящего из дома примерно в то время, когда было совершено преступление. Он нес объемистую сумку, по виду достаточно тяжелую — там могли находиться похищенные вещи. Согласно описанию свидетеля, этот человек был невысокий, чисто выбритый, с большим крючковатым носом, тяжелыми нависающими бровями и близко посаженными глазами. Это снимало подозрение с Бенделоу, поскольку он совершенно не был похож на этого человека.

Торндайк на мгновение поймал мой взгляд, предупреждая о молчании.

— Но тут возникло странное обстоятельство, — продолжил Миллер, — потому что человек

с сумкой, которого видел свидетель, был вылитый Крайл — Джонатан Крайл, дружок Бенделоу и его поделщик по скупке и хранению краденого, несколько раз сидевший с тюрьме. Стали заниматься Крайлом и вскоре выяснили любопытное обстоятельство — в день убийства, а также накануне и после, он находился в Филадельфии, за много миль от Нью-Йорка. Так что, хотя Крайл был таким же прохвостом, как и Бенделоу, привлечь его по делу Ван Зеллена не представлялось возможным. Таким образом, расследование зашло в тупик. Ведь нельзя арестовать человека, даже очень плохого, только основании подозрений. Но вскоре Бенделоу допустил оплошность с какой-то дешевкой, что-то связанное с хранением краденого. И у полиции появились основания для его ареста. А в Америке полиция может себе позволить много больше, чем мы. И они надеялись выжать из Бенделоу признание, но этот опытный жулик их перехитрил. Он каким-то образом узнал о предстоящем аресте и сбежал всего за несколько минут до их прихода. Дом обыскали — никого и никаких следов. Кстати, одновременно с ним исчез и Крайл. После этого дело закрыли, потому что фигуранты сбежали, не оставив никаких следов. Зацепиться было не за что. И вот, совсем недавно, в доме, где жил Бенделоу, случился пожар. Разбирая завалы, рабочие нашли спрятанный под половыми досками сверток, в котором оказались некоторые вещи, похищенные у Ван Зеллена. Ничего по-настоящему ценного там

не было — несколько монет, медалей и перстней с печатками, — но все они были перечислены в каталоге коллекции Ван Зеллена. Что явилось неопровержимым доказательством причастности Бенделоу к ограблению и убийству. Теперь американские детективы зашевелились, но через некоторое время обнаружили, что около года назад Бенделоу и Крайл перебрались в Англию. Сюда приехал толковый детектив по фамилии Уилсон с образцами отпечатков пальцев подозреваемых и тюремными фотографиями. Мы помогали ему по мере возможности, но в конце концов выяснилось — уже после убийства Д'Эрбле, — что Бенделоу умер. И дело пришлось закрыть в связи со смертью подозреваемого. Теперь уже окончательно.

— А как вам удалось узнать о его смерти? — спросил Торндайк.

— Совершенно случайно. Один из наших людей зашел в Сомерсет-хаус уточнить детали какого-то завещания, просматривал список, и на глаза ему попала фамилия Бенделоу, которую упоминал Уилсон. Он на всякий случай скопировал завещание со всеми адресами и фамилиями свидетелей и передал американскому детективу, чем сильно его удивил. Но Уилсон ничего не принимал на веру и принялся искать исполнительницу завещания, некую миссис Моррис. Оказалось, что она переехала, а куда неизвестно.

— Но завещание было оформлено по всем правилам? — поинтересовался Торндайк.

— Да, там все было в порядке. И Уилсону удалось отыскать свидетельниц. Это две старые девы, которые вместе живут в Хорнси. Он подтвердили, что познакомились с Бенделоу, когда он уже был тяжело болен и лежал в постели. Их представила его квартирная хозяйка миссис Моррис. Они подтвердили факт смерти, поскольку видели его в гробу и присутствовали на кремации.

— Он был кремирован? — удивился Торндайк. Миллер усмехнулся:

— Да. Я понимаю, доктор, это вас настораживает. Но кажется, тут все чисто. Бенделоу действительно превратился в пепел. Эти две дамы посмотрели на него в целлулоидное окошко в крышке гроба перед тем, как покойного отправили в печь крематория.

— И что, нет никаких сомнений, что там лежал действительно Бенделоу?

— Никаких. Уилсон показал дамам фотографию, и они сразу его узнали, причем выбрали ее из десятка других.

— А где Бенделоу жил, когда они с ним познакомились?

— Недалеко от их дома в Хорнси. Но потом Моррисы переехали в Хокстон, на Маркет-стрит. Именно там было подписано завещание, и там он умер.

— Я полагаю, Уилсон проверил причину смерти?

— О да. Мы получили для него копию свидетельства, он взял ее с собой. Причина смерти — рак желудка. В этом нет никаких сомнений. По-

смертное вскрытие делали два доктора, которые подписали свидетельство о смерти. Все оформлено как положено. — Миллер помолчал. — А теперь я вам сообщу кое-что весьма забавное. Занимаясь Бенделоу, Уилсон не забывал о его дружбе Крайле. И зашел в Сомерсет-хаус — просто чтобы убедиться, что этого человека среди умерших нет. И тут его ожидала новость. Оказывается, Крайл тоже умер. И тоже от рака. На этот раз была поражена поджелудочная железа. Это тоже, как я понимаю, рядом с желудком... И умер он тоже в Хокстоне — за четыре дня до Бенделоу. Все это очень и очень странно. Как будто они сговорились... Но и здесь все было оформлено — не подкапашься. Уилсон с копией свидетельства о смерти заехал к подписавшему его доктору Ашеру. Тот хорошо помнил Крайла, ведь это случилось совсем недавно. Крайл умер, в этом не было сомнений. Ашер присутствовал на его похоронах и опознал на фотографии, которую ему показал Уилсон. Вот так все обстояло. Конечно, обстоятельства странные и подозрительные, но от фактов не уйдешь. Очевидно, этим двум мошенникам удалось ускользнуть из рук правосудия. — Детектив посмотрел на Торндайка. — Должен заметить, что я не был склонен сворачивать расследование, советовал Уилсону побыть здесь еще некоторое время, рассказал об убийстве Д'Эрбле, о гинее, но он заявил, что убийство к нему не относится, что подозреваемые, за которыми он сюда приехал, мертвы, и потому ему больше нечего у нас делать.

Так что Уилсон уже давно в Нью-Йорке, с ним два свидетельства о смерти и две фотографии с указаниями на обороте — «подозреваемые опознаны». Но мне он оставил свои заметки по этому делу и образцы отпечатков пальцев, которые с учетом сказанного вряд ли пригодятся.

— Вот об этом еще рано судить, — произнес Торндайк с загадочной улыбкой.

Миллер внимательно на него посмотрел и кивнул:

— Действительно, ни о чем судить нельзя, если вы имеете дело с доктором Джоном Торндайком. — Он посмотрел на часы. — К сожалению, у меня очень скоро встреча в суде. Дело незначительное, займет не больше получаса. Так что я хотел бы вернуться и выслушать ваше мнение по поводу этой удивительной истории.

— Возвращайтесь непременно, — сказал Торндайк. — А я тем временем все тщательно обдумую.

Он проводил Миллера и вскоре вернулся. Посмотрел на меня с улыбкой:

— Ну что, Грей, как вам эта загадка? Как раз на медицинскую тему.

— Ума не приложу, — ответил я. — С одной стороны, неоспоримые факты, а с другой — все это кажется невероятным.

— Надо иметь в виду: кто-то, несомненно, умер, а кто-то по-прежнему здоровствует, и этот кто-то — убийца Джулиуса Д'Эрбле.

— Но он, очевидно, не может быть ни Крайлом, ни Бенделоу.

— А гальваноконпия гинеи, похищенной у Ван Зеллена? Это же намек на то, что два убийства связаны.

— Да, связь тут, видимо, есть, но какая? И вы, конечно, заметили, что американские полицейские что-то напутали. Человека, выходящего из дома Ван Зеллена, они сочли непохожим на Бенделу, в то время как он был очень похож.

— Я это заметил. Но мне кажется, что тот человек мог быть и Крайлом. Нам надо встретиться с доктором Ашером. Может, он вспомнит что-нибудь для нас интересное.

— Я недавно был у него в гостях, и он опять что-то рассказывал о своем пациенте Джонатане Крайле.

— Вот как? И что же он рассказывал?

— Ничего примечательного.

Я пересказал Торндайку все, что помнил о том, как Ашер пользовал этого человека, о его общении с квартирной хозяйкой миссис Пеппер, о похоронах и так далее. Все это казалось мне тривиальным и скучным, но Торндайк слушал с живым интересом, а когда я закончил, спросил:

— Он, случайно, не упоминал адрес Крайла?

— Упоминал. И как ни странно, я его даже запомнил: Филд-стрит, 52, Хокстон.

— Замечательно, Грей! — воскликнул Торндайк. — Это очень ценная информация.

Он поднялся, взял с полки карту Лондона, пару минут изучал ее и вернул на место. Затем

раскрыл свои заметки по делу Д'Эрбле, коротко глянул и закрыл папку. После этого он взялся изучать раздел «Улицы» в почтовом справочнике. Наконец, поставив толстый том на полку, повернулся ко мне:

— Как вам рассказ Миллера? Что вы об этом думаете?

— Не знаю, что и сказать, — ответил я. — Мне показалось, что к нашему расследованию это все имеет весьма косвенное отношение.

— Думаю, очень скоро выяснится, так ли это, — проговорил Торндайк. — Я собираюсь предложить кое-что Миллеру. Кстати, он идет. Значит, закончил свои дела. Думаю, Миллер примет мой план, потому что очень хочет разгадать загадку...

Сыщик вошел и сразу заговорил о деле:

— Так что, доктор? Надеюсь, вы уже все обдумали и пришли к какому-то заключению?

— Да, — ответил Торндайк, — я пришел к заключению, что изложенные факты слишком удивительны, чтобы принять их за чистую монету. Тут что-то не так.

— Я и сам это чувствую, — согласился Миллер, — но пока не понял, где искать. Может быть, вы что-то нашли?

Торндайк улыбнулся:

— Ну, найти я, конечно, не нашел, но, полагаю, одно обстоятельство следует проверить. Понимаете, идентификация Крайла не представляется мне убедительной.

— А в чем отличие от случая с Бенделоу? — спросил Миллер.

— Ну, во-первых, Бенделоу идентифицировали две дамы, хорошо его знавшие и навещавшие во время болезни, а во-вторых, его кремировали, а значит, теперь уже проверить ничего нельзя.

— Но и с Крайлом то же самое, — возразил Миллер. — Он похоронен и лежит под землей на глубине в несколько футов.

— Но это случилось совсем недавно. Тело можно эксгумировать и провести окончательную идентификацию.

— Вас не удовлетворяет заключение доктора Ашера?

— Нет. Ашер видел его тяжелобольным, и Крайл, несомненно, сильно изменился с тех пор, как были сделаны фотографии.

— Это верно, — согласился Миллер. — Я помню, Уилсон говорил, что Ашер, глядя на фотографию, не был полностью уверен, что на ней его пациент. Жаль, что Уилсон увез фотографии с собой.

— Без фотографий можно обойтись, — сказал Торндайк. — У вас есть его отпечатки пальцев. И если покойного эксгумировать, снять отпечатки, — а по времени это еще возможно, — и сравнить с теми, что у вас, то это развеет любые сомнения.

Сыщик задумался:

— Но ордер на эксгумацию не так легко получить. Я должен предъявить комиссару серьезные

основания. Вы действительно сомневаетесь, что тот, кто лежал в гробу, — Джонатан Крайл?

Торндайк кивнул:

— У меня есть подозрение, что Крайл в гробу — не тот Крайл, чьими отпечатками вы располагаете.

Миллер встал и взял шляпу.

— Хорошо, доктор, мне этого достаточно. Я не стану допытываться о причинах ваших сомнений, все равно вы их не назовете... Но я давно вас знаю, а потому уверен, что у вас есть серьезный повод. Думаю, мне удастся получить ордер.

Детектив ушел, а Торндайк повел меня в свой клуб накормить ленчем, прежде чем отпустить для исполнения обязанностей в мастерской.

Глава 16

СЮРПРИЗ ДЛЯ МИЛЛЕРА

Торндайк не ошибся. Суперинтендант Миллер очень быстро уладил формальности, необходимые для проведения эксгумации. Не прошло и недели после той беседы, как я получил от Торндайка записку приехать к нему на следующее утро в половине седьмого. Он даже предлагал переночевать у него, но я отказался, не желая беспокоить доктора без особой необходимости. Утром, наскоро позавтракав, я на первом трамвае отправился к нему и появился у его дома, где уже стоял наемный экипаж, ровно в шесть тридцать.

Торндайк и Миллер были готовы к выходу, у каждого в руке по сумке.

— Мы отправляемся на мероприятие, которое Льюис Кэрролл мог бы назвать «похоронами наоборот», — произнес доктор, глядя на меня. — В записке я этого не указал, но вы, наверное, сами все поняли.

— Спасибо, что пригласили, — сказал я. — Позволю себе заметить, что и Ашер был бы тут не лишний.

— Вот и Миллер так думает, — заметил он, — и вполне справедливо. Так что я договорился с Ашером, мы его захватим по дороге. Он сможет идентифицировать покойного и поможет Миллеру снять отпечатки пальцев.

— Доктор, я помню, вы сказали, что отпечатки могут оказаться другими... — проговорил Миллер.

— Это только мое предположение, — отозвался Торндайк, — но все же я удивлюсь, если обнаружится иное.

Сыщик ничего не ответил и молчал, пока мы не прибыли к дому Ашера. Тот ждал нас у открытой двери и быстро сел в экипаж. Из окон за нами наблюдали любопытные соседи.

— Итак, надеюсь, это будет мой последний визит к бедному мистеру Крайлу, — произнес Ашер, обдавая внутренность кареты винным ароматом. — Кто бы мог подумать, что относительно этого респектабельного господина, над могилой которого дети распевали псалмы, у полиции есть настолько серьезные подозрения, что его даже бу-

дут потом выкапывать... Это вызывает у меня улыбку.

Потом он во всех подробностях рассказал Миллеру о похоронах Крайла — тот этого еще не слышал, — после чего с помощью наводящих вопросов Торндайка поведал о его лечении и своих мыслях о миссис Пеппер. Рассказ длился до тех пор, пока экипаж не остановился у ворот кладбища.

Нас ждали. Как только мы выбрались из кареты, к нам приблизились два джентльмена. Один, — видимо, служащий кладбища, — отпер ворота и впустил нас, а второй представился как инспектор службы здравоохранения доктор Гарролл и объяснил: в ордере министерства внутренних дел сказано, что эксгумация должна проводиться под его наблюдением.

Торндайк согласился и сказал, что тут должны быть соблюдены все санитарные требования.

— Сюда уже доставлена молотая известь и формалин, — ответил Гарролл. — Думаю, этого будет достаточно.

— Вполне. — Торндайк кивнул: — Работа уже началась?

— Да, — подал голос служащий кладбища. — Могила уже вскрыта на полную глубину, но я решил до вашего прибытия гроб не открывать. И попросил рабочих отойти подальше за загородку, когда это будет происходить, и никому ничего не рассказывать.

— Правильно сделали, — похвалил Миллер. — Не надо, чтобы это попало в газеты.

— Вот именно, сэр, — подхватил служащий, который явно сгорал от любопытства. — Поэтому я вдобавок распорядился огородить могилу. Вот, мы уже пришли, так что можно начинать.

За ограждением четверо рабочих сидели на куче свежевырытой земли. Рядом бухта толстой веревки, корзина для подъема земли на поверхность, бак с известью и оплетенная бутыл с формалином. Все как положено.

— Можете вытаскивать, — сказал служащий кладбища.

Рабочие засуетились.

— Опускать его было гораздо легче, — заметил Ашер, наблюдая, как тужатся рабочие. — Впрочем, бедняга Крайл за это время вряд ли прибавил в весе. А он ведь и живой был кожа да кости.

Наконец четверо рабочих вытащили гроб и установили на чистое место у края могилы.

— А теперь, — произнес служащий кладбища, обращаясь к ним, — лучше отойдите подальше и ждите, когда понадобится снова.

Рабочие помрачнели.

Дождавшись их ухода, служащий достал две отвертки, с помощью которых он и Миллер быстро отвинтили шурупы.

Все закончилось быстрее, чем я ожидал. Миллер поднял крышку — и все увидели, что внутри вместо останков Джонатана Крайла лежит мешок с опилками.

Выражения лиц присутствующих можно было бы описать одной короткой фразой: «Не может

быть!» Мы долго стояли в напряженной тишине, глядя на мешок. Затем Миллер перевел взгляд на Торндайка, чье лицо озаряла слабая улыбка.

— Доктор, вы знали, что гроб пуст.

Торндайк отрицательно покачал головой:

— Если бы я знал, то обязательно бы вам сказал.

— Да, но вы подозревали.

— Не отрицаю, — признался Торндайк.

— Видите, — сокрушенно проговорил Миллер. — Вы подозревали, а мне это даже не приходило в голову.

— Это все потому, мой друг, что вы не располагали фактами, известными мне. И все же вероятность такого исхода можно было предположить с учетом того, что эти двое умерли почти в одно время от одной и той же болезни. Я не исключил возможность, что похороны Крайла могут быть фарсом.

— Согласен с вами, — грустно проговорил сыщик. — Но все равно очень многое не ясно... И что вы советуете делать с гробом?

— Отправить на место и держать все в абсолютном секрете. Если результаты эксгумации станут известны прессе, преступник опять может исчезнуть.

Миллер кивнул:

— Да, это будет катастрофа. Сейчас покойный мистер Крайл спокойно гуляет на свободе, ни о чем не подозревая. И не дай бог его спугнуть.

— Вот именно. Фактор неожиданности — наш единственный козырь. — Торндайк повернулся

к служащему кладбища: — Вы осознаете серьезность положения?

— В полной мере, — отозвался тот, как мне показалось, с некоторой грустью. — И можете не сомневаться, мы все будем держать в тайне.

Мы вышли за ограждение и медленно двинулись к воротам. Я тщетно пытался привести свои мысли в порядок. Поражала пронизательность Торндайка. Предвидеть результат эксгумации — просто невероятно!

Это удивляло не только меня одного. Сыщик шагал в глубокой задумчивости, как и Ашер, — кажется, он был очень серьезно озадачен.

В карете Ашер заговорил первым:

— Я сейчас чувствую себя как боксер после нокаута. С трудом понимаю, что произошло. — Он повернулся к Миллеру: — Вот вы сказали, что мистер Крайл спокойно гуляет на свободе... Я так понимаю, вместо того, чтобы сидеть в тюрьме. Но мистер Крайл умер от рака поджелудочной железы. Я наблюдал его в течение всей болезни. Насчет рака сомнений никаких не было, хотя, может быть, и не поджелудочной... Впрочем, это не важно. Он умер, совершенно точно! Я видел его мертвым и даже помогал положить в гроб. Что вы на это скажете, доктор Торндайк?

— Тут и обсуждать нечего, — уклонился от ответа доктор. — Раз вы утверждаете, значит, так оно и есть. Но поскольку сейчас мистера Крайла в гробу не оказалось, неизбежно следует вывод,

что после того, как вы его туда положили, кто-то ухитрился вытащить покойного.

— Вы совершенно правы, — отозвался Ашер. — Но Крайл был мертвый, я могу в этом поклясться. И где же он сейчас?

— Вот именно, где? — подал голос Миллер. — Очевидно, здесь имеет место мошенничество. Но что именно произошло? Ведь мертвец действительно был, это не обсуждается.

— А я и не опровергаю, — сказал Торндайк.

— Тогда скажите, черт возьми, что с ним стало! И зачем его вытащили из гроба? Вы можете это объяснить, доктор? — Он всплеснул руками. — Да что толку вас спрашивать, все равно не скажете. Знаете, но будете молчать, придерживая этот козырь, пока не придет время его выкладывать. Я верно говорю, доктор?

Бесстрастное лицо Торндайка смягчила загадочная улыбка.

— Мы же договорились, Миллер, что козырь в нужное время будет у вас в руках. Я надеюсь, довольно скоро... А теперь прошу посадить меня и Грея прямо здесь. У нас есть кое-какие дела.

Через пару минут мы попрощались и вылезли. Торндайк шел молча, сворачивая с одной захудалой улочки на другую. Мы свернули в очередной раз, а я все не решался спросить, о каких делах идет речь.

— Ну и какие выводы вы сделали по поводу события на кладбище? — неожиданно произнес он.

— Пока никаких, — пробормотал я.

— Как это никаких? — Торндайк нахмурился. — Разве пустой гроб не навел вас на новые мысли?

— У меня и старые куда-то подевались, — ответил я, улыбнувшись. — Куда уж мне, если и сыщик угрозыска сбит с толку.

— Но вы все-таки знаете об этом деле много больше его. Так в чем трудность?

— В Крайле, — сказал я. — В том, что он мертв, кажется, нет никаких сомнений. Однако похоронен не был. Подозреваю, вы с Миллером считаете, что он до сих пор жив. А я вообще не вижу, с какого боку можно «пришить» его к нашему делу.

Мы поднялись на мост через канал Риджентс.

— Вы скоро сами все увидите, — проговорил Торндайк. — Но давайте отложим дискуссию. Вы знаете, что за улица там впереди?

— Нет, я в этих местах никогда прежде не был.

— Это Филд-стрит.

— Улица, на которой жил мистер Крайл?

— Да, — ответил он, спускаясь вместе со мной с моста на улицу. Затем доктор показал на дом слева: — А это жилище покойного мистера Крайла. В данный момент пустует.

Мы прошли мимо. Я с любопытством оглядел неказистый фасад, а когда мы дошли до конца улицы, неожиданно узнал перекресток, который часто пересекал на пути к дому Моррисов, и сказал об этом Торндайку.

— Как раз туда мы и идем, — ответил он. — Посмотрим дом. Он тоже сейчас пустой, но у меня есть разрешение агента на осмотр — и ключи.

Прошло несколько минут, и мы свернули в знакомый мне переулок с многочисленными лотками и ручными тележками. Спрашивать, зачем мы туда идем, было бесполезно. Впрочем, очень скоро все станет ясно. Надо лишь подождать.

Мы подошли к дому, взгляделись через застекленную дверь в пустой магазин. Затем Торндайк отпер боковую дверь и толкнул.

Пустой дом всегда навевает небольшую грусть, особенно если вы бывали в нем прежде. Вот тот самый длинный коридор, где доктор Кроппер ударился в темноте головой о стену... Я шел по нему, вспоминая неприветливую миссис Моррис, ее мужа и умирающего мистера Бенделоу.

Из прихожей убрали всю мебель. И штору, закрывающую заднюю часть, тоже. Так что сейчас там обнаружилась дверь, о существовании которой я не подозревал.

— Смотрите, оказывается, у них была еще одна дверь на улицу. Раньше ее скрывала штора. Но, кажется, она выходит не на Маркет-стрит.

Торндайк кивнул:

— Правильно. Эта дверь выходит на Филд-стрит.

— Надо же, — удивился я. — Ведь это фасад дома, а они почему-то впускали меня не отсюда, а с черного хода.

— Откройте дверь и все поймете, — ответил он.

Я сдвинул засов и, переступив через широкий порог, выглянул на улицу. Торндайк был прав. Это была Филд-стрит, по которой мы прошли несколько минут назад, а справа был виден мост через канал. Не веря своим глазам, я глянул на номер дома и увидел цифры: пять и два.

— Выходит, мы с Ашером посещали один и тот же дом?

— Очевидно, — отозвался Торндайк.

— Значит, одного и того же пациента?

— Так оно и было, мой друг. — Он улыбнулся. — Именно поэтому я предложил Миллеру организовать эксгумацию, и пустой гроб все подтвердил.

— Неужели пациентом и у меня, и у Ашера был Бенделоу? Тот самый, который кремирован!..

— Получается, что так, — сказал Торндайк. — Если только вы не сможете это как-то опровергнуть.

— Не могу, — признался я. — Его знали как Бенделоу две дамы, мисс Дьюзнеп и мисс Боннингтон. Они встречались с ним при жизни, видели его лежащим в гробу и даже присутствовали при кремации. Они узнали Бенделоу на фотографии, которую показал им американский детектив.

Торндайк кивнул:

— Вы, конечно, правы, но их идентификацию Бенделоу необходимо проверить. И вопрос это чрезвычайно важный. У меня есть одна гипотеза, которая требует подтверждения. Подобную проце-

дуру специалисты по логике называют «критический эксперимент». Если моя гипотеза верна, то расследование на этом закончится, и дело можно будет передать Миллеру.

— О каком деле вы говорите? — спросил я, выслушав его в полном замешательстве.

Он вскинул брови:

— Мой дорогой Грей, вы забыли, что мы расследуем убийство Джулиуса Д'Эрбле?

— Ничего я не забыл. Но какое отношение к этому имеют два мошенника, Бенделоу и Крайл?

— Когда дело будет закрыто, я вам все объясню, — обещал он. — А пока, перед тем как уйти, давайте посмотрим еще кое-что интересное.

Он вывел меня через заднюю дверь в большой запущенный сад, и мы двинулись по широкой дорожке, поросшей сорняками.

Загадка не давала мне покоя.

— Тут до сих пор многое непонятно, — сказал я. — Эти двое умерли с разницей в несколько дней. Я видел Бенделоу мертвым в понедельник. Он умер днем раньше. Но похороны Крайла состоялись за два дня до этого.

— Ну и что тут странного? — отозвался Торндайк. — Похороны Крайла, как я установил, были в субботу. Вы видели в последний раз Бенделоу живым в четверг утром. За Ашером послали, чтобы он констатировал смерть Крайла, в четверг вечером. Очевидно, он умер вскоре после вашего ухода. Так что вам тогда сообщили неверную дату его кончины. Да вы сами упоминали в своих заметках,

что вы с Кроппером были удивлены состоянием тела. А предшествующие этим событиям похороны не представляли трудности с учетом того, что гроб был пустой. — Он на секунду замолк. — Теперь смотрите, я думаю, вам интересно это увидеть.

Торндайк показал мне на пролет каменных ступеней, у подножия которого виднелись деревянные ворота в ограждающей сад стене. Заметив, что я не проявляю к этому должного интереса, он произнес:

— Может быть, все станет понятным, если открыть их?

Мы спустились по ступеням, он вставил ключ в замок, обратив мое внимание на то, что его недавно смазывали, после чего распахнул ворота, и мы вышли на дорожку, идущую вдоль канала. Рядом находились тот самый сарай и лебедка, откуда я полетел в воду. Теперь я вспомнил эти ворота, но тогда даже не мог представить, что они ведут к дому Моррисов.

Мы вернулись в дом, снова прошли по длинному коридору и вышли на Маркет-стрит. Торндайк запер дверь и положил ключ в карман.

— Надо же, как хитро придумано, — сказал я. — Дом с двумя фасадами, выходящими на разные улицы.

— Сад простирается до другой улицы, — пояснил Торндайк. — И когда еще улица не была полностью застроена, они соорудили в конце сада небольшой домик, якобы для магазина, который потом соединили с основным. Но на той улице

дом получил собственный номер. — Он посмотрел на меня. — Какие у вас сейчас планы?

— Собираюсь ехать в мастерскую, — ответил я.

— Приближается время ленча, — сказал он. — Так что давайте вначале перекусим где-нибудь. Спешить вам незачем. Насколько я понял, сегодня мисс Д'Эрбле завершает работу над восковым бюстом, а это очень интересуется Полтона. И он не уйдет до самого конца.

— Но мне тоже хочется это увидеть, — сказал я.

Он посмотрел на меня с лукавой улыбкой:

— Думаю, в будущем у вас будет для этого масса возможностей в отличие от Полтона, который должен ловить момент. Кстати, возможно, он кое-что вам сообщит. Я поручил ему договориться с этими двумя дамами, мисс Дьюзнеп и ее приятельницей, относительно идентификации Бенделу. Хочу, чтобы вы при этом присутствовали. Так что, пожалуйста, спросите его, когда они придут.

Мы сели в омнибус, который довез нас до Кингс-Кросс. Здесь мы поели в скромном ресторане и разошлись.

Глава 17

ЧЕРЕДА НЕОЖИДАННОСТЕЙ

Дверь мастерской открыл Полтон. Что-то в его лице показалось мне странным, и я собирался лучше его разглядеть, но он заторопился: пробормотав слова приветствия, сразу вернулся к работе.

Войдя в мастерскую, я понял причину его спешки. Полтон готовил матрицы для отливки из воска рук модели, а Мэрион, сидя на высоком табурете, занималась бюстом, стоящим перед ней на поворотной подставке: сглаживала швы и неровности стальным шпателем, время от времени подогревая его на спиртовке.

Я предложил Полтону помощь, но он ее вежливо отклонил, сказав, что хочет сделать все сам. Поскольку работы у меня не было, а слоняться по мастерской не хотелось, я уселся на табурет рядом с Мэрион и стал наблюдать.

Мы молчали. Мэрион и Полтон были полностью погружены в работу, и я считал неприличным отвлекать их разговорами. Меня, конечно, интриговало изменение лица Полтона. Что это могло быть? Бакенбарды и усы на месте. Новая прическа? Непохоже.

Я дождался, когда Полтон отойдет в дальний конец комнаты с горшком, в котором уже застыл воск, чтобы заменить его на другой, нагревающийся в водяной бане, и наклонился к Мэрион:

— Ты заметила, что лицо у Полтона сегодня какое-то необычное?

Она усмехнулась:

— Да. Он обрезал себе ресницы.

Я сделал удивленную гримасу, собираясь спросить, но она предупреждающе подняла палец и снова принялась за работу. Когда Полтон вернулся, я присмотрелся.

Мэрион была права. На веках у него не было ресниц, и мне показалось, что и с бровями он тоже что-то сделал. Зачем, почему? Я уже был готов спросить, но здравый смысл и вежливость возобладали. Вернувшись к Мэрион, я тщетно ждал каких-то пояснений, но вместо этого она вдруг спросила:

— Мистер Полтон сказал тебе, что у нас завтра выходной?

— Нет, — ответил я. — Но доктор Торндайк говорил, что у мистера Полтона может быть для меня сообщение. И почему завтра выходной день?

Полтон оторвался от работы:

— Понимаете, сэр, доктор поручил мне организовать визит двух пожилых дам, мисс Дьюзнеп и мисс Боннингтон. Я договорился с дамами на завтра на десять утра, и поскольку доктор хочет, чтобы мы с вами там присутствовали, то придется завтра мастерскую закрыть... Оставлять здесь мисс Д'Эрбле одну нельзя.

— Мы с Арабеллой решили утром походить по магазинам на Риджент-стрит, а потом — к доктору, он пригласил нас на ленч, — сказала Мэрион.

— А зачем две эти дамы придут к доктору? — спросил я.

— Узнаете завтра, — ответил Полтон и, чтобы предотвратить возможные вопросы, поинтересовался: — Кстати, как прошло сегодняшнее мероприятие?

— Всех ждал большой сюрприз, — ответил я. — Представляете, мистера Крайла дома не оказалось. Гроб пуст.

— Думаю, для доктора это сюрпризом не было.

— Жутковатая история, — отозвалась Мэрион. — И кто такой этот мистер Крайл, которого вы не нашли в гробу?

— По моим впечатлениям, это человек, очень похожий на злодея, чью фотографию я тебе показывал.

— Боже! В таком случае жаль, что гроб не занят... И где же этот злодей? Или вопросы задавать нельзя?

Я пожал плечами:

— Почему же, можно. Только не мне. Вот встретишься с доктором Торндайком — и спрашивай. Однако я сомневаюсь, что сейчас он готов прояснить ситуацию.

Полтон поспешил сменить тему, задав ей несколько вопросов по работе. Затем они залили готовые пресс-формы воском, и вскоре после этого он ушел.

Мы тоже не стали долго задерживаться, потому что окончательную доводку восковой фигуры лучше проводить при дневном свете, и по дороге к ее дому в основном обсуждали сегодняшний казус при эксгумации.

— Я вообще ничего не понимаю, — произнесла она со вздохом. — Вроде бы доктор Торндайк пытается напасть на след убийцы моего отца и при этом занимается делами, не имеющими к этому никакого отношения...

— Меня это тоже тревожит, — признался я. — Ему почему-то интересны факты, совершенно

не относящиеся к убийству. А злодей, с тех пор как он явился в мастерскую с ножом, больше никак себя не проявляет. Видимо, что-то почуял и затаился. Эти люди, которыми сейчас занят доктор Торндайк, несомненно, преступники, но с убийством твоего отца никак не связаны. Например, Крайл, чей пустой гроб сегодня выкопали, определенно темная личность. Но не убийца, это точно. Может, сообщник, трудно сказать... Есть еще Моррис, чью маску нашли в мастерской. Очень странный тип, но опять, в убийстве никак не замешан. Во всяком случае, я так считаю. Торндайку он чрезвычайно интересен, но я не вижу почему. Особенно в то время, как о самом убийце по-прежнему ничего не известно.

— Неужели доктор Торндайк нисколько не продвинулся в расследовании?

— Дорогая Мэрион, я совершенно уверен, что ему в этом деле уже все ясно до мелочей. Похоже, если кто путается и делает что-то не так, то это только я. Давай подождем, может, завтра что-то прояснится. Сегодня он намекнул, что расследование движется к завершению.

— Я сильно на это надеюсь. — Мэрион вздохнула.

Оставшиеся несколько минут на пути к дому мы говорили о другом.

На следующее утро я решил приехать к Торндайку пораньше, чтобы до прибытия дам перекинуться парой слов. Теми же соображениями, ви-

димо, руководствовался и Миллер, с которым я встретился у двери. Нам открыл сам Торндайк; он был очень доволен, что мы пришли вместе.

— Доктор, раз уж вы так нам рады, — произнес Миллер с некоторым ехидством, — то расскажите хотя бы, зачем мы здесь собрались.

— Позже, если позволите, — отозвался Торндайк.

— Я так и знал.

— Это для вашей же пользы, — заверил доктор. — Непредубежденный мыслит шире.

— Я и так достаточно непредубежден, — настаивал сыщик, — и мыслю широко. Так в чем дело?

— А в том, — не уступал Торндайк, — что я не хочу возбуждать в вас ненужных ожиданий. Чтобы вы не разочаровались.

— Да хватит вам напускать туман, — не унимался Миллер. — Скажите, хотя бы в общих чертах, чего вы ждете от дам, бывших свидетельницами при утверждении завещания Бенделоу? Зачем они придут?

— Надеюсь кое-что у них узнать, — сказал Торндайк. — Особенно же важно проверить, как они идентифицировали Бенделоу.

— Значит, у вас есть его фотография?

Торндайк отрицательно покачал головой:

— К сожалению, нет.

— Тогда вы располагаете точным описанием его внешности?

— И этого у меня нет, — последовал ответ.

Сыщик бросил шляпу на стол.

— В таком случае как же вы сможете их проверить, сэр? Без фотографии, описания внешности, — и эксгумацию провести невозможно, потому что от него остался лишь пепел в горшочке.

Торндайк с загадочной улыбкой смотрел на рассерженного сыщика, а потом кивнул в сторону незаметно появившегося в комнате Полтона.

— Лучше спросите у постановщика сегодняшнего представления.

Миллер развернулся и вперил взгляд в Полтона.

— Меня бесполезно спрашивать, сэр, — проговорил тот, смутившись. — Доктор шутит, я всего лишь его ассистент. Но вы все узнаете, как только придут дамы. И я слышу шаги. Они уже здесь.

Вскоре и я услышал на лестнице негромкие женские голоса, затем в дверь осторожно постучали.

Торндайк наклонился ко мне:

— Помните, Грей, никаких комментариев при свидетельницах. Они мне нужны совершенно неподготовленными.

Я поспешно кивнул, соглашаясь, и тут Полтон распахнул дверь и торжественно объявил:

— Мисс Дьюзнеп и мисс Боннингтон.

Все встали. Торндайк подошел лично приветствовать дам, пока Полтон придвигал для них кресла.

— Как это любезно с вашей стороны — взять на себя труд и прийти сюда! Нам очень нужна ваша помощь.

— Мы будем рады вам помочь, — отозвалась мисс Дьюзнеп, — но только пока не знаем чем.

— Сейчас я вам все объясню, — проговорил Торндайк, — а тем временем позвольте представить моих друзей. Мистер Миллер и доктор Грей.

Мы поклонились.

— С доктором Греем мы знакомы, — заметила мисс Дьюзнеп. — Встречались в доме миссис Моррис по случаю кончины несчастного мистера Бенделоу, который сейчас окружен ангелами небесными.

— Да, — добавила мисс Боннингтон, — он в раю. Это несомненно.

Слушая их, Миллер смотрел на меня, осознав, что я появляюсь у Торндайка не просто так.

— Что же от нас требуется? — спросила мисс Дьюзнеп.

— Ничего особенного, — ответил Торндайк. — Вам покажут лицо мужчины, а вы скажете, знаете ли вы его. Вот и все.

Женщины переглянулись.

— Надеюсь, — проговорила одна, — все будет в рамках приличий?

— Разумеется, — заверил ее Торндайк. — Собственно, мы можем начинать. Прошу всех следовать за мистером Полтоном.

Мы поднялись наверх. Отпирая дверь, Полтон еще раз предупредил нас, чтобы в процессе опознания мы соблюдали тишину.

Переступив порог, я едва сдержался, чтобы не вскрикнуть от изумления.

В небольшой комнате было четыре стула, на два из которых Полтон усадил нас с Миллером.

Посредине на кóзлах стоял гроб, покрытый черной льняной тканью.

Следом за нами в комнату вошли две дамы в сопровождении Торндайка. Увидев гроб, они смешались.

— О боже! — воскликнула мисс Дьюзнеп. — Кто это, сэр? Нам знаком этот человек?

— Как раз это я и хотел бы знать, — проговорил Торндайк. — Мужчина был найден мертвым на улице, и его необходимо опознать. Может быть, вы сможете этому поспособствовать. Взгляните на него, пожалуйста, — там в крышке есть смотровое окошко. — Он повернулся к помощнику: — Вы готовы, Полтон?

Тот кивнул, напуская на себя скорбь и занимая положение в головной части гроба. Дамы остановились рядом с ним, а он осторожно взял концы покрывала и быстрым движением сбросил. Они по очереди подошли взглянуть в окошко и в ужасе отпрянули.

— Так это же мистер Бенделоу, — пробормотала мисс Дьюзнеп.

— Вы в этом уверены? — спросил Торндайк.

— Совершенно! Но это невероятно, потому что я видела собственными глазами, как его отправляли в печь крематория! А потом мне показали урну с пеплом...

Она перевела взгляд на приятельницу. Та кивнула:

— Это мистер Бенделоу.

— Но как это может быть? — возразила мисс Дьюзнеп. — Ты же сама видела, как он горел в печи.

— Это верно, — отозвалась мисс Боннингтон. — Но ты же не можешь отрицать, что это он.

— Может, глаза нас обманывают?.. — Мисс Дьюзнеп еще раз взгляделась в окошко в крышке гроба. — Нет, но и такое невозможно. — Она посмотрела на приятельницу. — В этом есть что-то дьявольское. Как может мертвец восстать из огненной печи и снова оказаться в гробу? Нам лучше уйти отсюда...

Они двинулись к двери.

— Погодите, — остановил их Торндайк. — Я правильно понял, что вы считаете лежащего в гробу покойника Саймоном Бенделоу и вас смущает лишь невозможность происходящего?

— Да, вы правильно поняли, — ответила мисс Дьюзнеп, глядя на него с тревогой. — Я могу поклясться, что это несчастный мистер Бенделоу, чего, впрочем, никак не может быть...

— Спасибо, — мягко произнес Торндайк. — Вы оказали нам огромную услугу. И позвольте вас заверить, что ничего незаконного или сверхъестественного во всем этом нет. А теперь позвольте мистеру Полтону проводить вас в столовую и угостить ленчем.

Дамы удалились, а Миллер подошел к гробу и посмотрел в окошко.

— Значит, это мистер Бенделоу. — Он помолчал. — Вы, конечно, напугали этих дам, продемонстрировав хорошо сделанный муляж, неотли-

чимый от настоящего покойника. Это все здорово, доктор. Но что доказал эксперимент?

— Благодаря ему мы узнали имя и фамилию этого человека, — отозвался Торндайк.

Миллер кивнул:

— Любопытно. Но что дальше?

— А дальше я объявляю его убийцей Джулиуса Д'Эрбле, а вы арестуете его и предадите суду.

Глаза суперинтендента в изумлении округлились. Он приблизился к Торндайку:

— Доктор, с вами не соскучишься, честное слово. Перестаньте шутить. Кого вы предлагаете мне арестовать? Вот этого, чья восковая копия, достойная музея мадам Тюссо, лежит в гробу, а сам он давно уже превратился в кучку пепла?

Торндайк улыбнулся:

— Успокойтесь, Миллер, и не притворяйтесь простаком. Человек, которого вам надлежит арестовать, жив, и за ним, кроме прочего, не надо далеко ходить.

— Вы знаете, где его найти?

— Да, — ответил Торндайк. — Это в Хорнси, на Эбби-роуд, почти напротив мастерской мисс Д'Эрбле.

Я удивленно охнул, а Миллер только пожал плечами:

— К сожалению, доктор, я должен уйти. Но я загляну к вам вечером, и мы все обсудим. Как вы считаете, завтра после полудня удобное время для ареста?

— Вполне, — отозвался Торндайк. — Обязательно приходите вечером.

Я был уже достаточно опытен в общении с Полтоном, но все равно не понимал, как ему удалось сделать восковую фигуру человека, которого ни он, ни Торндайк никогда не видели. Как только Миллер ушел, я подошел к гробу. Лицо покойника было не таким, какое я ожидал увидеть. Да, на голове была знакомая ермолка, какую носил Бенделоу. Но лицо... Кстати, теперь я понял, куда подевались ресницы Полтона — добросовестный специалист не желал рисковать.

— Но это вовсе не Бенделоу, а Моррис, — произнес я, повернувшись к Торндайку.

Доктор пожал плечами:

— Но вы только что слышали, как две свидетельницы убежденно заявили, что в гробу лежит Саймон Бенделоу, тот самый, фотографию которого показывал им американский детектив.

— Но как же так? — не соглашался я. — Это не тот человек, которого кремировали.

— Очевидно, не тот, потому что он до сих пор жив.

— Но свидетельницы присутствовали на кремации Бенделоу, видели, как его отправляют в печь... Мало того, они видели его в гробу перед моим приходом, и потом снова, через несколько минут после того, как я, Кроппер и Моррис положили его обратно в гроб. А этот здесь...

Торндайк усмехнулся:

— Насколько я понял, именно он помогал вам класть в гроб мертвеца.

— Но если покойника, которого мы положили в гроб, не кремировали, — не унимался я, — что с ним стало? Другой гроб оказался пустым, так что похоронен он не был.

Торндайк вздохнул:

— Все ответы прямо у вас перед глазами, но если вы их не видите, то дождитесь ареста преступника, и тогда я вам все объясню. А пока скажите, эти женщины когда-нибудь встречались с Моррисом?

— В моем присутствии нет, — ответил я. — Но если они и видели его, то едва ли узнали бы в нем человека, лежащего в этом гробу. Он, как вы помните, отрастил усы и бороду.

— Да, да, конечно, — согласился Торндайк, а затем посмотрел на меня. — Вы единственный из нас, кто видел этого человека, так что, к сожалению, ваше присутствие при аресте необходимо. Я сказал «к сожалению», потому что он опасен и наверняка будет сопротивляться.

Я заверил Торндайка, что охотно приму участие в этой акции.

— Ну и прекрасно, — подвел черту доктор. — Но обязательно захватите с собой пистолет и не стесняйтесь использовать, если понадобится.

— Куда и во сколько мне нужно явиться? — спросил я.

— Приходите завтра утром в мастерскую, — ответил Торндайк. — Там будет Полтон, от него

получите дальнейшие указания. А теперь пойдете, поможем ему готовиться к приему гостей. И прошу вас, Грей, при девушках никаких разговоров о завтрашнем мероприятии и прочем не заводите. Хорошо?

Мы отправились в столовую, где Полтон накрывал на стол, очевидно, совсем недавно проводив двух пожилых дам.

— Сегодня у вас будет холодный ленч? — рискнул поинтересоваться я.

— Отчего же, — ответил он с некоторой обидой в голосе. — Конечно, горячий.

— Но когда же вы успели? Ведь все утро у вас было занято.

Полтон улыбнулся, обозначив все свои морщинки:

— Пища варится сама. Надо только приглядывать.

Вскоре его кулинарные таланты в полной мере оценили Мэрион и Арабелла, что стало поводом и темой для приятных разговоров. Прием у Торндайка прошел с большим успехом.

Глава 18

ФИНАЛ

Перед уходом я спросил у Торндайка разрешения коротко рассказать Мэрион и Арабелле, что должно произойти завтра. Конечно, сам я по пути

к дому разговор об этом не заводил и ждал, когда Мэрион заговорит первой.

— Я так и не набралась храбрости спросить у доктора насчет расследования, — призналась она. — Может, ты что-то знаешь?

— Да, кое-что знаю, — произнес я со значени-ем. — Завтра предполагают арестовать убийцу твоего отца.

Она побледнела:

— Так он его нашел?

— Говорит, что нашел. Во всяком случае, назвал полиции его адрес.

— Как бы мне хотелось присутствовать при аресте! — воскликнула Арабелла.

— Возможно, у вас есть шанс. — Я на секунду замолк, чтобы подчеркнуть важность момента. — Преступник живет на Эбби-роуд, недалеко от мастерской.

Мэрион остановилась.

— Теперь понятно, почему он так хорошо ориентировался в тумане.

— Но тут есть одна странность, — заметил я. — На тебя напал человек, которого ты узнала на той страшной фотографии, а завтра намерены арестовать того, чью маску нашел в мастерской доктор Торндайк.

— Как же так? — удивилась Мэрион. — Ведь мы решили, что тот, кто на меня напал, и есть убийца.

— Торндайк думает иначе. Я ему полностью доверяю и полиция тоже. Так что давайте посмотрим, что будет завтра.

Она мрачно кивнула, а ее подруга начала требовать от меня подробностей. Пришлось сказать, что я завтра буду присутствовать при аресте преступника.

— Это так необходимо? — с тревогой спросила Мэрион.

— Да. Понимаешь, этого человека необходимо опознать, а я единственный, кому выпало счастье его видеть. — Я улыбнулся. — Но ты не беспокойся, полицейские обезвредят преступника.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Ты посидишь в мастерской, пока его не обезвредят, а потом пойдешь и опознаешь.

— Нет, так не получится, дорогая. А вдруг они арестуют не того, а преступник в это время сбежит? Ты ведь хочешь, чтобы убийца твоего отца понес наказание?

— Конечно, хочу, но никакое наказание не вернет мне папу. А если что-то случится с тобой, Стивен... Я даже не могу об этом подумать.

— И не надо ничего думать. Со мной все будет в порядке. Для полицейских такой арест — рутинная работа.

Впереди показалась Национальная галерея, и я предложил зайти туда, развеяться. Девушки согласились, хоть и без особого энтузиазма. Мы походили по залам, рассеянно глядя на картины и обмениваясь равнодушными замечаниями.

Развлечься не получилось; прекратив это пустое занятие, мы вышли на улицу и вскоре сели в автобус, который быстро довез нас до дома. Успели как раз к ужину.

На следующее утро по дороге в мастерскую Мэрион со вздохом призналась:

— Честно говоря, сегодня у меня совсем нет настроения работать.

— Наоборот, лучше заняться делом, — возразил я. — Закончить отливки Полтона. А про арест не думай. Что будет, то будет.

Мы свернули за угол, откуда была видна мастерская.

— А это еще что? — вдруг воскликнула Мэрион. — Смотри, у нас маляры красят стены! Откуда они взялись?.. Я их не вызывала.

Вскоре все выяснилось. Один из маляров пояснил, что они сотрудники полиции и выполняют поручение суперинтенданта Миллера — следят за домом напротив.

— Мы здесь с семи утра, — сказал он. — Сменили детектива, он дежурил всю ночь. Пока все в порядке, наш человек на месте. Пришел домой вчера к вечеру и не выходил.

Мэрион напряглась:

— Вы знаете, как он выглядит?

— К сожалению, нет, но, насколько нам известно, этот человек — единственный мужчина в доме. Окончательно опознать его должен будет доктор Грей. Давайте зайдем в мастерскую, и вы мне покажете, что там нужно покрасить...

Мэрион отперла дверь, и мы вошли. Детектив выбрал небольшое окно в прихожей, откуда был хорошо виден дом напротив, аккуратно замазал стекло краской, а затем, приподняв раму примерно на дюйм, достал из кармана комбинезона би-

нокль. В узкую щель было хорошо видно все, что необходимо.

Он повернулся ко мне, протягивая бинокль:

— Там в окне женщина. Посмотрите, сэр, может, вы ее узнаете.

Я поднес бинокль к глазам и увидел женщину очень близко, почти рядом. Она отвернулась, видимо, говорила с кем-то в комнате, так что пока мне удалось разглядеть только то, что она немолодая и на голове у нее нечто похожее на вдовый чепец.

Затем она наконец повернула голову ко мне, и я смог хорошо рассмотреть лицо. Странно: это была не миссис Моррис, но сходство имелось. Пожилая, седоволосая вдова в траурном чепце и очках — должно быть, для чтения, так как смотрела в окно поверх стекол.

Мне казалось, что я ее где-то видел, но никак не мог вспомнить где. Через пару минут в окне рядом с ней возник мужчина с красным носом. Его я узнал моментально. Это он преследовал меня поздно вечером, когда я возвращался от Ашера.

— Ну что, вам удалось рассмотреть что-то, сэр? — спросил детектив, когда они отошли от окна. — Вы их узнали?

— Мужчину — точно, — ответил я. — И женщину я где-то видел. Но это не супруги Моррис, дом которых я посещал.

— Вот как? Но в здании, похоже, больше никого нет. Ладно, подождем.

Я прошел в мастерскую, где Мэрион внимательно прислушивалась к нашему разговору.

— Значит, это не тот человек, который на меня напал?

— Нет, — ответил я. — Но, думаю, скоро вся выяснится. Доктор Торндайк ошибиться не может.

У меня не шла из головы женщина в чепце. Где же я ее видел? Не так давно. Запавшие глаза, насупленные брови. Ах да, ну конечно! Это вдова, которую я заметил на разбирательстве у коронера. Тогда ее лицо частично скрывала вуаль, но сомнений не было. Это она.

Женщина связана с человеком, который меня преследовал, значит, имеет определенное отношение к нашему делу... На разбирательстве у коронера она присутствовала с какой-то целью, скорее всего наблюдала за развитием событий. Может быть, это родственница миссис Моррис? Они с ней определенно похожи. Что касается мужчины, то он, очевидно, сообщник убийцы.

Я повернулся к Мэрион:

— Давай все-таки немного поработаем. Время пойдет быстрее.

Но оно тянулось медленно. И когда к полудню в мастерской появилась Арабелла с корзиной еды и двумя бутылками вина, мы с радостью прекратили работу и начали накрывать на стол. Разумеется, угостили и детективов, но им нельзя было прекращать наблюдение, и они ушли есть в прихожую.

В конце ленча я предложил девушкам отправиться домой.

— Не знаю, как Мэрион, — твердо проговорила Арабелла, — а я никуда идти не намерена. Останусь здесь и буду смотреть, как убийцу поведут в тюрьму.

— И я тоже, — подхватила Мэрион. — Тем более что в мастерской нам ничего не угрожает.

Мне пришлось согласиться. Но я пошел и задвинул засов на входной двери. На всякий случай.

Однако вскоре в дверь постучали. Я открыл. На пороге стояли два человека, у одного в руках объемистый сверток. Наверное, они приехали на торговом фургоне, который стоял у тротуара. К моему удивлению, один из прибывших оказался также одним из тех, кто преследовал меня в тот злополучный вечер.

Мужчины вошли.

— Я детектив-сержант Портер, — представился первый. — Цель моего прихода вам, конечно, известна.

— Вы тоже из полиции? — спросил я, обращаясь ко второму.

Тот улыбнулся:

— Да, я тоже детектив-сержант, но бывший. Моя фамилия Барбер. Иногда выполняю поручения доктора Торндайка.

— И тогда тоже вы следили за мной по его поручению?

Ответить Барберу помешал сержант Портер:

— Сэр, давайте отложим объяснения на потом. Тут есть задние ворота?

— Да, — отозвался один из «маляров», — в конце сада. Ворота выходят в переулок, связанный с Чилтон-роуд.

— Пожалуйста, проводите нас в сад, — попросил сержант.

Я вывел их через заднюю дверь, и они направились к воротам. А в мастерской появились новые визитеры. На этот раз Торндайк с суперинтендантом Миллером, который тут же подошел к старшему «маляру».

— Как дела, Дженкс?

— Все в порядке, сэр. Он там. Доктор Грей его видел, но сомневается, что это тот, кто нам нужен.

Миллер посмотрел на меня.

— Это не Моррис, — сказал я. — Но этот человек с красным носом мне известен. Он преследовал меня в тот вечер.

Торндайк спокойно пожал плечами:

— Ну что ж, раз там никого больше нет, придется довольствоваться красноносым. Ничего не поделаешь.

При этих словах бывший сержант Барбер заулыбался, а Миллер повернулся к своим людям, которые только вернулись от задних ворот:

— Все готово, сержант?

— Да, сэр, — ответил Портер. — Дом окружен местными полицейскими под руководством инспектора Фоллетта. Они хорошо знают район, так что он не ускользнет.

Миллер на секунду задумался:

— Тогда, я думаю, бал можно начинать прямо сейчас. Людей у нас задействовано достаточно, так что, надеюсь, все пройдет без шума, как и положено.

Он кивнул сержанту Портеру, и они с Барбером вышли в сад. Все остальные — Миллер с Торндайком, я и «маляры» — устроились наблюдать из окна в прихожей.

Через некоторое время Портер и Барбер появились на улице, двигаясь друг к другу с противоположных концов. Затем Барбер со свертком в руках свернул к дому и громко постучал в дверь. В окне эркера второго этажа тут же возникла женщина и внимательно оглядела бывшего детектива-сержанта. В этот момент с домом поравнялся сержант Портер. После этого с минуту ничего не происходило, но после дверь приоткрылась, оставаясь на цепочке. В узкую щель выглянула женщина. Барбер протянул ей сверток, который в щель не влезал, но она принимать его отказалась и попыталась закрыть дверь. Барбер, конечно, успел вставить в щель ногу, но ее пришлось спешно убрать, поскольку на него сверху полетело что-то тяжелое. Он едва успел увернуться; дверь с шумом захлопнулась, и женщина задвинула засов.

Так началась операция по задержанию опасного преступника, во время которой события развивались с ошеломляющей быстротой.

Портер моментально присоединился к Барберу. Они попытались выбить окно на первом эта-

же, но в этот момент в задней части дома раздались пистолетные выстрелы, сопровождающиеся полицейскими свистками. Миллер и двое детективов выскочили из мастерской, за ними Торндайк. Я крикнул Мэрион запереть дверь и побежал следом.

Тем временем со стороны дома доносились полицейские свистки и собачий лай. Затем раздались три отрывистых пистолетных выстрела, и через небольшое время задняя дверь распахнулась. Оттуда выскочил преступник. С выпученными глазами, весь бледный, за исключением носа, который оставался ярко-красным.

Миллер с двумя детективами бросились в погоню, следом за ними сержант Портер и бывший полицейский Барбер. Преступник бежал как ужаленный, но вскоре ему загородили путь выскочившие откуда-то сбоку несколько констеблей.

Он пытался прорваться, делая отчаянные зигзаги, отбросил разряженный пистолет и выхватил другой. Миллер и детективы почти настигли его, но он проворно развернулся и, угрожая пистолетом, заставил их отступить. Затем преступник с криками ринулся в нашу сторону, предварительно несколько раз выстрелив. Вдруг мою левую ногу как будто обожгло огнем, она подогнулась, и я тяжело повалился на землю недалеко от двери мастерской. Оттуда выскочила Мэрион. Она подбежала ко мне, опустилась на колени, обняла за шею.

— Стивен... Стивен, дорогой!

Глаза ее были полны ужаса и любви и не замечали ничего вокруг. Я умолял ее вернуться в мастерскую, тщетно пытался достать пистолет, поскольку преступник, оторвавшись от преследователей, быстро приближался к нам. Он отбросил второй пистолет и теперь, злобно оскалась и бормоча проклятия, размахивал невесть откуда взявшимся огромным ножом.

Когда нас разделяло шагов двадцать, Торндайк поднял пистолет, нацелившись ему в ноги, но тут случилось неожиданное. Из дверей мастерской выскочила разъяренная Арабелла с массивным табуретом в руках, который держала с удивительной легкостью. Преступник ее не видел, зафиксировав взгляд на мне и Мэрион, так что ей удалось подбежать к нему достаточно близко и с силой швырнуть табурет, который ударил его под коленный сгиб. Ноги преступника резко подогнулись, он упал на живот и затих.

Все ждали. Преступник лежал, подрагивая конечностями, но вскоре и они перестали двигаться. Арабелла подбежала и остановилась, разглядывая его с напряженным интересом. Торндайк с пистолетом в руке наклонился и осторожно перевернул тело. Тогда стала видна торчащая из груди рукоятка ножа.

— Напоролся, — произнес Торндайк. — Скорее всего перерезал дугу аорты. Ну что ж, наверное, это к лучшему.

Он выпрямился, подошел к нам и быстро меня осмотрел.

— Вам повезло, Грей. Кость не задета. Разве что нерв.

— Да, — согласился я, — рана мышечная. Чувствую онемение, кровотечение несильное. Думаю, смогу доковылять до мастерской, если поможете встать.

Торндайк отрицательно покачал головой и позвал двух констеблей. Они осторожно перенесли меня в мастерскую и положили на диван. Туда же привели двух полицейских. Сержант Портер был ранен в руку, а у Барбера сломано ребро. Я вздохнул с облегчением — обе раны были не опасны.

Девушек вежливо попросили выйти в сад, после чего Торндайк всех осмотрел и наложил временные повязки. Все необходимое было у него в саквояже, с которым он не расставался.

В это время три констебля внесли мертвеца и, бормоча извинения, положили на пол, ближе к двери. Меня поразило его лицо. Восковая бледность, как и положено у покойников, особенно у тех, кто умер от потери крови, разительно контрастировала с краснотой носа и угревыми пятнами.

Ясность внес Барбер. Когда доктор оказал ему первую помощь, он подошел и сел на край дивана.

— Мастерски наложенный грим. — Барбер кивнул в сторону трупа. — Сейчас, конечно, это заметно, но когда он был живой, вы бы ни за что не догадались. Даже при ярком свете. Такие специалисты по гриму среди преступников — редкое

явление, но и всегда тяжелое испытание для полиции.

Я посмотрел на Торндайка.

— Вы знали, что он загримирован?

— Догадывался, — ответил он. — И сержант Барбер тоже. Что ж, давайте посмотрим, как он выглядит на самом деле.

Торндайк наклонился и с помощью небольшого ножа слоновой кости для разрезания бумаги аккуратно скovyрнул накладной нос и остальной грим на лице, выполненный из модельного воска. Затем смазал эти места вазелином и матерчатой салфеткой удалил красный пигмент. Теперь вся кожа была одинакового цвета.

— Все-таки это был Моррис, — воскликнул я. — Просто невероятно, как ему удавалось так изменить внешность!

— Это не так уж сложно, — проговорил доктор с улыбкой. — Разве вы забыли, как совсем недавно мисс Д'Эрбле продемонстрировала нам изменение лица восковой модели?

Я смущенно закивал.

— А другой, тот, что с крючковатым носом, тоже Моррис?

— Да, — ответил Торндайк, — только грим выбран более гротескный. Моррис, он же Бенделоу.

Пока я осознавал сказанное, в мастерской появился один из «маляров».

— Мы проникли в дом с черного хода, сэр, — произнес он, обращаясь с Миллеру. — Женщина мертва. Лежала на кровати в комнате второго эта-

жа. Рядом на тумбочке стакан с водой и это. — Он протянул суперинтенданту флакончик с широким горлышком и наклейкой «Цианистый калий».

Миллер встал:

— Я туда скоро приду, посмотрю все сам. А пока в дом никого не пускайте и дайте мне знать, когда придут кебы.

— Два уже здесь, — доложил детектив. — С тремя каталками.

— Один повезет двоих мертвецов, а другой доктора Грея. Но сначала женщину завезите сюда, чтобы он ее опознал.

Детектив отдал честь и удалился, а через несколько минут двое констеблей завезли каталку с мертвой женщиной и поставили рядом с телом Морриса. Я смотрел на муляж того, что совсем недавно было сильной и ловкой женщиной. При мне с нее сняли капор, парик, очки, тяжелые накладные брови, стерли с век темный пигмент, и она превратилась в миссис Моррис. Я подтвердил это со всей определенностью. Затем мертвецов увезли.

— Итак, доктор, — произнес Миллер, — со своей частью работы вы, как всегда, справились отлично, а вот нам не повезло: я бы хотел предать его суду.

Торндайк улыбнулся:

— Мой друг, не унывайте. Все получилось как нельзя лучше. Да, он достоин виселицы. Но суду это надо было доказать. А улики по обоим делам, Ван Зеллена и Д'Эрбле, у нас косвенные и мо-

гли бы не убедить присяжных. Так что еще не известно, признали бы его виновным, как в Америке, так и у нас. А оправдательный приговор был бы катастрофой, о которой лучше не думать.

— Предать суду человека, который по документам кремирован... — задумчиво проговорил Миллер. — Придется удовлетвориться тем, что есть. Подобный исход для такого преступника вполне можно считать справедливым. — Он помолчал. — Я, пожалуй, схожу осмотрю дом.

Дружески мне кивнув, он удалился, а Торндайк позвал девушек.

Я услышал, как по пути сюда Мэрион расспрашивает его о моем ранении.

— Мисс Д'Эрбле, — ответил доктор, — насколько я могу судить, у него прострелена мышца. Значит, хромать доктор Грей не будет и скоро поправится. Но ему все равно требуется соответствующий уход. Предлагаю отвезти его в нашу больницу.

— А нельзя ли ко мне домой? Мы с мисс Боулер смогли бы обеспечить ему нужный уход.

— Ваше предложение прекрасно, — отозвался Торндайк, — но в данный момент нужно, чтобы его осмотрел квалифицированный хирург, который решит, оставаться ли ему в больнице, после того как рана будет надлежащим образом обработана, или... — Он задумался. — Вы знаете, самое лучшее, если он займет одну из спален в моем доме, где его ежедневно будет наблюдать хирург, да и я за ним присмотрю. — Он улыбнулся. —

А вы с мисс Боулер можете приходить когда пожелаете и оставаться на сколько потребуется. У меня есть свободная комната, которую вы можете занять на это время. Если будет нужно, поможет Полтон. Вы знаете, на него можно положиться. Ну, как вам мое предложение?

Мэрион приняла его с благодарностью, только попросила, чтобы ей позволили сопровождать меня до больницы.

— Почему нет, — проговорил Торндайк. — Мы четверо в кебе вполне поместимся, и чем скорее отъедем, тем лучше.

На улице собрались жители соседних домов. Под присмотром двух констеблей они возбужденно переговаривались, посматривая на нас. Что и говорить, подобные перестрелки на Эбби-роуд бывают не часто.

Глава 19

ТОРНДАЙК РАСПУТЫВАЕТ КЛУБОК

Дни моего заточения в доме доктора Торндайка спокойно тянулись один за другим. Мэрион работала в мастерской одна, теперь ей ничто не угрожало. Она почти каждый день посещала меня. Входила, окидывала смеющимся взглядом, такая жизнерадостная и красивая.

С Торндайком в первые несколько дней я виделся редко — у него было много работы, —

но потом он начал регулярно заходить ко мне утром и вечером и по-отечески ухаживал.

И вот однажды — это было на вторую неделю моей болезни — я, сидя на постели, наблюдал, как Мэрион готовит стол к чаю. На мой вопрос, для кого предназначен третий прибор, она ответила:

— Полтон предупредил, что сегодня к нам придет доктор. — Она подошла ко мне. — Стивен, наш доктор просто чудо. При всей своей занятости он всегда провожает меня до ворот и сажает в кеб. Я бесконечно ему благодарна, наверное, почти так же, как тебе.

— А мне-то за что? — удивился я.

— За что? Ты полагаешь, это пустяки — в момент горя и отчаяния обнаружить благородного, преданного друга, поддерживающего во всем и оберегающего от опасностей? Нет, Стивен, для меня это очень важно.

Смущенный, я поспешил сменить тему:

— Полтон сказал, сколько времени доктор с нами пробудет?

Она улыбнулась:

— Надеюсь, долго. Мистер Полтон упомянул, что сегодня вечер у него свободный.

— Тогда, возможно, он растолкует нам детали своего расследования, как и обещал. Мне интересно, как ему удалось раскусить этого негодяя Бенделоу.

— И мне тоже, — проговорила она и прислушалась. — Кажется, он идет.

Меньше чем через минуту в комнату вошел Торндайк, ласково поздоровался и сел в кресло у стола, оглядывая нас с добродушной улыбкой.

— Мы только что говорили о вас, сэр, — сказал я. — О том, как мы вам благодарны.

Он отмахнулся:

— Какие могут быть благодарности, если я получаю удовольствие от общения с вами. Я старый холостяк, но как будто приобрел на время семью. Более того, мне представилась возможность наблюдать ростки новой семьи, рождение которой, надеюсь, не за горами.

— И у меня есть на это надежда, — подхватил я, бросив взгляд на Мэрион.

Она покраснела, но все же ловко перевела разговор в другую плоскость:

— А я надеюсь, что сегодня вы немного просветите нас по поводу своего успешно завершеного расследования. Признаюсь, очень многое мне так и осталось непонятным.

Торндайк кивнул:

— Именно ради этого я и освободил сегодняшний вечер. Согласен, дело странное и крайне запутанное... Я, пожалуй, начну, а вы, моя дорогая, подливайте мне время от времени чаю. Я буду обращаться к Стивену, который хорошо знаком с фактами. А вас, мое бедное дитя, потерявшее отца, не должно обижать, что я буду говорить о его убийстве беспристрастным тоном. Поверьте, в данном случае это необходимо.

— Я все понимаю, — отозвалась Мэрион.

Торндайк серьезно кивнул и после короткого молчания начал:

— Буду излагать свои наблюдения и умозаключения в том порядке, в каком они возникали. Расследование можно разбить на несколько этапов, следующих один за другим по мере того, как появлялись новые факты. Разумеется, начну с первого.

Итак, совершено убийство. Преднамеренное и тщательно спланированное. Что касается мотивов, то тут можно было рассмотреть две альтернативные версии: месть или корысть. Месть следовало исключить, поскольку, по словам дочери, врагов у мистера Д'Эрбле не было. Ни явных, ни потенциальных. Оставалась корысть. Эта версия наиболее вероятна, и дальнейшие события ее подтверждали. Очевидно, преступник и жертва были как-то связаны. И эта связь, а также изучение их личностей, могли навести на конкретную цель преступления.

Факты указывали, что преступник достаточно образован, знаком с ядами почти на профессиональном уровне и знает, как получить их в свое распоряжение. Он проницателен, изобретателен и ловок, однако не всегда предусмотрителен, поскольку пошел на риск, которого можно было избежать. Скорее всего он игрок, сосредоточенный на выигрыше и способный совершать опрометчивые поступки. С помощью шприца он ввел мистери Д'Эрбле яд и был уверен, что этого не обнару-

жат. И самое главное — он законченный преступник. С большим опытом.

Теперь о жертве. Свидетельства указывают, что мистер Д'Эрбле был человеком высоких моральных качеств, честным, трудолюбивым, хозяйственным, доброжелательным, с отличной репутацией. Иными словами, являл собой полную противоположность преступнику. Таким образом, если они и были как-то связаны, то не на почве нарушения закона. И еще, мистер Д'Эрбле был человеком неординарным. Художник, скульптор, высококласный специалист по созданию восковых фигур. Надо отметить, что восковые фигуры — изобразительное искусство особого рода, где главным является буквальная тождественность произведения и модели. Достаточно вспомнить инциденты, то и дело возникающие в музее мадам Тюссо. Когда он находился еще на Бейкер-стрит, рядом на скамье сидел мужчина, нюхающий табак, управляемый специальным механизмом. Так к нему довольно часто подсаживались посетители и пытались завести разговор. Точно так же обращались с вопросами и к стоящему у входа полицейскому. Совершенно очевидно, что такие фигуры могли использовать и различные мошенники. У меня, естественно, возник вопрос: не связан ли мотив преступления с уникальным талантом художника? Не пытался ли преступник использовать его для своих неблаговидных целей? Если это имело место, не важно, с каким исходом, то покойный стал носителем информации, опасной для

преступника. Особенно если результаты его работы были использованы в противоправных целях.

Следовало учесть, что покойный был также мастером по изготовлению гальванокопий монет и медалей. И ему могли заказать с безобидной на первый взгляд целью копию какого-либо ценного артефакта, который потом использовали для мошенничества. Второй этап расследования был посвящен изучению этой версии. Начался он после того, как инспектор Фоллетт обнаружил в озере старинную монету. Ее подноготную мы выяснили, посетив Британский музей. Позднее, когда обнаружилось, что найденная монета является гальванокопией, а покойный мистер Д'Эрбле был экспертом в этом деле, его причастность к изготовлению подделок, используемых с преступными целями, не вызвала сомнений. Казалось, эта версия должна была стать основной, но я от нее отказался по нескольким причинам.

Первая — недостаточная мотивация. Вообще-то тут нечего было скрывать. Убийство изготовителя подделки не гарантирует безопасности продавцу. Кроме того, в изготовлении гальванокопий покойный все же был не таким крупным специалистом, как в восковых фигурах, и преступник мог найти лучшего мастера. Возможно, преступник заказал Джулиусу Д'Эрбле гальванокопию гинеи времен Карла Второго, только чтобы завязать знакомство и использовать его как скульптора. На этом этапе расследования стало окончательно ясно, что мы имеем дело с профессиональным

преступником, но я по-прежнему связывал мотив убийства с основным делом покойного.

Следующий этап начался с того момента, когда вы, Стивен, вернулись вечером в дом доктора Корниша, где жили тогда, и рассказали о падении в канал и предшествующих событиях. Это происшествие меня сильно заинтересовало, хотя в ту пору я не связывал его с расследуемым преступлением. Однако выглядело оно весьма странным, и чем больше я размышлял, тем более странным оно казалось. О случайности не могло быть и речи. И объяснить это чьей-то шалостью тоже не получалось. Вы утверждали, что вокруг никого не было, но злоумышленник вполне мог скрыться, открыв калитку в стене рядом. Я сделал вывод, что вас пытались убить. А перед этим вы подписали свидетельство о смерти с разрешением на кремацию... Вот тут было о чем поразмышлять. Вам известно, что к кремации я отношусь крайне скептически, потому что она дает возможность скрыть преступление. Например, отравление, особенно мышьяком и сурьмой, можно установить, эксгумировав тело, а после кремации... вы сами все понимаете.

Я тщательно обдумал ваш рассказ и пришел к твердому выводу, что в доме пациента, которого вы посещали, совершено мошенничество. К примеру, в крышке гроба было сделано смотровое окошко. Зачем? Такие вещи устраивают, только когда состояние тела таково, что его необходимо хоронить в герметически закрытом гробу.

Но в данном случае этого не было... Теперь вспомните, как все происходило. Сначала две свидетельницы зашли посмотреть на покойника через окошко. Спустя некоторое время явились вы с Кроппером, извлекли тело из гроба, Кроппер его препарировал, после чего покойника вернули назад. А потом опять эти свидетельницы зачем-то во второй раз поднялись наверх посмотреть на покойника через окошко. Разве это не подозрительно? Особенно если рассматривать все вкупе с покушением на вашу жизнь.

Что же касается происшествия у канала... Я проверил по карте, там действительно есть небольшой причал и ворота в стене. У меня не возникло сомнений, что они ведут в сад Морриса. Этот самый Моррис мог выпустить вас через эти ворота, но зачем-то направил к дорожке вдоль канала кружным путем. Он знал, куда вы пойдете, и, выйдя за ворота, ждал, притаившись в сарае у причала. (По ходу дела я обнаружил также, что дом Морриса имеет два фасада, выходящие на Филд-стрит и Маркет-стрит.)

Теперь у меня уже не было сомнений, что старые девы видели в окошечко одного покойника, а вы другого. Но пока не было ясно, с какой целью задуман этот обман. Итак, покойник. Он, конечно, был настоящий, и его кремировали. Тут не подкопаешься. Пустой гроб похоронить можно, а вот кремировать нельзя. Все моментально выяснится. Вначале я допускал наличие еще одного мертвеца. Найти такого мошенникам было вполне под силу. Но потом от него надо было как-

то избавиться... Наконец я понял, как все происходило. Во втором случае мертвецу изменяли внешность, наложив на лицо мастерски выполненную восковую маску. Для осмотра в окошко этого было вполне достаточно. Именно для этого оно и было предназначено — чтобы свидетельницы могли видеть только маску. Позднее я объясню, зачем все это было нужно.

А пока обратим внимание на еще одно странное обстоятельство. Моррисы жили в Хокстоне, но почему-то пожелали пригласить доктора из другого района, находящегося за много миль от них. Почему не местного? При этом назначали дни и часы визитов, что вообще-то не принято. Значит, у них было что-то такое, чего не должен увидеть доктор. Поэтому к его приходу делались какие-то приготовления.

И почему приглашение было адресовано доктору Грею, а не Корнишу, которого он замечал? Разве не странно, что они знали вас, а не доктора Корниша, практикующего в этом районе много лет?

Объяснение тут следующее. Они прочли отчет о разбирательстве у коронера, а возможно, присутствовали там, где вы во время своего выступления сообщили свой временный адрес, Мекленбург-сквер, 61, назвали свои имя, фамилию и возраст. Им было на руку, что вы еще не осели на одном месте и позже вас не так легко будет найти. Ваша молодость их тоже устраивала.

Суммируя все факты, изученные на этом этапе, я нашел суть мошенничества. Оно заключа-

лось в том, чтобы получить свидетельство о кремации человека, который на самом деле жив. С тем, чтобы для властей он числился мертвым. И человек этот Саймон Бенделоу. При этом опознание его как покойника производилось с помощью восковой маски, которая должна была быть очень хорошей, портретной. А такую можно заказать либо в Париже, либо у Джулиуса Д'Эрбле.

Но это были только предположения без каких-либо улик. При этом в двух местах проглядывали связи с убийством Д'Эрбле. Во-первых, Моррисы были в курсе разбирательства у коронера, а во-вторых, восковую маску скорее всего изготовил Д'Эрбле.

Следующий этап расследования начинается после обнаружении маски в мастерской, чему предшествовали два события. Проникновение туда неизвестного ночью, а на другой день — попытка убийства Мэрион. Мне предстояло ответить на четыре вопроса:

Зачем ему было нужно ее убивать?

Что он искал в мастерской накануне?

Нашел ли он то, что искал?

Почему он так надолго откладывал поиски?

Начнем со второго. Что он искал? Очевидно, то, что могло его как-то выдать. Но что именно? Матрицу поддельной монеты или медали? Сомнительно, поскольку если у полиции есть подделка, то матрица значения не имеет... Я полагал, что это была восковая портретная маска, которую использовали для фальшивой кремации Бенделоу. И тогда стал ясен ответ на третий вопрос. Его поиски

не увенчались успехом. Поэтому он на следующий день попытался убить Мэрион, надеясь, что она в мастерской одна. И наконец, четвертый вопрос. Почему он так долго ждал? Почему не пошел в мастерскую сразу после убийства, когда там наверняка никого не было?

Наиболее вероятным ответом мне показался следующий. Итак, он заказал мистеру Д'Эрбле восковую портретную маску, а после ее получения не сразу сообразил, что допустил оплошность, перепутав воск с гипсом. При извлечении готовой гипсовой маски пресс-форма разрушается. В мастерской не остается ничего. А для восковой маски используют гипсовую пресс-форму, которая после извлечения остается неповрежденной. Так вот, спустя какое-то время преступник, видимо, сообразил, что в мастерской фактически остался его портрет. Разве его можно там оставлять?

Но опять-таки это были всего лишь гипотезы, которые могли оказаться ошибочными. У нас по-прежнему не было ни единой твердой улики.

Торндайк на несколько секунд замолк, и я рискнул спросить, зачем преступник хотел убить Мэрион.

Доктор кивнул:

— Когда преступник перерезал тормозной трос на велосипеде, мне показалось, что он пытается устранить ее как опасную свидетельницу, полагая, что она знает о его делах с отцом. Но потом была предпринята более серьезная попытка, и я подумал, что он вообразил, будто она нашла гипсо-

вую матрицу его восковой маски и припрятала. Если бы убийство удалось, он бы снова обыскал всю мастерскую уже при дневном свете и, может быть, нашел ее.

Теперь вернемся к нашему расследованию. Как видите, у меня было несколько версий, но ни единого факта. И в то утро я пришел в мастерскую поискать эту маску, надеясь, что она не уничтожена. И поскольку я на шесть дюймов выше Бенделоу, увидел ее на шкафу... Когда я нашел маску, а потом выяснилось, что Мэрион видит ее впервые, во мне начала пробуждаться надежда. А когда вы, Стивен, узнали в ней Морриса, я понял, что в моих руках настоящая твердая улика. И мой карточный домик, составленный из предположений, превратился в монолитное сооружение. Вероятное стало почти достоверным.

Задумаемся, что доказывало наличие гипсовой матрицы? Во-первых, что это портрет Морриса, во-вторых, что с помощью этой матрицы была сделана восковая маска, заказанная — теперь это очевидно — с целью проведения аферы с кремацией. И наконец, в-третьих — эту маску изготовил Джулиус Д'Эрбле.

Цель аферы была для меня совершенно ясна, и я уже успел ее озвучить. Моррис, он же Саймон Бенделоу, пожелал иметь неопровержимое свидетельство своей кончины. Зачем? А затем, что его разыскивала американская полиция по делу об убийстве Ван Зеллена. И он знал, что они люди настырные. Просто похороны негодились, была

нужна кремация, чтобы спрятать концы в воду. Джулиуса Д'Эрбле он убил с той же целью. Как опасного свидетеля.

На следующем этапе расследования надо было избавиться от некоторых противоречий. Человек, пытавшийся убить Мэрион, был убийцей ее отца. Это очевидно. Значит, это был Моррис. Но она описала человека, совсем на него непохожего. Крючковатый нос, нависающие брови и так далее. Так в чем дело? А в том, что внешность можно легко изменить гримом. Но принадлежало ли это «подправленное» лицо Моррису? На этот вопрос мне помог ответить Полтон. Вначале на гипсовой матрице маски Морриса он с помощью клея вылепил нос злодея, каким его описала Мэрион, и сделал соответствующие брови. Затем изготовил восковую маску, приладил к ней стеклянные глаза и соорудил какое-то подобие бюста, к которому прикрепил усы, бороду, парик, надел рубашку, галстук, пиджак... Все это выглядело грубо, но для фотографии годилось. Ее намеренно сделали темной и нерезкой, но лицо вполне можно было разглядеть. Мэрион тотчас узнала в ней нападавшего, без всяких оговорок. Теперь я получил подтверждение, что на нее напал именно Моррис.

— А нельзя ли увидеть работу моего ученика Полтона? — спросила Мэрион, увлеченно слушавшая его рассказ.

— Отчего же, можно. — Торндайк улыбнулся. — Сейчас принесу.

Он вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с поясным манекеном, какие можно уви-

деть в витринах парикмахерских. Только лицо у этого было безобразное. Торндайк позволил нам полюбоваться с минуту, а затем унес его обратно, на этот раз вернувшись с завернутым в материю предметом. Он положил его на стол.

— Это, говоря судебным языком, еще одно вещественное доказательство. Вскоре оно нам понадобится. Тем временем давайте подведем итог рассуждений.

Итак, с помощью фотографии этого воскового муляжа нам удалось окончательно определить личность преступника. Это Моррис. Следующий этап расследования начался после визита ко мне суперинтенданта Миллера. Вы на этой встрече присутствовали и помните, как все было. Он сообщил весьма важную информацию, не только подтверждающую мой вывод о том, что Бенделоу убийца, но и проясняющую ситуацию относительно мертвецов. Оказывается, существовал еще один человек, сообщник Бенделоу, которого звали Джонатан Крайл. По документам он умер в Хокстоне от рака поджелудочной железы и был похоронен. Путем несложных изысканий мне удалось установить, что он умер в том же доме, что и ваш пациент Бенделоу. При этом оба страдали фактически от одной и той же болезни и умерли с разницей в несколько дней. На самом деле пациент был один — Крайл. Ашеру его показывали под настоящей фамилией, а вам — как Бенделоу. Потому и гроб, в котором он якобы был похоронен, на поверку оказался пустым. Ведь его креми-

ровали как Бенделоу — и выдали соответствующее свидетельство. Я был настолько в этом уверен, что попросил Миллера произвести эксгумацию. Результаты вам известны.

Оставалось выяснить, чье лицо видели пожилые дамы, глядя в окошко крышки гроба Саймона Бенделоу. И тут отличился Полтон, используя навыки, приобретенные в мастерской Мэрион. С помощью гипсовой матрицы он сделал весьма приличную восковую маску, которую я выставляю на ваш суд.

Торндайк развернул материю и протянул Мэрион маску, выполненную из желтоватого воска.

— Замечательная работа, — похвалила она. — И ресницы как настоящие.

— Они и есть настоящие, — заметил Торндайк с усмешкой.

Мэрион не выдержала и рассмеялась:

— А как же иначе. Они ведь принадлежали славному мистеру Полтону. И он правильно сделал. Иначе нужного эффекта достичь было бы невозможно.

— Он так мне и сказал. — Торндайк помолчал. — А потом мы взяли напрокат гроб, сделали в крышке смотровое окошко, отыскиали черную ермолку. Приглашенные дамы безоговорочно опознали в усопшем Бенделоу. На этом расследование фактически было закончено. Доказательств мы имели достаточно. Оставалось арестовать убийцу.

— А как вы узнали, где живет Моррис? — спросил я.

— Это заслуга Барбера. Я нанял его подстраховать вас, и он в тот самый вечер не отставал от Морриса. В конце концов тот привел его к своему дому. — Торндайк посмотрел на нас. — Ну что ж, пора закругляться. Позвольте мне в конце реконструировать события в той последовательности, в какой они происходили.

Итак, Бенделоу убивает Ван Зеллена, не оставив никаких улик. Но его разыскивает полиция, и он скрывается в Англии. С ним бежит и его приятель-сообщник Крайл. Он болен. У него рак поджелудочной, и жить ему осталось несколько месяцев. У Бенделоу возникает план использовать смерть Крайла в своих целях. Подстроить так, как будто умер он, Бенделоу. Он заказывает у мистера Д'Эрбле восковую маску своего лица с закрытыми глазами. Его жена нашла где-то двух старых дев, которые посетили Бенделоу, лежащего в постели, смертельно больного, и засвидетельствовали его завешание. После чего супруги по фамилии Моррис переехали из Хорнси в Хокстон, захватив с собой Крайла, и задействовали двух докторов — Ашера и Грея, живших довольно далеко от их дома. Доктора посещали пациентов в разные дни. Ашеру миссис Бенделоу представилась как миссис Пеппер, а вы, Стивен, знали ее как миссис Моррис. Дом вы посещали один и тот же, только входили через разные двери.

Незадолго до этого Бенделоу убивает мистера Д'Эрбле, чтобы замести следы, ведущие к изготов-

лению маски. Затем умирает Крайл. Не исключено, что ему помогают отправиться в мир иной, дав лошадиную дозу морфия. Это происходит в четверг. Ашер выдает свидетельство о смерти и является на похороны в субботу. Но перед этим, наверное ночью в пятницу, Бенделоу извлекает мертвеца из гроба и заменяет его мешком с опилками.

В понедельник мертвеца снова выставляют на обозрение, но теперь уже как Саймона Бенделоу, якобы умершего днем в воскресенье. Его, согласно завещанию, следовало кремировать. В крышке гроба было проделано смотровое окошко. Причину никому не объясняли, да никто и не спрашивал. Для старых дев на лицо покойника положили восковую маску Бенделоу, на голову надели ермолку. Они увидели в окошко то, что положено, и удалились. Перед приходом докторов маску, естественно, удалили. Доктора извлекли усопшего, осмотрели, все честь по чести, а потом возвратили на место и ушли. А супруга Бенделоу вновь пригласила старых дев еще раз посмотреть на несчастного. В последний же раз они вглядывались в лицо покойного перед кремацией и опять видели знакомого им Саймона Бенделоу.

— Чертовски умная схема, — подал голос я.

— Действительно умная, — согласился Торндайк. — Все было продумано до мелочей. Если бы этих дам пригласили свидетельствовать на суде, их показания полностью подтверждали бы ваши. Они видели покойного Саймона Бенделоу в гробу. При этом дамы были знакомы с ним и при жизни. А несколько минут спустя вы осмотрели

тело того же самого Саймона Бенделоу, причем не через окошко в крышке, а тщательно, извлекая из гроба. На ваших глазах мистер Моррис завинтил крышку. После этого вновь появились свидетельницы и опять увидели в окошко Саймона Бенделоу. Казалось, какие тут могут быть сомнения! Саймон Бенделоу мертв и кремирован согласно завещанию. Все подтверждено медицинскими документами. Куда уж убедительнее. — Торндайк на секунду замолк. — И вы только представьте — рядом с подобной изобретательностью соседствовала элементарная глупость, характерная для подобных преступников. Бенделоу погубило маниакальное стремление замести следы. Казалось бы, сбежал в Англию, так сиди себе тихо, готовь свою «кончину». Покойника бы кремировали, и никто бы ни о чем не догадался. Ему удалось обмануть двух опытных детективов, которым пришлось принять факты, какими они были представлены. Но злодей не может уgomониться — и убивает Джулиуса Д'Эрбле. Ну, теперь, наверное, все, концы обрублены. Но ему и этого мало. Убийца начинает подозревать, что мисс Д'Эрбле знает что-то о маске. Он пытается расправиться с ней — и опять оставляет следы, о чем не подозревает. В конце ему захотелось прикончить и доктора Грея. А как же, ведь он пользовал покойного Саймона Бенделоу, за которого выдавали смертельно больного Крайла. А вдруг кто-то что-то заподозрит? Нет, лучше от доктора избавиться... И вот таким образом убийца попал в наши руки.

Торндайк надолго задумался. Мы терпеливо ждали. Наконец он поднял глаза и тихо заговорил, обращаясь к Мэрион:

— Вот и все, моя дорогая. Расследование закончено, преступник понес заслуженную кару. К сожалению, вашего отца уже не вернешь, но... Чуть было не сказал: «нет худа без добра», однако лучше подобную фигуру речи здесь не употреблять. Провидение распорядилось так, что в день смерти отца вы встретили человека, с которым, я уверен, вас ждут многие годы счастливой жизни... Считайте это отцовским благословением.

СОДЕРЖАНИЕ

Поющие кости

Перевод Н. С. Ломановой

Предисловие.....	7
------------------	---

Часть I

ДЕЛО ОСКАРА БРОДСКОГО

Глава 1. МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	9
Глава 2. МЕХАНИЗМ РАССЛЕДОВАНИЯ	30

Часть II

ПРЕСТУПНЫЙ ТАЛАНТ

Глава 1. УБИЙСТВО МИСТЕРА ПРАТТА	70
Глава 2. СЫЩИК ПРОТИВ ИЩЕЕК.....	99

Часть III

ЭХО МЯТЕЖА

Глава 1. СМЕРТЬ НА МАЯКЕ.....	123
Глава 2. ПОЮЩИЕ КОСТИ	141

Часть IV

РОМАН МОШЕННИКА

Глава 1. НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ.....	168
Глава 2. АКТ МИЛОСЕРДИЯ.....	187

Часть V

ТЕНЬ ТЮРЕМНОГО ПРОШЛОГО

Глава 1. ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ	212
Глава 2. КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ	232

Тайны Д'Эрбле

Перевод Л. Г. Мордуховича

Глава 1. ВСТРЕЧА У ЛЕСНОГО ОЗЕРА	253
Глава 2. БЕСЕДА С ДОКТОРОМ ТОРНДАЙКОМ ..	266
Глава 3. НЕОЖИДАННАЯ СЕНСАЦИЯ	274
Глава 4. ПАЦИЕНТ БЕНДЕЛОУ	289
Глава 5. НАХОДКИ ИНСПЕКТОРА Фоллетта	297
Глава 6. ВИЗИТ К МЭРИОН Д'ЭРБЛЕ	307
Глава 7. ТОРНДАЙК БЕРЕТСЯ ЗА ДЕЛО	318
Глава 8. КОНЧИНА САЙМОНА БЕНДЕЛОУ	330
Глава 9. СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ	340
Глава 10. НАПАДЕНИЕ НА МЭРИОН	351
Глава 11. МУЖЧИНЫ С ОРУЖИЕМ	363
Глава 12. ВОЛНУЮЩЕЕ ОТКРЫТИЕ	372
Глава 13. ЧУДОМ УЦЕЛЕЛ	381
Глава 14. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ	393
Глава 15. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТОРНДАЙКА	405
Глава 16. СЮРПРИЗ ДЛЯ МИЛЛЕРА	417
Глава 17. ЧЕРЕДА НЕОЖИДАННОСТЕЙ	429
Глава 18. ФИНАЛ	442
Глава 19. ТОРНДАЙК РАСПУТЫВАЕТ КЛУБОК	457

Исключительные права на публикацию книги на русском языке
принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фримен Ричард О.

ПОЮЩИЕ КОСТИ ТАЙНЫ Д'ЭРБЛЕ

Сборник

Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *О. Серкина*
Компьютерная верстка *К. Семёнов, Л. Михеева*
Корректоры *М. Мазалова, Г. Москаленко*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 01.09.2015. Формат 84x108 $\frac{1}{32}$.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 2500 экз. Заказ №1405.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippss.ru, e-mail: zakaz@ippss.ru

«ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА»

В серии вышли:

1. *Найо Марш*. «СМЕРТЬ В БЕЛОМ ГАЛСТУКЕ.
РУКА В ПЕРЧАТКЕ»
2. *Джорджет Хейер*. «ТАК УБИВАТЬ НЕЧЕСТНО!
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КИНЖАЛ»
3. *Жаклин Уинспир*. «МЕЙСИ ДОББС. ОДНОГО ПОЛЯ
ЯГОДЫ»
4. *Найо Марш*. «УБИЙСТВО В ЧАСТНОЙ КЛИНИКЕ.
СМЕРТЬ В ОВЕЧЬЕЙ ШЕРСТИ»
5. *Энтони Гилберт*. «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УБИЙСТВО.
НЕ ВХОДИ В ЭТУ ДВЕРЬ!»
6. *Сирил Хейр*. «ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ. КОГДА ДУЕТ ВЕТЕР»
7. *Николас Блейк*. «ГОЛОВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА.
МИНУТА НА УБИЙСТВО»
8. *Энтони Беркли*. «СУД И ОШИБКА. ОСТОРОЖНО: ЯД!»
9. *Патриция Вентворт*. «ВМЕШАТЕЛЬСТВО МИСС
СИЛЬВЕР. КОГДА ЧАСЫ ПРОБЬЮТ
ДВЕНАДЦАТЬ»
10. *Найо Марш*. «УБИЙЦА, ВАШ ВЫХОД! ПРЕМЬЕРА»
11. *Патрисия Мойес*. «УБИЙСТВО ОТ-КУТЮР.
КТО ПОДАРИЛ ЕЙ СМЕРТЬ?»
12. *Жаклин Уинспир*. «ПРОСТИТЕЛЬНАЯ ЛОЖЬ.
ВЕСТНИК ИСТИНЫ»
13. *Джорджет Хейер*. «ЗАЧЕМ УБИВАТЬ ДВОРЕЦКОГО?
ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК»
14. *Энтони Гилберт*. «УБИЙСТВО В НАЗНАЧЕННЫЙ СРОК.
ДЛИННАЯ ТЕНЬ СМЕРТИ»
15. *Глэдис Митчелл*. «УБИЙСТВА В СОЛТМАРШЕ.
УБИЙСТВО В ОПЕРЕ»
16. *Агата Кристи*. «БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА.
СМЕРТЬ ЛОРДА ЭДЖВЕРА.
УБИЙСТВО В МЕСОПОТАМИИ»
17. *Найо Марш*. «СЕМЕЙКА ЛАМПРИ. ТАНЦУЮЩИЙ ЛАКЕЙ»
18. *Джон Ле Карре*. «ЗВОНОК МЕРТВЕЦУ.
УБИЙСТВО ПО-ДЖЕНТЛЬМЕНСКИ»

19. *Николас Блейк*. «СМЕРТЕЛЬНЫЙ РОЗЫГРЫШ.
КОНЕЦ ГЛАВЫ»
20. *Патриция Вентворт*. «Ключ. ВОЗВРАЩЕНИЕ
СТРАННИЦЫ»
21. *Джорджет Хейер*. «НАЙДЕН МЕРТВЫМ. ТУПОЕ ОРУЖИЕ»
22. *Агата Кристи*. «КАНИКУЛЫ В ЛИМСТОКЕ» (МАРПЛ)
23. *Сирил Хейр*. «САМОУБИЙСТВО ИСКЛЮЧАЕТСЯ.
СМЕРТЬ В АРЕНДУ»
24. *Найо Марш*. «ПРЕЛЮДИЯ К УБИЙСТВУ. СМЕРТЬ В БАРЕ»
25. *Джозефина Белл*. «СМЕРТЬ НА КАНИКУЛАХ.
УБИЙСТВО В БОЛЬНИЦЕ»
26. *Эдмунд Криспин*. «ДЕЛО О ЗОЛОТОЙ МУШКЕ.
УБИЙСТВО В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК»
27. *Майкл Иннес*. «СМЕРТЬ В АПАРТАМЕНТАХ РЕКТОРА.
ГАМЛЕТ, ОТОМСТИ!»
28. *Френсис Айлз (Э.Беркли)*. «УМЫШЛЕННАЯ ЗЛОБА.
ЗАМУЖЕМ ЗА СМЕРТЬЮ»
29. *Джозеф С. Флетчер*. «УБИЙСТВО В МИДДЛ-ТЕМПЛ.
ТАЙНЫ РАЙЧЕСТЕРА»

Планируются к выпуску:

30. *Кристианна Брэнд*. «НЕ ТЕРЯЙ ГОЛОВЫ.
ЗЕЛЕНый – ЦВЕТ ОПАСНОСТИ»
31. *Жаклин Уинспир*. «СРЕДИ БЕЗУМИЯ.
НЕЗАВЕРШЕННАЯ МЕСТЬ»
32. *Николас Блейк*. «ТРЕБУЮТСЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.
БРЕННА ЗЕМНАЯ ПЛОТЬ»
33. *Найо Марш*. «СМЕРТЬ В ЭКСТАЗЕ.
УБИЙСТВО В СТИЛЕ ВИНТАЖ»
34. *Патриция Вентворт*. «ПРИЮТ ПАЛОМНИКА.
В САМОМ КОНЦЕ»
35. *Николас Блейк*. «УБИЙСТВО НА ПИВОВАРНЕ.
ЧУДОВИЩЕ ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ»
36. *Этель Лина Уайт*. «КОЛЕСО КРУТИТСЯ.
КТО-ТО ДОЛЖЕН ПОБЕРЕЧЬСЯ»

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Доктор Торндайк, созданный Ричардом О. Фрименом, — известный эксперт-криминалист, «коллега и конкурент» Шерлока Холмса. Истории о приключениях доктора Торндайка неоднократно экранизировались, а в британском сериале «Соперники Шерлока Холмса» ему посвящено несколько эпизодов.

«Поющие кости»

В знаменитом сборнике рассказов «Поющие кости» доктор Торндайк расследует таинственные и запутанные преступления: кражу крупной партии бриллиантов, загадочное убийство управляющего поместьем, дела о шантаже, мошенничестве и другие.

«Тайны Д'Эрбле»

Во время прогулки у озера молодой врач Стивен Грей обнаруживает на берегу тело скульптора Д'Эрбле. Но как там оказался скульптор? При каких обстоятельствах погиб? Полиция теряется в догадках, и тогда Стивен Грей просит своего коллегу доктора Торндайка провести частное расследование. А вскоре и жизнь самого Стивена оказывается в смертельной опасности...

.....

«Детективы Ричарда Фримена необыкновенно увлекательны, он — лучший в своем жанре».

Реймонд Чандлер

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-089472-7

9 785170 894727